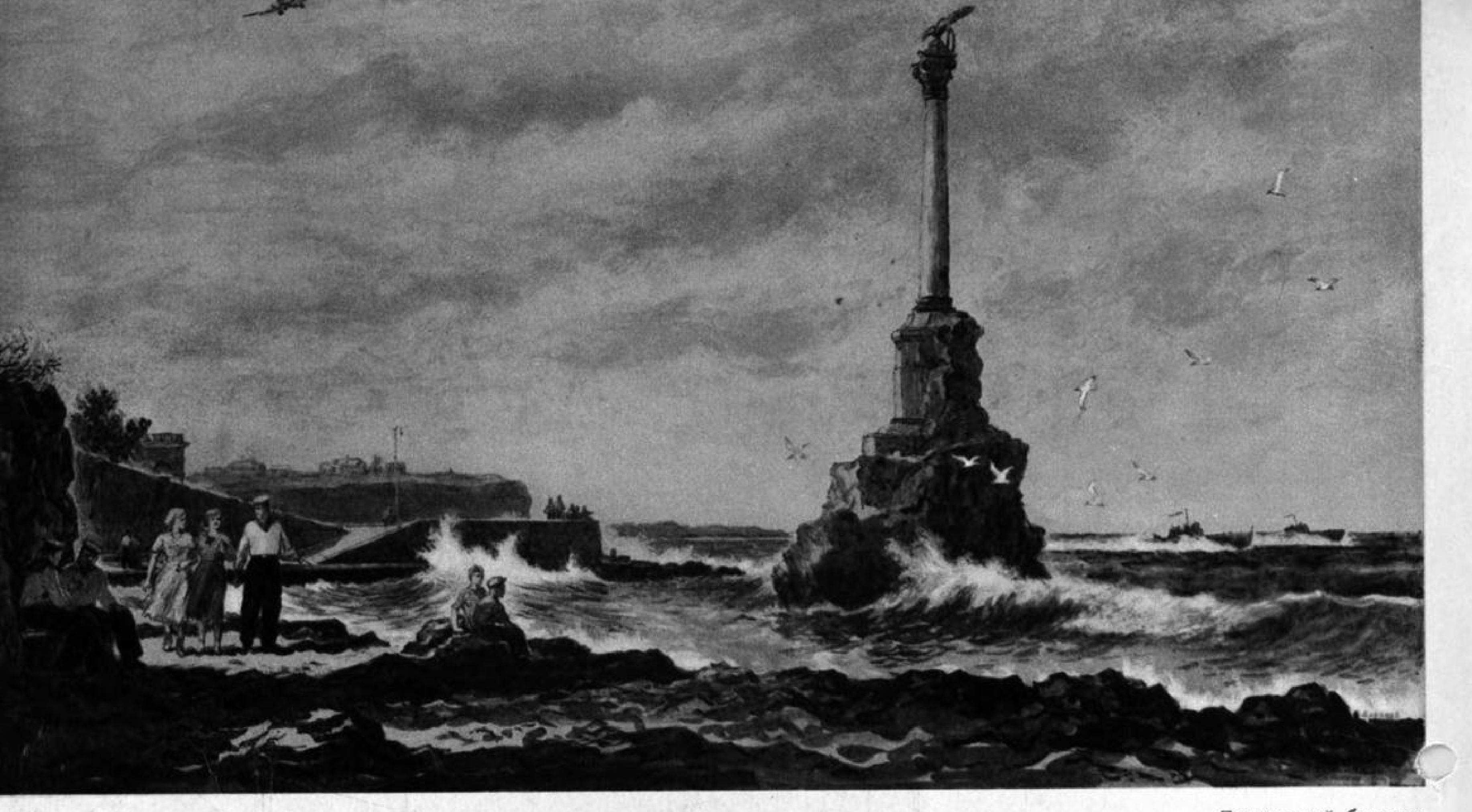

ОГОНЁК
№ 31 ИЮЛЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Приморский бульвар.

П. И. Баранов (из серии рисунков «Героический Севастополь»).

Вечер на рейде.

На первой странице обложки: НА ВАХТЕ.
Фото Н. Драчинского

На последней странице обложки: Отличник боевой и политической подготовки, старшина 1-й статьи, комсомолец Николай Ляпин передает семафор.
Фото Н. Веринчука

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 31 (1312)

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

27 ИЮЛЯ 1952

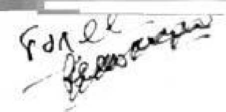
30-й год издания

Сегодня открывается Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина

ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА, ВЕНЧАЮЩАЯ ВХОД В ВОЛГО-ДОНСКОЙ СУДОХОДНЫЙ КАНАЛ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Фото Дм. Бальтерманца

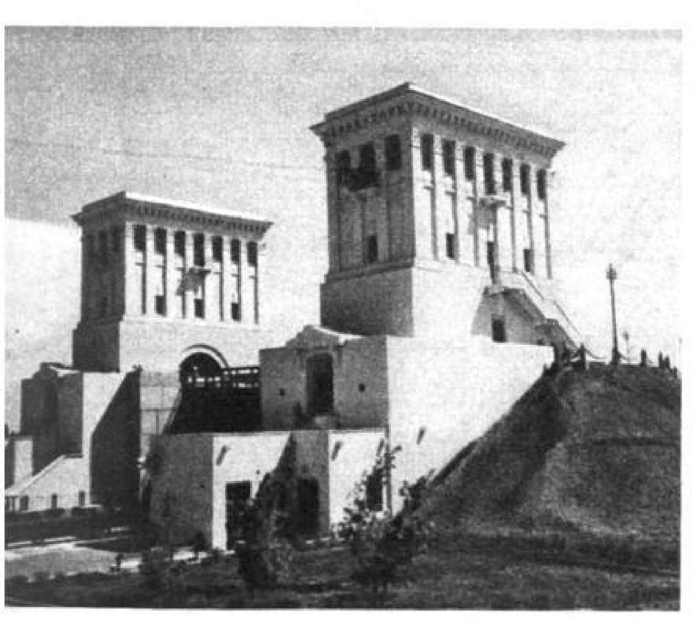

ИМЕНИ ЛЕНИНА

Е. РЯБЧИКОВ

Фото Дм. Бальтерманца и М. Савина

Шлюз № 15.

Шлюз № 3.

Неумолчный плеск нового моря, басовитые гудки кораблей, грохот бушующей воды в бетонных камерах шлюзов, ровный гул судовых машин — все исчезло мгновенно, словно погасло, растаяло, едва из серебристых радиорупоров донесся торжественно-спокойный и в то же время внутренне ликующий голос московского диктора:

— Указ Президиума Верховного Совета СССР... присвоить Волго-Донскому судоходному каналу имя В. И. Ленина...

Морское эхо умножило слова Указа. И полетела, все разрастаясь, волнующая весть над морскими равнинами, над бескрайними степями, над широкой лентой канала. Стозвучно отзывалась она в сердцах людей, вызвала стихийные митинги и собрания на кораблях и причалах, в полевых станах и экскаваторных колоннах.

— Ура! — донесся с проходившего корабля звонкий юношеский голос.— Ура!

Люди увидели с берега, как торопливо побежали по трапам судна старые и молодые матросы, как вахтенный поспешил в штурманскую рубку, схватился там за ручку сигнала, и мощный корабельный гудок огласил море и степи.

— Имени Ленина! — из уст в уста передавали радостную новость экскаваторщики и моряки, гранитчики и диспетчеры, бетонщики и вахтенные шлюзов.

— Имени Ленина! — из казачьих дворов выходили на станичные улицы колхозники поделиться своими мыслями и чувствами.

Тысячи и тысячи людей слушали Указ, и каждый по-своему воспринимал важное сообщение, каждый связывал с ним личную жизнь, свои дела, мысли и чувства, ибо с именем Ленина, с именем Сталина неразрывно связана вся наша жизнь, наше завтра.

— Имени Ленина! — повторял вслух Виктор Мохов, коренастый темноволосый юноша с умными, живыми глазами смелого человека.

Задумался тогда Мохов над своей недолгой, но уже полной больших событий и дел жизнью. Юнцом пришел он на великую стройку, но не робким юнцом, а человеком с опытом работы на тракторах, со знанием колхозного производства. Теперь комсомолец Виктор Мохов — прославленный скреперист, получивший множество телеграмм и писем с предложением работать на крупнейших стройках страны; Мохов — автор книги, обобщившей его новаторский опыт, горячий пропагандист совершенной социалистической техники.

Закалились и выросли на Волго-Доне люди разных поколений. Колхозник Алексей Харлампиевич Пророков приехал на строительство Цимлянского гидроузла Волго-Дона из далекого села. Отец стал... учеником у своего сына Степана. Тот привел отца к экскаватору, показал, как работает машина, ознакомил его с чертежами и своим методом выемки грунта. В совершенстве освоил отец машину, а затем обучил новому делу младшего сына, Дмитрия. Теперь Алексей Харлампиевич — бригадир экскаватора, а вся бригада его — семья Пророковых.

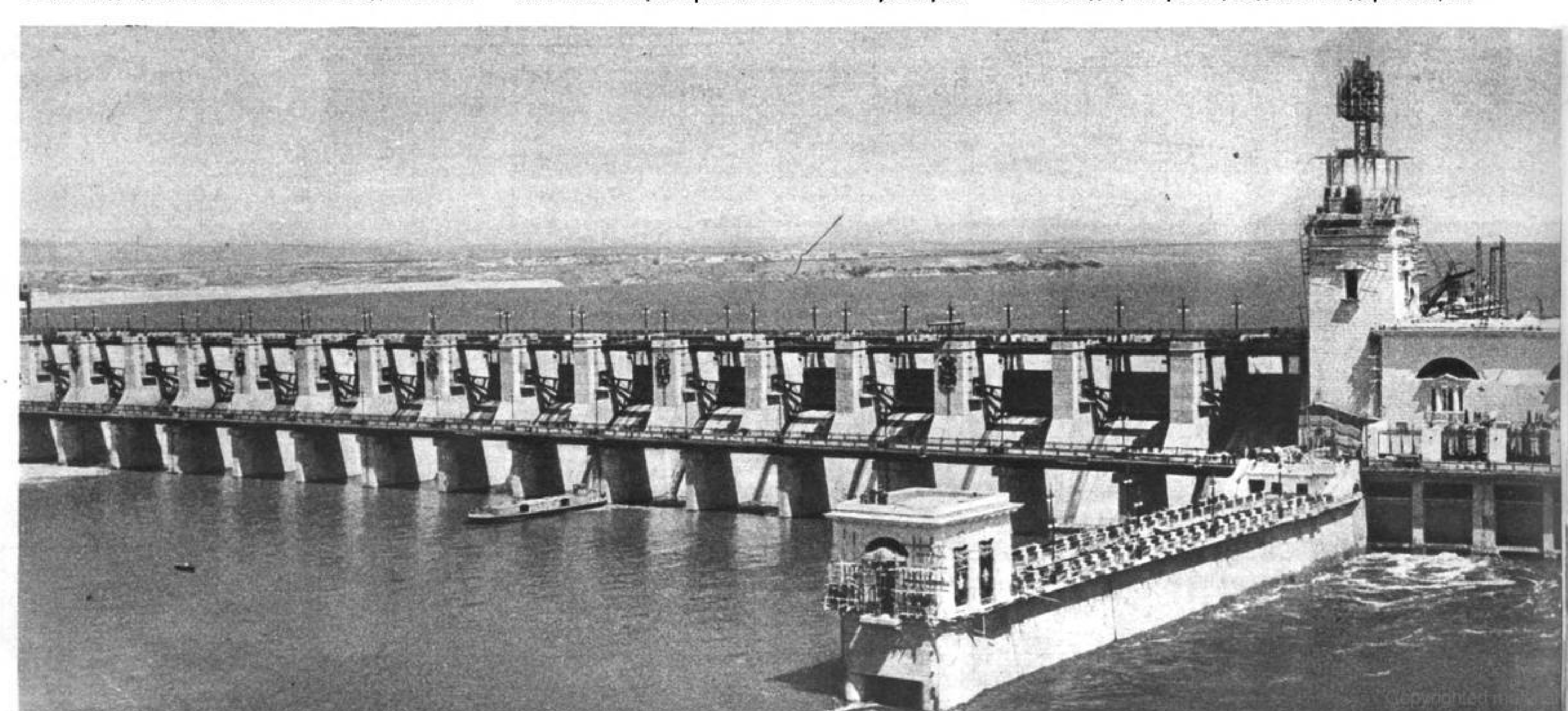
Выращенные партией старые и молодые кадры образовали на Волго-Доне тот чудесный сплав, ту великую силу, которая сотворила чудо. Будут стоять в веках монументальные сооружения Волго-Дона.

Когда передавали по радио Указ, в вишневом саду тринадцатого шлюза остановился седовласый мужчина, высокий ростом, по-военному статный и крепкий.

— Имени Ленина! — повторил он, вслушиваясь в московскую радиопередачу, и заволновался, как юноша.

Главный диспетчер Донского строительного района Илларион Григорьевич Журба не мог не вспомнить далекое прошлое, вечными узами соединенное с сегодняшним днем: огни на Неве, силуэт «Авроры», каменные стены Трубецкого бастиона Петропавловской крепости и громовой залп легендарного крейсера революции по Зимнему дворцу. Вспомнил он, как с бастионов поддерживал связь с «Авророй», как мчался потом на самокате с донесениями в Смольный и там, пробиваясь сквозь толпы солдат, матросов, ходоков из деревень, ви-

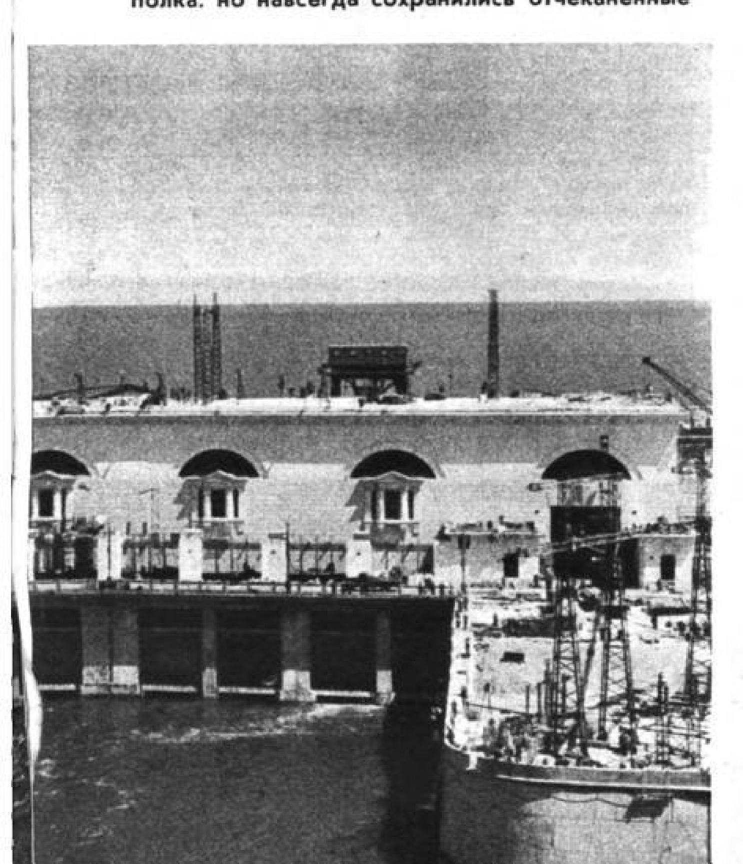
Общий вид Цимлянской плотины и здания ГЭС.

Часть шлюзов «Волжской лестницы». Шлюзы № 7, № 8 и № 9.

дел проходивших по коридорам Ленина и Сталина.

Много было потом боевых походов и сражений в жизни коммуниста, солдата Богунского полка, но навсегда сохранились отчеканенные

в сердце и памяти образы Ленина и Сталина. Гражданская война, стычки с интервентами на дальневосточных границах, схватки с белофиннами, освободительный поход в Западную Украину, Отечественная война — не считал воин ран, не заметил, как засеребрилась голова. Но связист Октября остался в строю — он стал связным великой стройки.

Вспомнил, как и Журба, инженер Волго-Дона Иван Викторович Скачков далекие годы гражданской войны. В памяти его возникла Москва 1918 года, суровая, военная, сражающаяся Москва — штаб битв за будущее молодой Советской республики, штаб первых строительных работ, первых мирных планов и свершений.

Тогда в Кремле Ленин принял гидротехников. Хранится у Скачкова пропуск в Кремль, по которому шел он с гидротехниками к Ильичу. Орден Ленина на груди инженера — свидетельство, что сделал он позже, напутствуемый Лениным.

В тяжелые для молодой республики годы Ленин думал о Волго-Доне. Думал он о преобразовании природы, строительстве электрических станций и выпуске тысяч тракторов, о создании новой техники на базе мощной социалистической индустрии. Вождь глядел вперед, в будущее.

С напутствием Ильича поехали гидротехники на трассу будущего канала. Добравшись до Сарепты, на берегу Волги, изыскатели принялись за работу. Они забывали о войне и лишениях — каждому хотелось возможно быстрее выполнить ленинское задание.

В том же 1918 году, осенью, изыскатели отправили свой рапорт-телефонограмму товарищу Сталину, защищавшему волжскую твердыню — красный Царицын. Сообщали они великому полководцу о своих делах и успехах, и товарищ Сталин начертал пророческие слова:

«Канал пророем после утопления кадетов в Волге и Дону».

Ленин в Москве, Сталин на Волге с мудрой прозорливостью оценили значение Волго-Дона для народного хозяйства.

И вот свершилось все, о чем еще в 1918 году мечтал Ленин, о чем думал Сталин, что записал в своих решениях XVIII съезд ВКП(б).

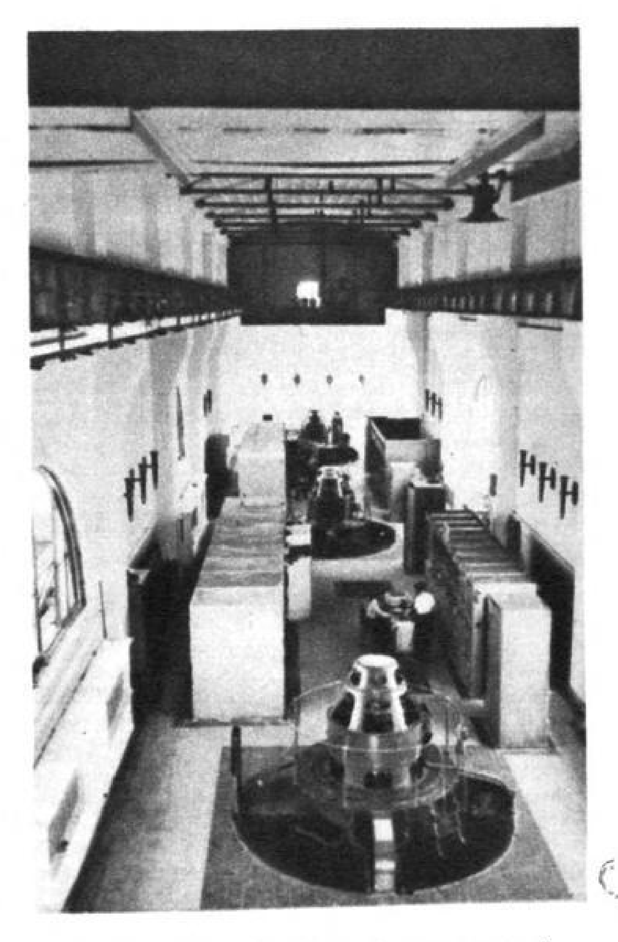
Проложен судоходный канал имени В. И. Ленина. Соединены в единую воднотранспортную систему все моря европейской части СССР. Работает Цимлянская ГЭС, равная двум Волховстроям. Напоены водой сто тысяч гектаров засушливых земель в Ростовской области. Превращаются в цветущий сад голые и мертвые степи. Перенесены на новые места древние казачьи станицы.

Сегодня торжество. Сегодня открытие Волго-Дона.

Не только строители, не только казаки-колхозники сталинградских и задонских степей,

Вид на Карповское водохранилище и вход в шлюз № 13.

Машинный зал Карповской водонасосной станции.

Участок оросительного канала.

Поселок речников Ильевка.

не только сталинградцы и ростовчане — вся Советская страна, все честные люди земли празднуют сегодня вступление в строй первенца великих строек коммунизма.

Прильнув к репродукторам, слушают сейчас миллионы людей волнующие вести с канала имени В. И. Ленина. Еще на заре поднялся Сталинград и вышел цехами, бригадами, семьями, кварталами на канал. Автострады запружены машинами. Непрерывно следуют через Бекетовку, Елшанку пригородные поезда. На вагонах надписи: «На Волго-Дон». Летят из разных городов и стран самолеты, приземляются они на сталинградском аэродроме, и гости спешат на торжество. Отходят в Сталинграде от парадной, только что отстроенной к празднествам гранитной лестницы быстроходные катеры, яхты, вельботы, глиссеры. Их курс — к каналу. По бесчисленным шляхам, грейдерам, большакам мчатся казачьи кони, летят, вздымая горячую пыль, колхозные машины, повозки, линейки и «летучки». Каждый хочет быть на канале, каждый желает увидеть моря, шлюзы, плотины, насосные станции.

Сейчас, когда вы читаете эти строки, тысячи людей уже заполнили бетонные парапеты шлюзов, берега, причалы, речные вокзалы. Особенно много гостей у входа в канал: здесь центр праздника. Выстроились на рейде украшенные суда. Взоры собравшихся обращены к высокому правому берегу Волги, где поднялась величественная скульптура вождя народов, великого продолжателя дела Ленина — товарища И. В. Сталина.

Вместе с гостями строители окидывают взором свершенное. Красиво, величественно и просто все сделанное ими. Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина — канал мира, канал коммунизма.

...Звучат фанфары. Открывается торжественный митинг у входа в канал, разрезается ленточка над воротами первого шлюза, и в небе уже порхают голуби, и на мачте взвивается флаг открытия первой навигации на трассе к пяти морям.

Летит сейчас по всей Советской стране, по землям великого дружественного Китая, по сражающейся Корее, по Болгарии, Чехословакии, Польше, Румынии, Албании, Венгрии, летит по всем странам планеты горячая и счастливая весть:

— Волго-Дон — первая великая стройка коммунизма — вступил в строй!

НА КРЕЙСЕРЕ «МОЛОТОВ»

В кубрике нас собралось человек двадцать. Тут были матросы, старшины, мичманы, офицеры. Все мы внимательно рассматривали фотоснимок, который пять лет тому назад стал известен всему советскому народу: товарищ Сталин среди моряков крейсера «Молотов».

Сотни молодых людей окружили вождя. Моряки — на верхней палубе кормовой части корабля, под стволами орудий третьей башни и на самой башне, на кормовой надстройке и на шкафутах, на площадках трапов. Одни стоят, другие сидят, третьи полулежат. Кажется, ни один художник не сумел бы более живописно расположить этих людей.

Мы узнаем многих из тех, кто сейчас сидит за столом в кубрике. Конечно, все они выросли, возмужали, но это все те же открытые, мужественные лица советских моряков.

Вспоминая о незабываемом походе,— так именно он назван в историческом журнале корабля,— один из офицеров нам сказал:

— Вы не можете себе представить, насколько интереснее и ярче после этого знаменательного события стала жизнь на крейсере. Вы поймете все это, если вспомните переживания Аннушки из романа «Счастье» Павленко, после того как Воропаев сообщает ей, что товарищ Сталин спросил о ней. Примерно то же самое, что с Аннушкой, произошло с личным составом крейсера. Где бы ни находились наши люди, что бы им ни поручали, они постоянно видели на себе отеческий взгляд товарища Сталина. Все запомнили, как Иосиф Виссарионович, обращаясь к товарищу Косыгину, сказал:

— Познакомьтесь поближе с жизнью, питанием, обмундированием и бытовыми условиями моряков. Они достойны, чтобы о них хорошо заботились.

Запись, сделанную товарищем Сталиным на 52-й странице исторического журнала корабля, весь личный состав крейсера знает наизусть. Ее воспроизвели в виде огромного светящегося транспаранта на палубе крейсера. Читая сталинское приветствие, каждый чувствовал особенную ответственность за порученное ему дело. За эти годы на корабле выросло много новых талантливых специалистов, настоящих мастеров своего дела.

Внимательно вглядываемся мы в лица моряков, изображенных на фотографии. Естественно, что нам хочется знать о судьбах этих людей, о том, чего они достигли за минувшие пять лет, где они теперь. Эта задача оказалась нелегкой. Большинство моряков давно разъехалось по домам. Называют фамилии бывших матросов, ставших сейчас комбайнерами, председателями колхозов, студентами, партийными работниками. Для того, чтобы мы лучше представили себе, где сейчас бывшие матросы крейсера, главстаршина Петр Георгиевич Гармаш, заочник одного из московских институтов, подошел к карте:

— Если бы мы вздумали расставить флажки в пунктах, где можно встретить питомцев нашего крейсера, пришлось бы исколоть булавками всю карту.

Вспомнили, как провожали домой товарищей. Баркасы с матросами, уходившими в долгосрочный отпуск, проходили три раза вокруг крейсера. В это время артиллеристы безмолвно салютовали им поднятием стволов орудий. Корабли, стоявшие в бухте, давали сирены.

Каждый увез домой исторический снимок. Теперь эти фотографии висят под стеклом в рамочке во многих домах советских людей. Встретишь в поле комбайнера, а вечером зайдешь к нему в дом и увидишь его на фотографии в бескозырке, в белоснежной форменке, рядом с товарищем Сталиным.

Главстаршина Анатолий Полещук вспомнил, как он после посещения товарищем Сталиным крейсера провел отпуск в колхозе имени Ленина, в Первомайском районе, Одесской области. Дома уже все знали из газет о знаменательном событии, происшедшем на их корабле. На фотографии Полещук заснят на самом верху, у стволов орудий. Главстаршина думал, что дома его не узнают. А приехал, и оказалось, что в комнате, на самом почетном месте, знакомая фотография. Не успел Полещук скинуть с себя шинель, как его окружили односельчане. Всех интересовало одно:

— Как товарищ Сталин?

На другой день вместе с отцом он пришел в правление колхоза.

— Вот мой сын, который видел товарища Сталина, — с гордостью сообщил отец.

В контору набилась добрая сотня колхозников. Стояли и на улице, возле окон, на крыльце. Все с нетерпением ожидали, что скажет отпускник. Полещук рассказал о незабываемом походе. Пришлось ему выступать в полевых станах, на фермах. Повстречал он и своих однокашников, с которыми вместе вступал когда-то в комсомол. Пришли и учителя, у которых он когда-то учился.

— Так прошел весь отпуск, — смеется главстаршина.

Мы слушаем рассказ моряка о доме, о родном колхозе, и в это время вспомнился нам другой крейсер, другие моряки и совсем иные воспоминания о доме.

Случилось нам однажды побывать на американском крейсере «Аугуста». Когда мы поднялись на его борт, по палубе бегали полураздетые, босые матросы со шлангами и швабрами в руках. Было нетрудно догадаться, что идет спешная приборка, которую американцы не успели закончить к нашему приходу. В конечном счете нам это было безразлично. Но дежурный американский офицер, встретивший нас у трапа, постарался как можно скорее спровадить нас в салон. Мы последовали за ним. На полпути офицера куда-то позвали, и мы остались на палубе. Матросы тотчас же этим воспользовались и, побросав свою работу, подбежали к нам. Как и всегда в таких случаях, разговор зашел о родине, о доме, о семьях.

— Дом, — угрюмо произнес один из матросов, — если вы хотите знать, где наш дом, посмотрите сюда, — и при этом он похлопал себя по животу.

Признаться, мы не сразу поняли, к чему он клонит.

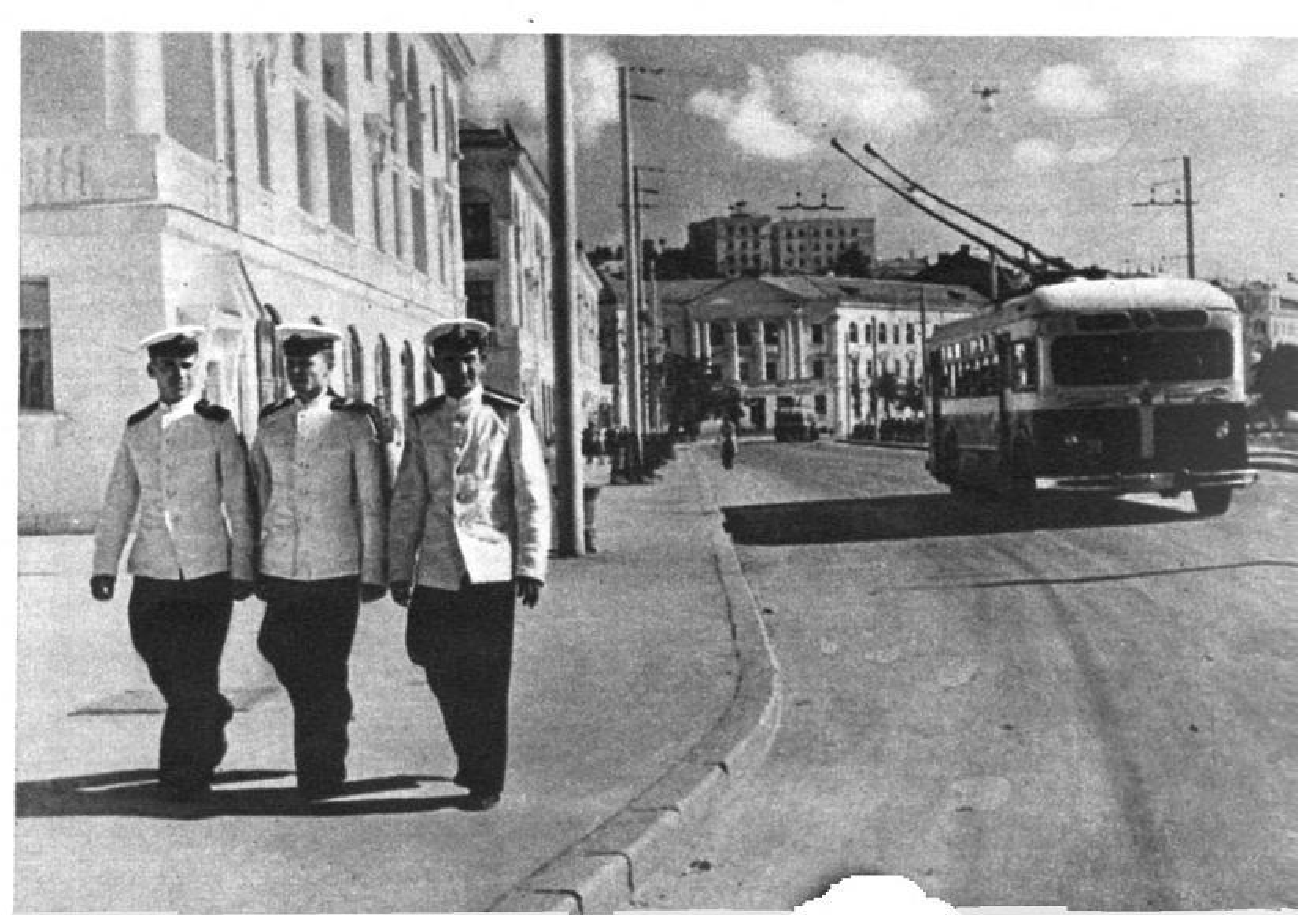
— Очень просто,— продолжал он,— у большинства из нас давно уже нет своего дома: наш дом там, где можно хорошо поесть.

Слова эти показались нам тогда дикими. Мы не представляли себе, чтоб военный моряк мог так цинично говорить о родине. Но это было так. Мы узнали, что на крейсере «Аугуста» большое число матросов служит по вольному найму. Как правило, это люди, которым в течение многих лет не удавалось найти работы. Они бродяжничали, голодали. И вот от отчаяния совершили «патриотический акт», записались во флот. Нравы же на американском флоте таковы, что вскоре не только в чужих водах, но и в самой Америке этих матросов стали считать отпетыми людьми. И действительно, как мы ни старались вновь возобновить разговор о доме, о семьях, ничего из этого не получилось.

...Главстаршина Полещук достал из сундучка толстую пачку писем. Их написали советские люди. Многие из писем кончались словами: «с материнским приветом», «с отцовским приветом». Так писали не только родители матросов, но и люди, не имеющие никакого отношения к кораблю. Каждому хотелось выразить свои чувства. Незабываемый поход вошел не только в жизнь личного состава крейсера. Чувство, которое мало назвать подъемом, вдохновением, с невиданной быстротой передалось семьям моряков, заводам и колхозам, учебным заведениям. Оно распространялось среди тысяч и тысяч людей, ранее на крейсере никому не известных. Письма приходили от детей, девушек, стариков. Писали морякам из стран народной демократии. Всем хотелось узнать подробнее о пребывании товарища Сталина на крейсере, о жизни моряков.

Как-то на крейсер пришла большая посылка. На самом дне ее лежал маленький, аккуратно зашитый сверток. На нем была надпись: «Вручить матросу в возрасте 38—40 лет». Решено было эту посылку отдать мичману Ктиторову. Он подходил не только по возрасту: это был один из ветеранов крейсера.

Когда мичман распечатал сверток, в нем оказались портсигар, папиросы, носки, платочки. Но главное заключено было в записке:

В выходной день... Слева направо: главстаршина Петр Ходаченко, главстаршина Анатолий Полещук и мичман Борис Данилов.

Фото С. Муравьева

Важнейшие события	Даты и №№ документов	ПРИМЕЧАНИЕ
Командиру корабля „Молотов" капитану II-го ранга т-щу Петрову. Прошу передать всему личному составу крейсера „Молотов" мой дружеский привет и пожелания успехов. Да здравствует наш Черноморский военно-морской флот! И. Сталин 19 августа 1947 г.		

Запись Иосифа Виссарионовича Сталина в историческом журнале крейсера «Молотов».

«Дорогой дядя матрос! Вам, наверное, непонятно, почему мы так написали на посылке. Нам по двенадцать лет. Нашему папе было бы теперь столько же, сколько вам. Он погиб в боях за Родину под Харьковом. Посылаем Вам подарок и желаем успехов в жизни».

Долгое время шефствуют над кораблем киевские комсомольцы. После того как на нем побывал товарищ Сталин, было решено изготовить для шефов макет крейсера. Сделать его поручили мичману Борису Данилову. Это один из боевых мичманов, который в годы войны сражался на этом крейсере, участвовал в обстреле берегов, занятых противником, снабжал осажденный Севастополь боеприпасами и продовольствием, участвовал в эвакуации раненых. Сейчас мичман ведает на крейсере подачей электроэнергии. Шутя он именует себя «нервами корабля».

Мичман начал с того, что рулеткой снял мерку с крейсера. Он вслух произносил цифры, а помощник его, матрос Виктор Новиков, их записывал. Когда макет корпуса был готов, принялись за изготовление пристроек. Появились башни, стволы орудий, трубы, шлюпки, баркасики, катера, краны. Все это крошечного размера. Труднее всего давалась якорная цепь. Звенья цепи были настолько малы, что их можно разглядеть лишь под увеличительным стеклом. В руках их нельзя было удержать: пользовались пинцетом. Когда макет был готов, с Полещуком и другими комсомольцами поехал в Киев матрос Виктор Новиков. Прощаясь с товарищами, мичман Данилов попросил их беречь макет.

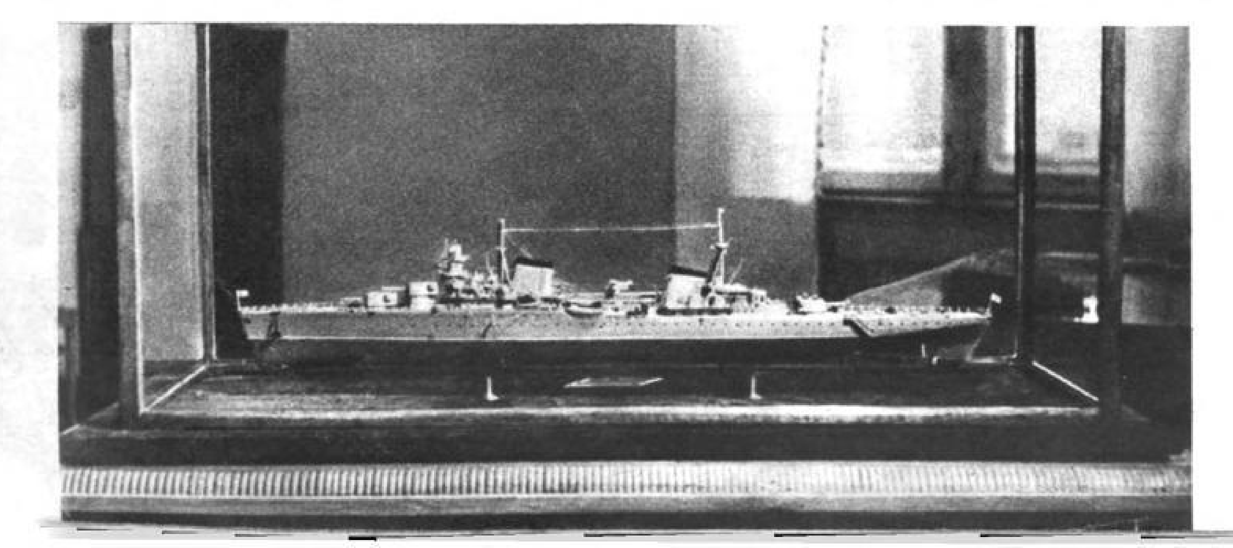
В Киеве моряков встретили пионерские дружины. Впереди них шествовали барабанщики и горнисты. Все с нетерпением ожидали подарка моряков. Полещук рассказывал о пребывании товарища Сталина на крейсере рабочим завода «Большевик», фабрики имени Розы Люксембург, детям. Жизнь моряков была близка и дорога рабочим, колхозникам, ученым, детям, с которыми встретились в Киеве посланцы крейсера «Молотов».

Мичман Данилов в это время находился в отпуску на Кубани. И вот однажды он услышал по радио о том, что макет крейсера «Молотов», изготовленный им и матросом Новиковым, доставлен в Киев и хранится в обкоме ЛКСМУ. Это была большая радость.

Мы слушаем матросов, старшин, мичманов, офицеров. Все они рассказывают об одном событии — о посещении товарищем Сталиным их крейсера. В каждом из этих рассказов есть свое, неповторимое, запоминающееся на всю жизнь. Тысячи людей наравне с моряками как бы оказались в гуще событий, происшедших на крейсере «Молотов». Свои чувства они выражают в письмах, адресованных морякам, на собраниях, где моряки делятся впечатлениями о пребывании товарища Сталина на крейсере. Питомцы крейсера, вернувшись домой, свято хранят традиции родного корабля.

З. ХИРЕН

Макет крейсера «Молотов» в Киевском обкоме ЛКСМУ.

Инженер

Вероника ТУШНОВА

Рассвет был холоден и сер,
дорога вся размокла...
«Ну что приезжий инженер
увидит в эти стекла!
Едва протрешь — опять они
в лепешках жирной грязи...—
Грустит шофер: — В такие дни
отмоешь «газик» разве!
Путь до села из рук вон плох,
лил дождь всю ночь некстати.
Еще застрянем — видит бог —
на той проклятой гати!
Приезжий влезет в грязный «газ»,
кряхтя, захлопнет дверцу...
Наверно, все ему у нас
придется не по сердцу.
Раскритикует он пейзаж,
леса, болота эти.
А где еще такой, как наш,
найдется край на свете!
Не жизнь у нас, а благодать,
в лесу-то, что в хоромах!
Цветы... Искать вам да искать
таких, как здесь, черемух.
Грибы — и в сушку и в засол,
как кровь, брусничник красен...»
Шофер Кузьма заране зол
на всех, кто несогласен.
«Траву такую на лугу
видали вы едва ли...
Оно, конечно, не солгу,—
дороги подгуляли!
Давно пора их проложить
по правилам науки.
Вы инженер, как надо быть,
так вам и карты в руки!
Но в остальном...»
Он не решил,
как быть с концовкой речи.
Он на платформу поспешил
курьерскому навстречу.
Спустя минуту, рыхлый дым
швыряя по откосам,
состав ушел путем своим,
вздыхая в такт колесам.
Стоял растерянный, один
шофер среди перрона:
«Видать, не вышел гражданин
из третьего вагона!»
Да и никто б не угадал,
что инженер московский
тропой заброшенной шагал,
накинув плащик жесткий...
Шофер догнал ее в пути —
неладно вышло дело! —
Она же, прежде чем войти,
окрестность оглядела.
Отжала вымокшую прядь
(а прядь совсем седая)
и усмехнулась: — Вот опять
приехала сюда я!
Мне этот путь давно знаком,
мне кажется: когда-то
я этим именно леском
брела до медсанбата...
Как молода она сейчас,
как щеки разгорелись!..
— Что за черемуха у вас,
какая, право, прелесть!
Когда проложим мы шоссе
сквозь лес, что заболочен,
пускай она во всей красе
белеет вдоль обочин...
В колхозе говорил Кузьма:
— С такою кашу сваришь.
Душевный, знающий весьма,
из наших мест товарищ!

ПО ТРАССЕ ПЯТИ МОРЕЙ

Я. ФОМЕНКО, С. МОРОЗОВ

Фото С. Фридлянда и Б. Кузьмина

Специальные корреспонденты «Огонька»

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Мы рассказывали о совершенном нами пути из Щербакова к каналу имени Москвы. Теперь мы спускаемся из Рыбинского моря к Волге.

Здание Щербаковской пассажирской пристани и переправа находятся там же, где и раньше. Сам город выходит к Волге теми же улицами. Прибывшие пассажиры поднимаются по деревянной лестнице, отдыхают в сквере на высоком берегу, а потом растекаются кто куда. Все знакомо, и на все смотришь с интересом потому, что все это по-особенному дорого.

Там, на севере, с его относительным безлюдьем и кажущейся, призрачной властью природы над человеком, мы искали то, что утверждало превосходство разумной воли над слепым упорством стихий. Тут этого не приходилось делать. Обжитые места, давно слаженный быт — все убедительно говорит о силе культуры.

...С противоположного берега к переправе потянулась цепочка людей. Кто-то тихо говорит:

— Мологжане двигаются...

Мологжане? Нам вспомнились волны Рыбинского моря, плещущие там, где был некогда город Молога. Его история очень своеобразна. Когда-то он соревновался торговой славой с крупными центрами Руси. Еще лет четыреста назад его улицы видали гостей из Литвы и Германии, из Италии и Греции, из Ирана и Закавказья. Мологские князья ежегодно собирали по сто восемьдесят пудов серебра с прибывавших на торжище купцов. Потом ярмарка перебралась в Нижний Новгород, Молога затерялась среди захолустных городков. Жители самого города и окрестных сел уходили «на сторону» — сплавляли лес, бондарили, зарабатывали «чаевые» в трактирах.

После революции мологжане прослыли хорошими семеноводами, знатоками травосеяния. Когда разнесся слух, что на их лугах разольется море, многие не верили. Слишком невероятным это казалось.

Жизнь оказалась сильнее устоявшихся привычек. Рыбинское море появилось, а вместе с ним пришли полезные перемены в жизни многих людей, в том числе и мологжан, хотя их город исчез с географических карт.

И вот мы услышали знакомое наименование. Решили посмотреть, как живет новая Молога.

Прямые улицы. Самая большая из них носит имя академика Павлова. В центре двухэтажное здание средней школы. В первых шести классах учатся дети, не видавшие древней Мологи. За палисадами многих домов фруктовые деревья. А вот и ягодники. Они переселились сюда вместе с хозяевами. Государство помогло перевезти и дома и все ценное, что росло вокруг домов.

Продолжение. Начало см. в №№ 28, 29 и 30.

Потомки отходников строят теперь речные суда, дорожные катки и полиграфические машины.

Мы смотрели на улицы поселка и думали о казаках станицы Цимлянской, справивших недавно новоселье, о жителях сел и городов, расположенных в чашах будущих морей. Нелегко сниматься с насиженных мест, прощаться с левадами, рощами и околицами, где весело игралось в детстве, с тополями и яблонями, посаженными в день рождения первенца-сына, с колхозными нивами, ласкавшими глаз тяжело налитым колосом... Мало одного мужества, чтобы осуществить все это. Нужна еще непоколебимая уверенность в будущем, и, главное, нужен общественный строй, воспитывающий в людях такую уверенность.

Приняв на борт около сотни пассажиров, пароход «Советская республика» покинул Щербаков. Скрылись заводские трубы. Еще раньше ушли за горизонт улицы поселка мологжан. Берега оделись в изумрудную оправу из полей, лугов, кустарников. Плывешь точно по исполинским залам картинной галереи, где представлены наилучшие произведения русского пейзажа. Мощью, красотой, приветливой радостью веет от них. Некрасовские слова о реке «рабства и тоски» никак не вяжутся с нынешним обликом Волги, зато светлым провидением встает в памяти мечта писателя-демократа:

> Иных времен, иных картин
> Провижу я начало
>
> В случайной жизни берегов
> Моей реки любимой:
> Освобожденный от оков,
> Народ неутомимый
>
> Созреет, густо заселит
> Прибрежные пустыни,
>
> Наука воды углубит:
> По гладкой их равнине
> Суда-гиганты побегут
> Несчетною толпою,
> И будет вечен бодрый труд
> Над вечною рекою...

Мы смотрим сегодня на эту вечную реку. Бегут по реке суда-гиганты. Бесшумно проплыли самоходные баржи «Торпеда» и «Комета». В их трюмах тысячи тонн грузов — плоды труда множества людей. Идут караваны, плоты, суда местного и дальнего плавания. Близ городов снуют баркасы, катера и моторки. В одном месте на берегу скелетом какого-то ископаемого лежат остатки полуразобранной старой беляны. Возможно, когда-то под стон «Дубинушки» ее тащили на себе волжские бурлаки.

Как видение «иных времен», о которых мечтал Некрасов, на далеком плесе появились легкие очертания корабля. Рассекая встречную волну, с юга в Москву идет теплоход «Иосиф Сталин», за ним плывут и плывут суда...

Близок Ярославль. Признаки этого мы увидели в пирамидах автомобильных шин. Два города, расположенных рядом, вырабатывают родственную продукцию. Щербаков выпускает дорожные машины, Ярославль — автомобили и покрышки. На великих стройках можно увидеть много механизмов, доставленных из Ярославля. Загляните на земснаряд, роющий котлован для Куйбышевской ГЭС. Самый ответственный мотор, приводящий в движение фрезу земснаряда, сделан в Ярославле.

Земляки Некрасова немало сделали, чтобы осуществить мечту великого поэта, и много делают, чтобы ее превзойти. Нам не пришлось посетить Грешнево и Карабиху, где жил Некрасов, но мысль о нем не покидала нас, пока мы следовали меж берегов, воспетых им с такой страстью и с такой верой в счастье родного народа.

Пульс Большой Волги

Если термин «столица» может быть применен к центру судоходного бассейна, то Горький, конечно, — столица Волги. С ним могут сравниться в промышленном и культурном значении и Сталинград, и Куйбышев, и Саратов. Но ни один из них не отмечен в такой степени чисто волжским колоритом, как Горький.

Еще задолго до того, как наш пароход подошел к устью Оки, мы ощутили приближение крупного порта — большой корабельной стоянки и колыбели кораблей.

Да, именно колыбели! Одного взгляда на стапели Сормова достаточно, чтобы почувствовать это. Тут еще не обросшие бортами костяки корпусов, лоснящиеся свежей окра-

ской суда, новорожденные, готовые к испытательным рейсам. Тут и стройные, всей своей статью навевающие мысли о дальних плаваниях грузовые теплоходы, и верткие, быстроходные буксиры, способные одинаково уверенно плыть по извилистым рекам и по разливу озер. Тут и громоздкие плавучие «заводы» — земснаряды. Мы радуемся им, словно встречаем добрых друзей. Точь-в-точь такие суда попадались и в Онежском озере, и на Рыбинском водохранилище, и у причалов Москвы — на всем пути от северных морских берегов нашей Родины.

И как не вспомнить еще: отсюда начинают плавание флотилии, идущие в речные бассейны Сибири через полярные моря. На судах сормовской постройки ходят обские, иртышские, енисейские речники. Далеко отсюда до Каспия, но мы невольно представляем себе танкеры, плывущие с нефтью из Баку в Астрахань. На них марка: «Сделано в Сормове».

Сормовичи... Сколько ассоциаций рождает это слово! Строители кораблей, паровозов, всевозможных машин, сормовичи вот уж более столетия хранят революционные традиции русского рабочего класса. Здесь, на заводском дворе, стиснутом прокопченными стенами цехов, поднимал красное знамя бессмертный герой — сын горьковской «Матери». Как святыню, хранят сормовичи в своей памяти образы пламенных большевистских трибунов Якова Михайловича Свердлова и Андрея Александровича Жданова. Сормово давно уже переросло из рабочего пригорода в самостоятельный городской район.

С борта плывущего парохода в глубине береговой территории видны троллейбусы, мчащиеся от вокзала по асфальтированному шоссе. Пароход проходит под железнодорожным мостом, и прямо перед нами, над слиянием Волги и Оки, на высоком берегу стены древнего Нижегородского кремля, яркая зелень крутых откосов.

На ровной, кажущейся неподвижной, как стекло, речной глади множество судов. Проплывают белоснежные экспрессы из Москвы, Молотова, Уфы. Плоские, едва приметные над поверхностью воды, ползут за буксировщиками астраханские нефтянки. Вздымая пенные буруны, мчатся речные трамваи. Степенно шествуют плавучие краны с поднятыми вверх стрелами. На плаву идет перегрузка, суда снабжаются топливом, счаливаются и расчаливаются караваны. Грузы Урала и Ленинграда, Юга и Севера, Красноводска и Москвы встречаются на Горьковском рейде — большом перекрестке речных путей — с местной продукцией — горьковскими автомобилями. Словно дома вдоль широких улиц, тянутся вдоль Волги и Оки бесчисленные дебаркадеры. Подобно заводским корпусам, высятся на берегах склады.

Чтобы объехать Горьковский порт, надо потратить не один день: на многие километры тянутся его причалы. Но в этом нет необходимости. Главное, что характерно для волжской речной столицы сегодня, мы видим на стрелке Волги и Оки.

Тут же, у стрелки, можно встретить новшества в технике службы пути. Бакенщик, разъезжавший прежде на веслах, чтобы зажигать фонари, теперь вооружен моторной лодкой. Он не зажигает, а включает сигналы. Но есть устройства, которые зажигаются сами. Течение вертит лопасти маленькой турбины, динамо вырабатывает ток, часовой механизм в установленный срок включает и выключает свет. Микрогэсы вошли в жизнь как надежные стражи безопасности плавания.

Новые черты в трудовом укладе и в самом облике современного волгаря чувствуются в Горьком повсюду. Напряженно бьется пульс Большой Волги. Его ощущаешь вдали от порта, на тенистых тихих улицах, где по соседству расположились институт инженеров водного транспорта и речное училище.

Мы заглянули в институтский кабинет истории техники и встретили здесь экскурсию ленинградских школьников. С каким интересом рассматривали ребята фонарь Кулибина — предок современного прожектора,— подлинные чертежи кулибинского «машинного судна», испытанного на Неве в 1782 году, бесчисленные модели кораблей от парусной расшивы до современного теплохода! Но как ни обширен кабинет, школьникам пришлось продолжить экскурсию за стенами института. На Волге, близ города, стоит «Сармат» — первый в мире дизель-электроход, построенный в 1903 году в России. Памятник отечественного судостроения, он служит сейчас базой учебной практики студентов.

Много вопросов задали ребята экскурсоводу. Всем хочется стать водниками, капитанами. Юные ленинградцы уже мечтают поступить в Горьковский институт на новое, открывающееся в этом году отделение инженеров-судоводителей.

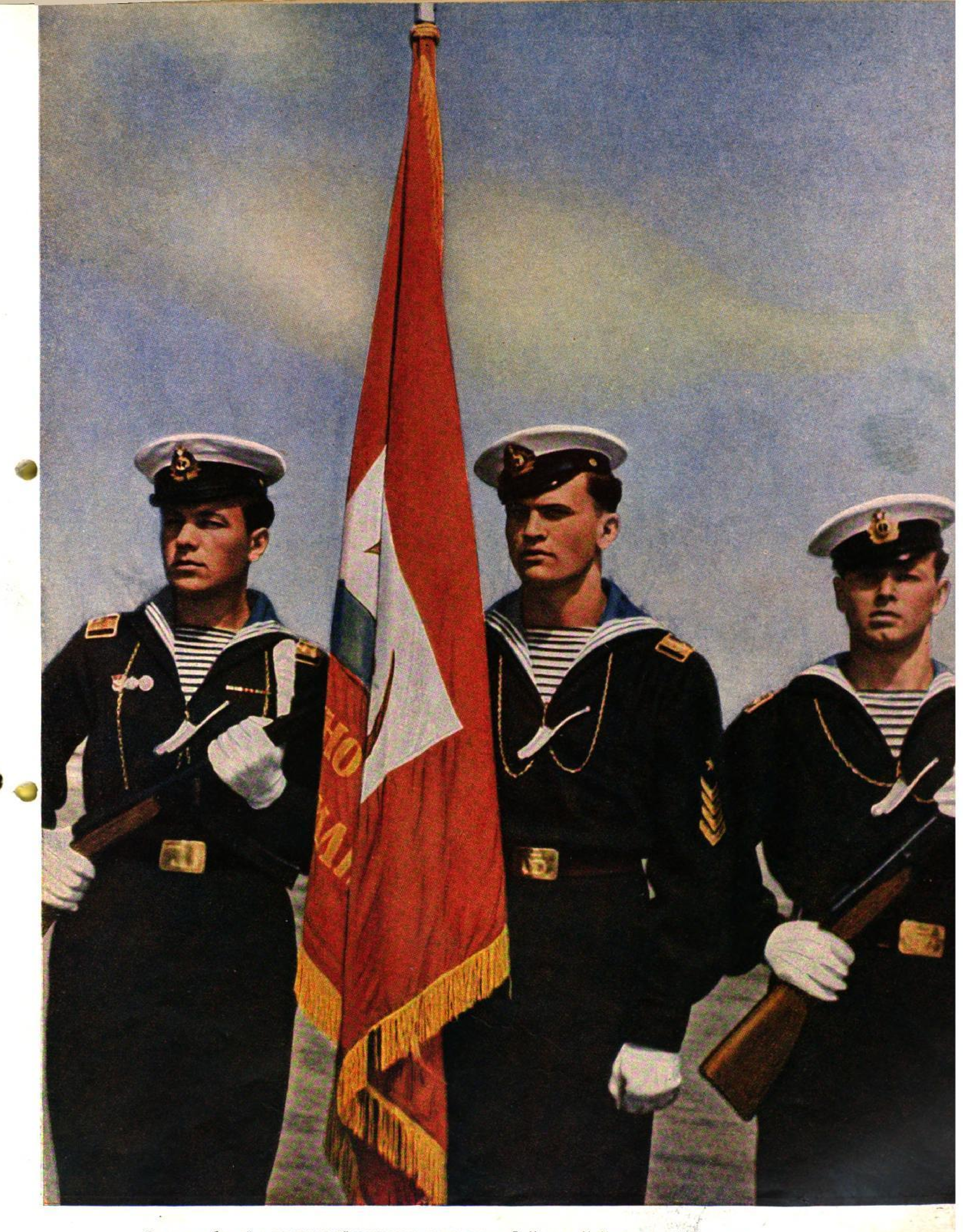
Флоту Большой Волги понадобятся штурманы с высшим образованием. В числе первых подавших заявления — отличники Горьковского речного училища. Это старейшее в стране учебное заведение водников прозвано в народе «кулибинской школой». Вчерашние его курсанты сегодня плавают по Волго-Дону, а сегодняшние — завтра поведут корабли по Куйбышевскому и Сталинградскому морям. Еще нет учебников по новой волжской лоции, но преподаватели уже готовят своих питомцев к плаванию по местам, обозначенным пока на картах как суша.

Вперед, к Большой Волге, к близкому коммунистическому завтра устремлены помыслы и дела горьковчан!

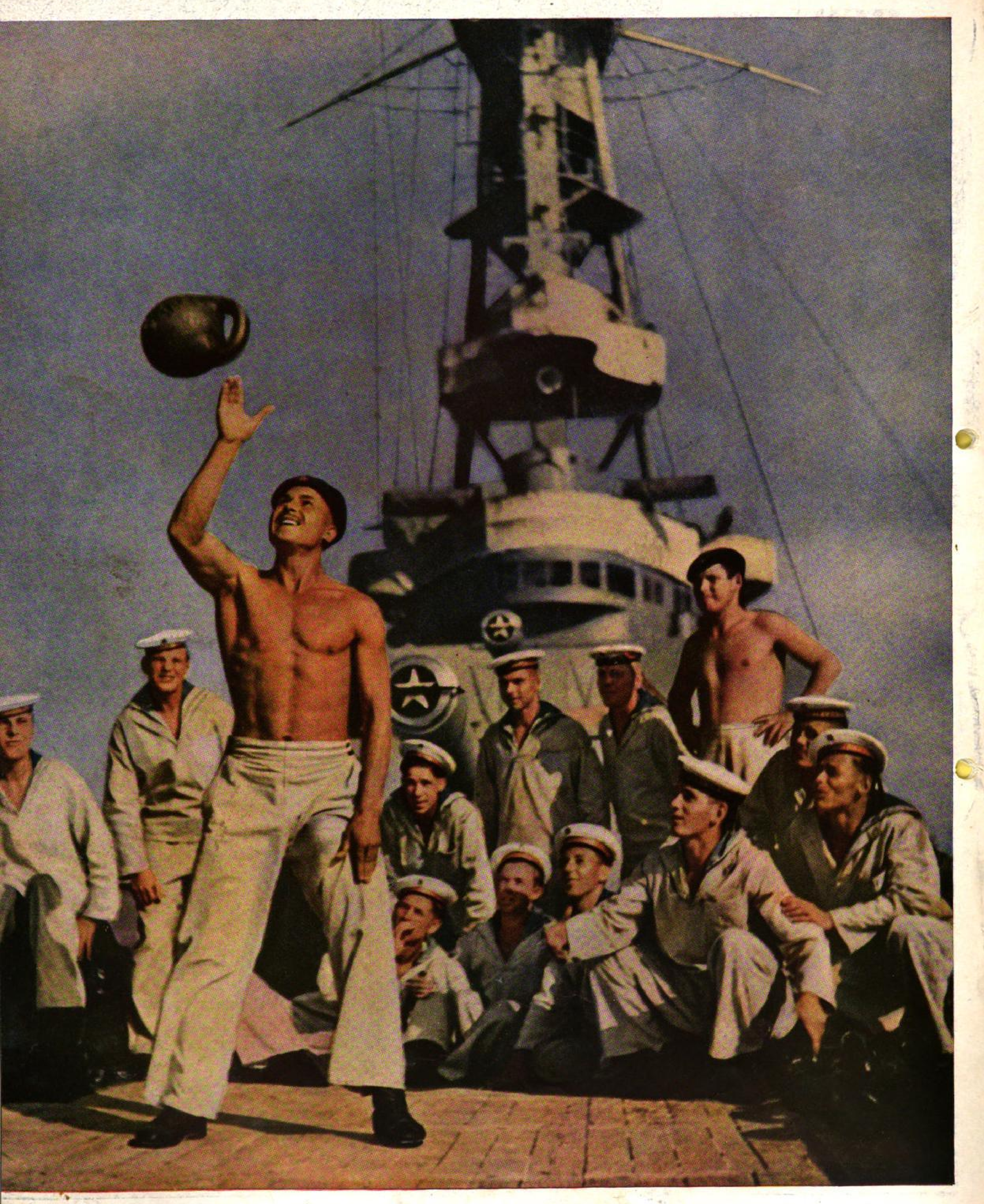
В музее при Горьковском институте инженеров водного транспорта. Заведующий музеем Н. И. Кузьмин с экскурсантами — ленинградскими школьниками.

Погрузка автомашин в Горьковском порту.
←

Отличники боевой и политической подготовки комсомольцы Б. Удодов, Н. Мясоедов и А. Захаренко.

Фото Н. Веринчука

Досуг на корабле.

Фото В. Евграфова

ЯСНЫЙ ПУТЬ

(К 30-летию Адыгейской автономной области)

У адыгейской сакли, в углу дворика, еще и сейчас можно увидеть своеобразный памятник «культуры прошлого»: огромную и неуклюжую соху. Железо на ней давно поржавело. А 30 лет назад она была основным земледельческим орудием у адыгейцев.

— Чтобы кое-как вспахать те маленькие куски земли, которые мы имели, приходилось впрягаться трем-четырем хозяевам,— говорит 69-летний Баслений Темботович Сканчибасов. — Сеяли и убирали руками. Редко у нас появлялся пшеничный хлеб. На стол всегда подавалась только мамалыга. Смерть косила малых детей и взрослых, люди слепли от оспы. Почти каждый день «гоу» (крикун) скакал по улицам, разнося черную весть о чьей-нибудь смерти. А врачей в ауле не было. Не было и школы, росли мы в темноте и нужде.

Баслений Сканчибасов заработал в прошлом году полторы тонны хлеба. А вся его семья получила три тонны одной только пшеницы, столько же кукурузы, не считая денег и других продуктов. И многие другие получили не меньше. Собственно, дело даже не только в зажиточности. Дело в том, что при советской власти изменился весь уклад жизни адыгейцев, изменились и люди. Адыгейцы и раньше были трудолюбивым и мужественным народом.

Алексей Максимович Горький, прочитав сборник адыгейского фольклора, сказал: «Ценность адыгейских сказок увеличивается еще и тем, что в них зло везде побеждено. Это — хорошее свидетельство о здоровье народа». Но в условиях царского самодержавия этот небольшой народ был обречен на неизбежное вымирание. Султанская Турция, Крымское ханство и колониальная политика царской России — все они делали свое дело: с каждым десятилетием количество адыгейцев становилось меньше, а жизнь их делалась все более невыносимой.

Те, кто жил в то страшное время, неохотно вспоминают о нем.

Но все старики любят поговорить... И ведь всегда приятно вести речь, когда есть о чем рассказывать. Сейчас все работы: пахота, уборка и молотьба, очистка зерна и погрузка — выполняются машинами. Область комплексной механизации — вот как называется сейчас Адыгея. Только в нынешнем году МТС области получили еще 200 тракторов, 152 комбайна, много сотен других сельскохозяйственных машин... И везде стоят колхозные электростанции. Машины стригут овец, подают воду, готовят корма. Очень легко и радостно стало людям работать! О них заботится Москва, заботится Сталин! Вечерами дети читают старикам газеты.

Из Шапсугских плавней когда-то в аулы шла малярия. А посмотрите сейчас на эти места! Два месяца назад закончено строительство Шапсугского водохранилища. Старики запоминают и цифры. Их не всегда сразу осмыслишь: очень велики они. Больше 8 тысяч гектаров земли оросит оно.

Знали ли прежде пожилые люди, что за слово «промышленность»? А теперь они рассказывают о ней, как о своем деле:

— Наши консервы известны всей стране. Консервы Адыгейского комбината — это хорошие консервы! Поговорите с нашими сыновьями и дочерями — они уже пообещали дать до конца года полмиллиона банок сверх плана. Полмиллиона — это ведь много консервов? И ведь дадут, на ветер слова не бросят!

— Или женщины. Что раньше знала женщина? Котел в сакле, свой скарб и домашний скот. И кто о ней говорил? А сейчас вон в газетах пишут: Халифа Панеш, Фатимет Даурова, Цаца Керашева, да и сколько еще! Их теперь называют передовыми представителями рабочего класса, передовыми людьми колхоза. А кроме них — артистки, учительницы, техники...

Молодежь занята своими большими делами. Молодые колхозники и рабочие разговаривают лаконично. Бригадир тракторной бригады Герой Социалистического Труда Н. Ганиев, например, недавно сказал очень коротко:

— Слово «отставание» давно исчезло у нас из употребления.

Он и его товарищи ежегодно доказывают это положение своим действительно героическим трудом.

В школах, в техникумах, в училищах, в институтах—повсюду упорно добиваются новых знаний тысячи адыгейских юношей и девушек. Летом этого года к приемным испытаниям в Майкопском педагогическом институте было допущено уже 400 человек.

Дорога у всех — у молодых и у пожилых — ясная и прямая, все дальше и выше, один путь—к вершинам коммунизма вместе со всей братской семьей народов Советского Союза, вместе с великим русским народом, благодаря чьей помощи так расцвела Адыгея.

К. ПАВЛОВ

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Подавив июльскую демонстрацию рабочих и солдат в Петрограде, буржуазия захватила власть и с помощью эсеров и меньшевиков стала проводить ликвидацию демократических прав народа.

Лидеры меньшевиков и эсеров окончательно перешли в лагерь империалистической, контрреволюционной буржуазии. Советы, руководимые социал-предателями, превращаются в придаток контрреволюционного Временного правительства.

Большевистская партия работает в подполье.

«Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно,— писал В. И. Ленин,— и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция».

Правительство, возглавляемое эсером Керенским, расформировывает воинские части, принимавшие участие в демонстрации. Отдается приказ о роспуске «Центробалта». Восстанавливается смертная казнь на фронте. Закрываются газеты «Правда» и «Окопная Правда». Идут аресты большевистских деятелей; на партию большевиков и ее руководителей изливаются потоки грязной клеветы и злобных угроз. Но партия в этом зверином вое врагов революции видит еще одно доказательство своей правоты.

В. И. Ленин, вынужденный скрываться от полицейских ищеек, живет нелегально в Петрограде, но в городе его пребывание становится опасным. Товарищ Сталин в ночь с 24 на 25 (11—12) июля переправляет В. И. Ленина на станцию Разлив, где он скрывается у одного рабочего на чердаке сарая, а потом за озером Разлив в шалаше.

Работая в глубоком подполье, Ленин поддерживает постоянную связь с товарищем Сталиным, который, оставаясь на нелегальном положении в Петрограде, руководил революцией, осуществляя директивы Ленина. «Наша задача,— говорил товарищ Сталин,— собрать силы, укрепить существующие организации и удерживать массу от преждевременных выступлений. Контрреволюции выгодно вызвать нас сейчас на бой, но мы не должны поддаваться на провокацию, мы должны проявить максимум революционной выдержки».

Июльские события открыли глаза многим рядовым членам соглашательских партий. Трудящиеся, обманутые меньшевистскими и эсеровскими лидерами, порывают с «социалтюремщиками», как тогда рабочие называли меньшевиков и эсеров, и переходят на сторону большевиков.

Усиливается приток рабочих, солдат и матросов в ряды большевистской партии. Как это повторялось и в дальнейшем, пролетариат в трудные минуты еще теснее сплачивается вокруг своей партии.

В связи с обострением политического положения в Петрограде и в стране, в связи с попытками Временного правительства вывести из столицы революционные воинские части, «разгрузить» ее от революционных рабочих еще 14 (1) июля собралась Вторая (экстренная) конференция Петроградской организации РСДРП (большевиков). Однако вследствие событий 16—18 (3—5) июля ее заседания были прерваны и возобновились под руководством товарища Сталина лишь 29 (16) июля.

145 делегатов этой конференции представляли 32 220 сплоченных большевиков, стоявших за революцию. Заседавшая почти одновременно конференция меньшевиков представляла всего восемь тысяч своих последователей, к тому же она раскололась: среди ее участников нашлись люди, не желавшие тащиться в хвосте у буржуазии.

Товарищ Сталин, выступая на конференции большевиков с докладом о текущем моменте, отметил, что характерной чертой текущего момента является кризис власти. Положение Временного правительства неустойчиво. Идет напряженная борьба классов за власть. К власти поднимается рабочий класс.

«Предстоящие битвы мы должны встретить достойно и организованно.

Основными нашими задачами должны быть:

1) призыв рабочих, солдат и крестьян к выдержке, стойкости и организованности;

2) возобновление, укрепление и расширение наших организаций;

3) не пренебрегать легальными возможностями, ибо никакая контрреволюция не может нас серьезно загнать в подполье».

Конференция обратилась с воззванием «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда». В этом обращении, автором которого был товарищ Сталин, ярко нарисована картина того, как война, поглотившая неисчислимые жертвы, доводит страну до полного развала. Временное правительство, призванное «спасти» страну, оказалось неспособным справиться с такой задачей и, затянув войну, еще более углубило общий кризис в стране.

Перед «спасителями» открывались два пути: «Либо продолжение войны и дальнейшее «наступление», и тогда — неизбежная передача власти контрреволюционной буржуазии...

Либо переход власти в руки рабочих и неимущих крестьян, объявление демократических условий мира и прекращение войны для того, чтобы, двинув дальше революцию, передать землю крестьянам, поставить рабочий контроль в промышленности и привести в порядок разваливающееся народное хозяйство за счет барышей капиталистов и помещиков».

Временное правительство встало на первый путь — путь приспособления к контрреволюции, предало революцию, обратило свое оружие против рабочих и солдат.

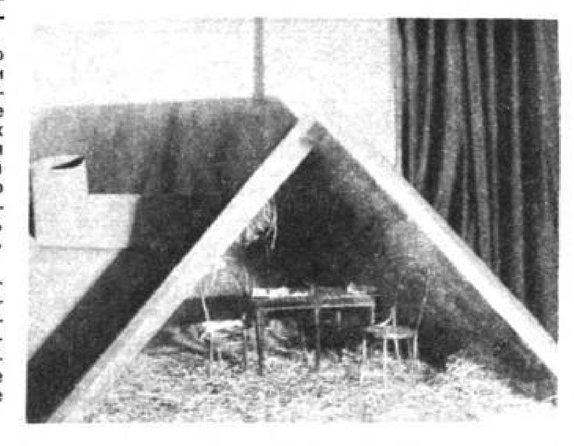
Но «Революция живет,— говорится в воззвании,— и она еще даст о себе знать...

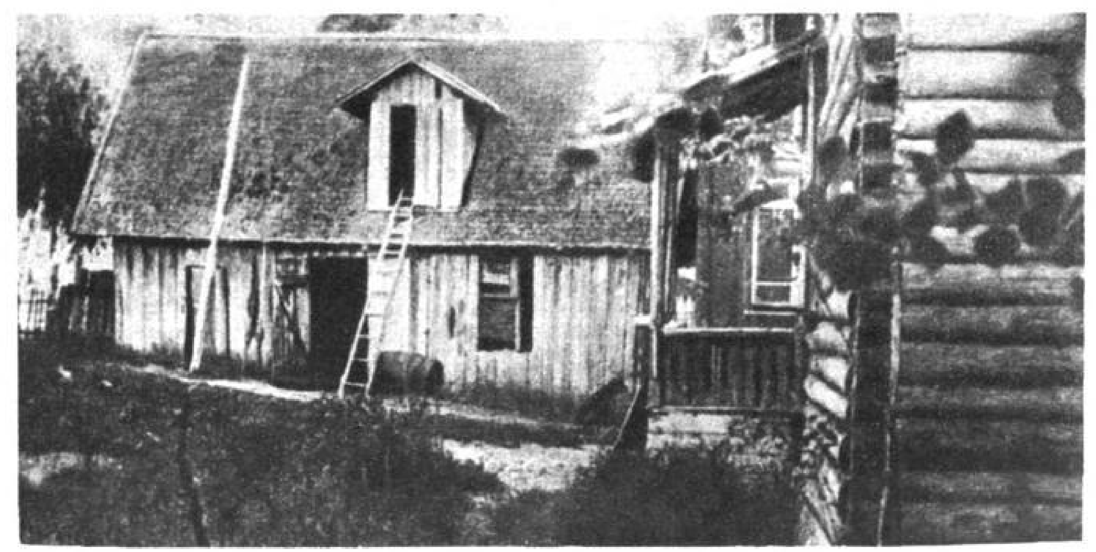
Будут еще битвы!

Будут еще победы!».

Конференция призвала рабочих под знамя большевистской партии, призвала крестьян к союзу с рабочим классом, призвала солдат бороться вместе с народом за дело революции.

Партия большевиков, Ленин и Сталин готовили массы к борьбе за власть, готовили к социалистической революции.

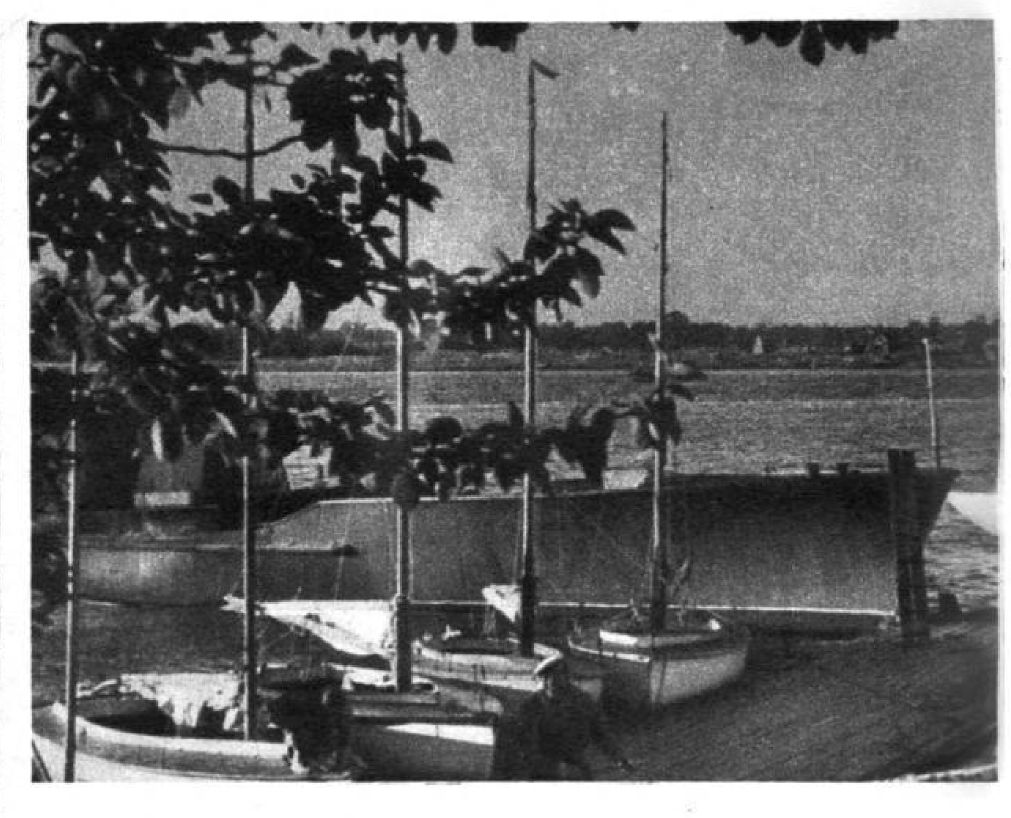
Сарай на станции Разлив, на чердаке которого скрывался В. И. Ленин в июле 1917 года. На верхнем снимке: макет чердака.

Слева: председатель совета Ленинградского морского клуба инженер-штурман дальнего плавания Б. И. Ликин.

Справа: старейший яхтсмен Я. А. Ариян.

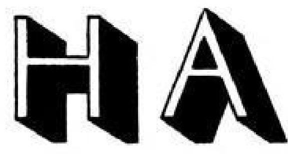
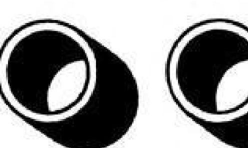
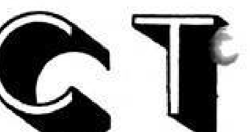
Слева: Анатолий Святокум — лучший скутерист клуба.

Справа: юный сигнальщик Юра Огурцов передает в минуту 200 знаков.

Внизу: техник-архитектор Валентина Пашкова командует швертботом «Изумруд».

Фото И. Фетисова

НА ОСТ

В дельте Невы, у самого выхода в залив, лежит маленький зеленый остров, над которым постоянно дуют ветры, словно пытаются подхватить его и унести в открытое море. Вокруг снуют шлюпки, проносятся катера, медленно, с горделивой осанкой проплывают яхты. Все в движении, и от этого кажется, что островок тоже плывет... А как хорошо, как вольно, полной грудью дышится здесь! Потому, наверно, и зовется остров Вольным.

Побываешь тут разок случайно, и уже будет тянуть сюда неудержимо.

Вот так и произошло с Борисом Ликиным.

Школьный товарищ, с которым они чуть не каждый день ездили к Летнему саду кататься на лодках, сказал как-то: «Знаешь, на Вольном лодочная станция открылась». С Васильевского острова, где жили друзья, до Вольного рукой подать, и они отправились туда. Новая лодочная станция оказалась непохожей на все прочие. Во-первых, кроме лодок, которые, кстати сказать, нужно было называть шлюпками, здесь были катера, мотоботы, яхты и даже древняя шхуна с молодым названием «Комсомол». Во-вторых, здесь не «катались», а «плавали», «ходили под парусом», «делали маневр». И вообще это была не лодочная станция, а морской клуб... Борю Ликина и его приятеля приняли в секцию юных моряков. Они учились ставить паруса, стоять на руле, читать картушку компаса, определяться по звездам. Потом был ночной поход на яхте в Петергоф — первое «дальнее плавание». И хотя позже были еще десятки таких же, а еще позже, когда Борис учился уже в Институте водного транспорта, настоящие дальние плавания на торговых судах в Атлантику, тот первый поход остался самым памятным. Во время войны Ликин командовал боевым кораблем, плавал в далеких северных морях, но куда бы ни забрасывал его приказ, всюду, будто в туманной дымке, виделся ему родной город, островок в невской дельте, яхта, поднявшая паруса...

И вот мы стоим с инженером-штурманом дальнего плавания председателем совета Ленинградского морского клуба Борисом Ильичом Ликиным на командной вышке острова Вольного. Рядом с нами невысокий грузный человек в капитанской тужурке, в черном берете, из-под которого выбивается непокорный седой вихор. Это Яков Аркадьевич Ариян, командующий флотилией швертботов и яхт, которые принадлежат клубу, он же начальник планового отдела одного из научно-исследовательских институтов. То и дело раздается его и так зычный, а мегафоном еще и усиленный голос:

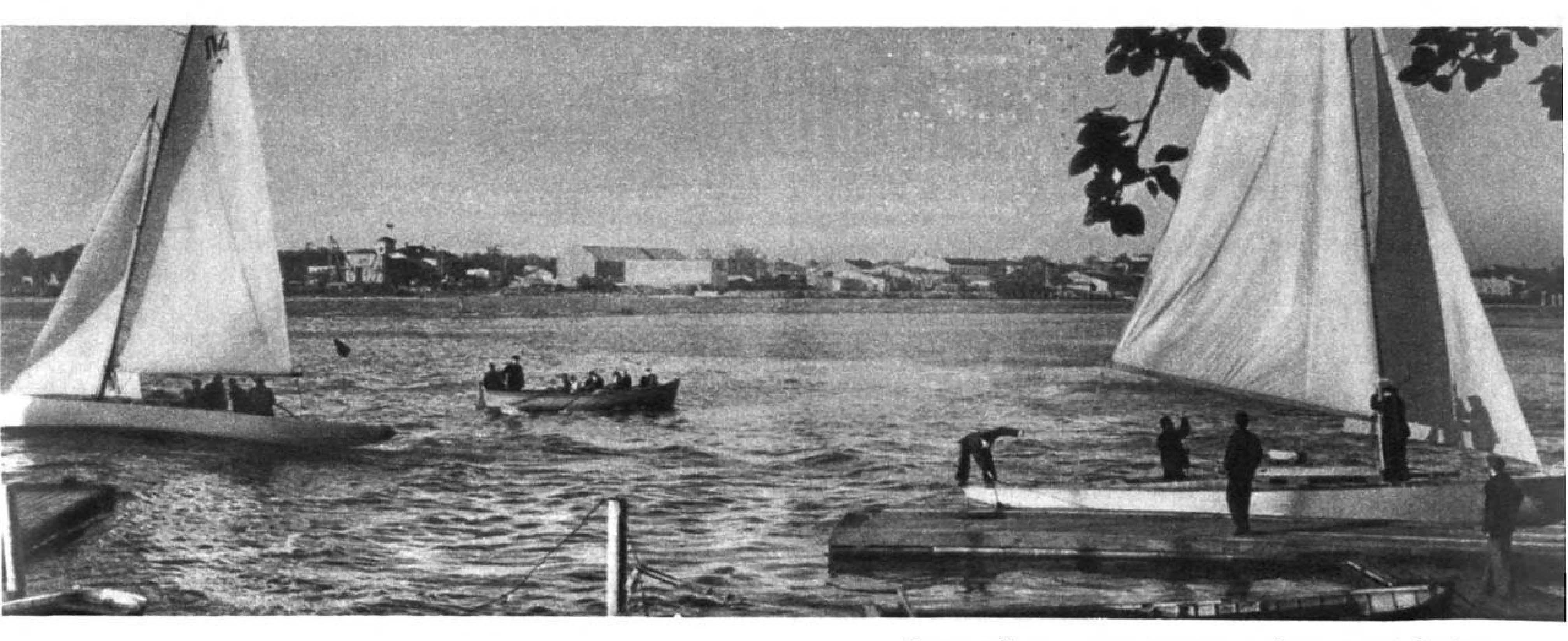
— На «Тюлене», смелее разворачивайтесь!.. На «Мелодии», держитесь мористей!.. На «Изумруде», возвращайтесь в гавань!..

Обернувшись к нам, Ариян говорит:

— Вас не удивляют названия наших суденышек? «Тюлень», например. Вроде бы не подходит это к яхте. Но взгляните, как низко сидит в воде, вечно мокрая ходит, потому и «Тюлень». А «Мелодия»? Прислушайтесь, как поет на ветру ее мачта, какую тонкую выводит мелодию. Яхтсмены, надо сказать, питают особое пристрастие к музыкальным названиям. Помню, в одном яхтклубе были и «Симфония», и «Сюита», и «Соната»... А у нас целая коллекция драгоценных камней: «Изумруд», «Рубин», «Алмаз». Был тут членом совета горный инженер. Он и предложил эти имена...

— У вас какая яхта, Яков Аркадьевич?

— Я хожу на «Спартаке». Вон она у причала. Мои орлята готовят ее сейчас к походу. Ночью пойдем в Петродворец. Между прочим, мы с этой яхтой ровесники. Мне сорок восемь, и ей столько же. Но стаж у меня чуточку поменьше. «Спартак» все свои сорок восемь плавает, а я только тридцать два...

В гавани Ленинградского морского клуба на острове Вольном.

РОВЕ ВОЛЬНОМ

Ариян и Ликин, наблюдая за яхтами и швертботами, которые ходят вдоль острова, обмениваются короткими замечаниями:

— Смотрите, Борис Ильич, как классически ошвартовалась Пашкова!..

— Вот молодчина!

Через несколько минут к вышке подходит та, которую назвали молодчиной; усталая, мокрая, но очень довольная. Технику-архитектору Валентине Пашковой, старшему рулевому швертбота «Изумруд», двадцать три года. Ее производственный стаж равен стажу спортивному. В прошлом году, летом, закончив архитектурный техникум, она начала работать в мастерской, проектирующей города и рабочие поселки. Тогда же она впервые пришла на Вольный. Ну, что ж, и там и тут дела идут неплохо. Помощник архитектора Пашкова участвует в проектировании двух поселков для строителей Куйбышевской гидростанции: Жигулевска и Шлюзового. Яхтсменка Пашкова сдала испытания на яхтенного рулевого и получила право на самостоятельное управление швертботом...

— Что он делает? Что он делает!

Трудно сказать, чего больше в этом неожиданном возгласе Арияна: возмущения или восторга? В самом деле, надо бы рассердиться на этого паренька, но нельзя и не восхититься им... Из-за острова вылетел, именно вылетел, потому что он едва касался воды и должен был вот-вот оторваться от нее, маленький, верткий скутерок. Он пронесся на предельной скорости мимо яхт и швертботов, едва не задев их и обдав экипажи холодным душем, потом промчался мимо командной вышки, и мы увидели мелькнувшее на секунду задорное мальчишечье лицо, все в водяных брызгах и масляных пятнышках, лицо, на котором были написаны откровенный восторг и лихость: «Глядите, как я лечу, попробуйте догнать!» Ариян нагнулся, хотел было крикнуть что-то сердитое насчет осторожности, но кричать можно было уже только на бурун, оставшийся после скутера, который исчез за островом так же мгновенно, как и появился. Яков Аркадьевич махнул рукой и улыбнулся: можно ли сердиться на Толю Святокума, этого юного слесаря, которым весь клуб гордится, как лучшим скутеристом!

Одна из шлюпок ушла далеко от острова, и Ариян хотел ее позвать. Но в мегафон его, видимо, не слышат: шлюпка продолжает уходить. Тогда Ариян командует:

— Сигнальщика Огурцова на командный мостик!

И сигнальщик Огурцов, которому на вид не больше 15 лет, взбегает в ту же секунду с флажками на вышку, словно сидел под ней и ждал.

— Передайте на шлюпку: немедленно возвратиться!

— Есть передать на шлюпку немедленно возвратиться! — репетует Огурцов и, как нам кажется, всего лишь несколько раз взмахивает флажками. — Все! Написал.

— Как, уже? — удивляется Ариян. — Не может быть!

— А я не только про возвращение передал. Я еще кое-что сообщил,— хитро улыбается сигнальщик.

— Что именно?

— Я передал Сереже Казначееву, что сдал физику на пятерку, как и он. Мы ведь с ним в одном классе учимся. Он раньше меня сдал, уехал сюда и не знал про меня... Сегодня был последний экзамен.

— Ну и как? — вступает в разговор Ликин.

— Перешли с Сергеем в девятый.

— Поздравляю тебя, Юра,— говорит Ликин. — И передай, пожалуйста, мое поздравление Сереже Казначееву.

— Я сейчас, — и Огурцов снова несколько раз взмахивает флажками. — Передал. Сергей отвечает: «Спасибо!»

Вот так мы увидели, как пишет флажками знаменитый сигнальщик Юрий Огурцов, чемпион Ленинграда, передающий в минуту 200 знаков...

На острове становится все люднее.

Вон прошли к воде с веслами на плечах две женщины в свитерах, очень похожие друг на друга.

— Это сестры Воронины, — говорит Ликин, — Кена Борисовна и Лидия Борисовна. Наши ветераны: обе состоят в клубе с довоенной поры. Кена — счетовод, Лидия — бухгалтер.

Борис Ильич рассказывает нам волнующую историю, которая произошла с сестрами Ворониными во время войны.

Кена работала в тылу, в Сибири. Лидия — на фронте, санинструктором. За геройство при спасении раненых она была награждена орденом Славы. Однажды, вынося на руках раненого, она наткнулась на мину. Осколком ей перебило ногу, но она продолжала ползти, взвалив раненого к себе на спину. Доползла до траншеи и упала в беспамятстве... Она долго лежала в госпиталях. Сестра в это время переехала в другой город, и связь между ними прервалась. Когда Лидия вернулась в Ленинград и пришла на прежнюю квартиру, соседка сказала: «А Кена уже тут, уехала сейчас на какой-то остров...» Лида сразу же поняла, что это за остров, и отправилась туда. Вот здесь, на Вольном, они и встретились.

...На реке уже так оживленно, как бывает только на Невском в субботний вечер. Яхты, швертботы, шлюпки с трудом расходятся, вежливо уступая друг другу дорогу. Святокуму нечего тут и делать в этакой тесноте со своим скутером — оба отдыхают: скутер мирно покачивается у деревянного причала, а скутерист ныряет.

А на правом краю острова выстроилась у берега «грозная» эскадра: линкоры, крейсеры, миноносцы, подводные лодки. Это модели. Каждая, несмотря на весьма малые размеры, сделана с полной детализацией, с величайшей тщательностью. И каждая может двигаться, подгоняемая резиновым моторчиком, а то и крошечной паровой машиной или дизельком.

Вот один из моделистов заводит мотор «крейсера» с легкими, изящными обводами. И тот рванулся, полетел, чуть наклонившись правым бортом к воде, и выскочил туда, где ходят яхты, шлюпки, экипажи которых, увидев этот «грозный кораблик», стараются открыть ему путь, и он несется все вперед и вперед, в море...

...Нет, не хочется уходить с этого острова. Во всяком случае, завтра мы непременно снова сюда придем...

А. СТАРКОВ

Сестры Лидия и Кена Воронины.

НА XV ОЛИМПИЙСКИХ ИГРАХ

ПЕРВЫЕ ДНИ

От специального корреспондента «Огонька»

Главный вход на олимпийский стадион в Хельсинки.

Идея олимпийских игр — это идея дружбы народов и мира. С древнейших времен эта благородная идея соответствовала жизненным интересам всех честных людей, живущих на земном шаре.

Когда глава советской спортивной делегации на XV олимпийских играх тов. Н. Н. Романов при открытии лагеря в пригороде Отаниеми призвал спортсменов пронести эту идею через все соревнования на олимпиаде, понести ее после олимпийских игр во все страны мира к своим народам, гром аплодисментов, долго не смолкавших, возраставших все с новой и новой силой, был ответом на этот призыв.

Многочисленные представители различных организаций Финляндии, иностранные корреспонденты могли наглядно убедиться в искренности чувств советских спортсменов и спортсменов стран народной демократии. Вот они, сильные, мужественные, стоят в стройных рядах, присягая перед своими государственными флагами в верности идее олимпийских игр, в верности делу мира во всем мире.

Я видел восторженные взгляды присутствовавших на церемонии при поднятии флагов СССР, Венгрии, Польши, Болгарии, Румынии, Чехословакии. С чувством особого признания смотрели люди на колонны спортсменов. Нужно было видеть увлажненные слезами глаза одной финской пожилой женщины. Сложив на груди большие, видимо, повидавшие много труда руки, она внимательно смотрела на лица счастливой молодежи. Она твердо верила, что такие люди не обманут: они выросли в труде.

Высоко на здании над государственным гербом Советского Союза — портрет товарища Сталина. Гордо реют на флагштоках знамена. В Отаниеми живут дружной семьей. На тренировках, концертах, в парке вы видите веселых, загорелых русских, чешских, болгарских, польских, румынских, венгерских девушек и юношей. Не все из них знают языки, но как хорошо они понимают друг друга! Порой кажется, что у всех один язык и они свободно изъясняются между собой.

В спортивном лагере часто демонстрируются кинокартины, выступают московские и ленинградские артисты, Ансамбль народного танца СССР, ансамбли стран народной демократии. В эти вечера в большом тренировочном гимнастическом зале бывает особенно многолюдно. Мест в амфитеатре не хватает. Спортсмены сидят на ковровых дорожках, тренировочных рингах.

«Противники» о чем-то задушевно разговаривают. Вот под общий смех всего зала Новак и чешские гимнасты почти бегом несут к подмосткам пианино. Кто-то по-венгерски выкрикивает название песни. Группы болгар и русских предлагают другую. Договариваются быстро. Словно по взмаху дирижерской палочки, многоголосый хор дружно поет:

«Мы за мир! И песню эту
Понесем, друзья, по свету...»

Песня вырывается наружу, шумит над соснами, идет к заливу...

Гордость за свою страну, за силу дружбы народов переполняет тебя...

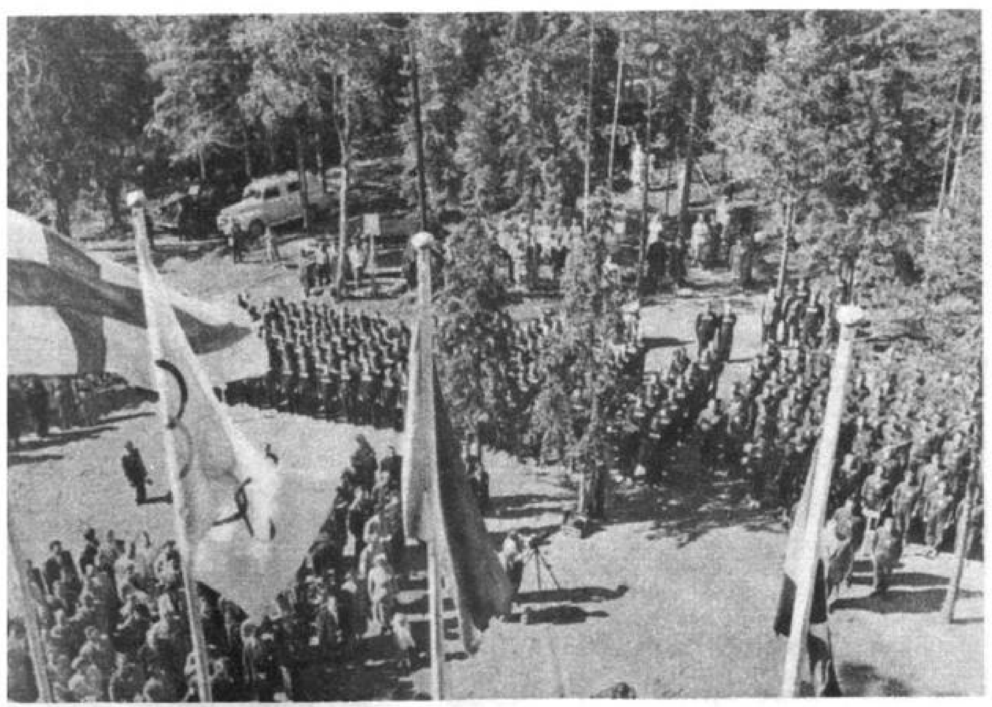
«Не бывать войне-пожару.
Не пылать земному шару!..»

Хочется, чтобы слова этой песни запали в душу каждого участника олимпийских игр.

Да, единый язык, язык мира и дружбы, способен объединить миллионы трудящихся. На этом языке и хотим мы говорить на олимпийских играх.

К сожалению, далеко не всем приятен он. В некоторых финских газетах появляются заметки о советских спортсменах, эти заметки не способствуют укреплению дружбы. Это тем более досадно, что финский народ радушно принимает наших физкультурников. Мы часто разговариваем с финскими девушками и юношами, видим и чувствуем их стремление быть ближе ко всей прогрессивной молодежи мира. Они не верят измышлениям о «железном занавесе».

«Духовные пастыри», прикрываясь лозунгом «Мы вне политики», пытаются увести спортсменов от общения с миролюбивой молодежью.

Парад спортсменов стран народной демократии в Отаниеми под Хельсинки.

Общий вид спортивного лагеря в Отаниеми.

Иностранные корреспонденты фотографируют советских спортсменов.

Мы были в олимпийской деревне Кэпеле. Здесь живут известные мировые рекордсмены по бегу, прыжкам, опытные мастера баскетбола, футбола, гребного спорта. Мы виделись с американскими, бразильскими, канадскими, египетскими и другими спортсменами. Они проявляли живой интерес к Советскому Союзу. Но в их разговорах чувствуется какая-то настороженность. Может быть, это результат моральной «обработки»? Хотелось бы, чтобы олимпийские игры устранили эту настороженность и укрепили взаимопонимание между всей спортивной молодежью мира.

Недавно английская газета «Ньюс кроникл» опубликовала статью своего корреспондента об олимпийском лагере в Отаниеми.

— Когда я собирался в этот лагерь,— сообщает он,— мои друзья шептали мне на ухо: не езди туда, тебя не пустят, а если и пустят, то ничего не покажут.

Автор сообщает далее о своих встречах со спортсменами, о дружной семье народов, которую он увидел в нашем лагере. «Нет железного занавеса!» — так заканчивает он свою корреспонденцию.

Население Хельсинки тепло встретило советских спортсменов. Многих из них: В. Казанцева, Н. Думбадзе, В. Боброва, В. Николаева, Г. Новака, А. Булакова и других — здесь хорошо знают. Газеты публикуют их фотографии, рассказывают об их победах. Молодежь проявляет большой интерес к тренировкам наших спортсменов и спортсменов стран народной демократии.

В Отаниеми, в спортивных лагерях, в городе Хельсинки и по всей Финляндии развеваются олимпийские флаги: белые полотнища и пять (желтое, красное, черное, зеленое, голубое) соединенных колец, символизирующих собой единение народов пяти частей света. Олимпийскую эмблему можно видеть всюду: на майках, пряжках, ремнях, головных уборах и даже на обуви, на спичечных коробках.

Город Хельсинки в эти дни представляет собой огромный, многотысячный лагерь спортсменов 70 стран.

Чтобы представить многообразие игр, нужно посмотреть на календарь хотя бы одного дня. Пусть это будет 27 июля. В этот день состоятся состязания по легкой атлетике, по прыжкам в высоту, марафонский бег, эстафета 4 по 100 метров для женщин и мужчин, ходьба на 10 тысяч метров. Будут также проведены встречи по классической борьбе, соревнования по тяжелой атлетике, пулевой стрельбе, плаванию, водному поло, байдарочной гребле, фехтованию, парусному спорту, игры в баскетбол.

...В эти дни олимпийский стадион, Паллокенття, Мессухалли и другие залы, площадки, бассейны стали самыми популярными местами для жителей Финляндии и многочисленных туристов.

Москвичи, постоянные посетители стадиона «Динамо», могут легко представить себе атмосферу на этих состязаниях, если учтут очень важное обстоятельство: здесь присутствуют не объективные советские «болельщики», а представители 70 стран, среди которых есть ярые недоброжелатели спортсменов демократических стран.

Нередко, например, во время исполнения штрафных бросков эти участники «команды крика», как их назвали в демократической финской печати, своим шумом мешают спортсменам.

Но никакие козни не могут изменить мирную идею олимпийских игр. Многие юноши и девушки капиталистических стран тяготеют к нам. Вот почему здесь с радостью было принято сообщение Олимпийского комитета об участии в играх спортсменов Китайской Народной Республики, вот почему с таким подъемом олимпийский стадион встречал появление колонны советских спортсменов на торжественном открытии олимпиады. Спортсмены в белых парадных костюмах и красных галстуках, четким шагом прошедшие по стадиону, завоевали симпатии присутствующих.

День открытия был праздничным днем и для жителей Хельсинки. Задолго до начала торжества сотни машин, автобусов, большие толпы людей направились в сторону олимпийского стадиона. На его трибунах не было ни одного свободного места. Сюда собрались свыше 70 тысяч людей. Хельсинки не видели до сих пор такого количества зрителей. Моросивший все время дождь не смущал публику.

Яркозеленым полотном раскинулось футбольное поле, окаймленное желтой полосой беговой дорожки. На большом щите показателей вспыхивает: «Участие в олимпийских играх важнее победы, важно искреннее содружество».

По традиции, впереди спортсмены Греции, за ними в алфавитном порядке на стадион вливаются колонна за колонной все новые и новые делегации во главе со своими знаменосцами.

Разнообразны костюмы: красные и белые, голубые и синие... Разных цветов шляпы, береты, чалмы. Разнообразен и строй. Многие делегации идут в колонне по 3—4 человека. Идут и по 6—7 человек. А малочисленные делегации шествуют цепочкой по одному. Панама была представлена лишь одним знаменосцем.

Переполненные трибуны приветствуют юношей и девушек. Молодежь далекой Индии и Южной Африки, Норвегии и Дании, Швейцарии и Италии, Франции и Англии идет по стадиону. Идет молодежь Болгарии и Венгрии, Польши, Румынии и Чехословакии. Большой стройной колонной под одобрительные возгласы тысяч людей идет советская делегация. «Да здравствует мир!» — раздается на трибунах.

Когда президент Финляндии г. Паасикиви объявил олимпийские игры открытыми и оркестр исполнил олимпийский гимн, когда в воздух поднялись тысячи голубей и раздался орудийный салют, когда на щите загорелись слова «Олимпийский факел на стадион принесет Пааво Нурми» и с горящим факелом вбежал известный миру спортсмен,— в эти торжественные минуты гром аплодисментов раскатился с особой силой.

И вот от факела зажжен олимпийский огонь у футбольного поля. И через несколько минут старейший финский спортсмен Ханнес Колехмайнен зажег олимпийский огонь на вершине башни стадиона. Далеко виден теперь олимпийский огонь, особенно ночью. Он как бы зовет молодежь к дружбе, миру, постоянно напоминая о высокой идее олимпиады.

Б. БУРКОВ

Фото А. Гостева

Золотые медали

БЛЕСТЯЩАЯ ПОБЕДА СОВЕТСКИХ ГИМНАСТОВ

На олимпийском стадионе, в залах Мессухалли, в бассейнах идут соревнования по различным видам спорта.

С успехом выступают наши гимнасты, среди которых отличаются Шагинян, Муратов, Чукарин.

В упражнении на кольцах на первое и второе места вышли Шагинян и Чукарин. В опорных прыжках лучше других исполнял это упражнение Чукарин. Он же занял первое место по упражнениям на коне. Многочисленные зрители восторженно приветствовали отличную работу советского спортсмена на гимнастических снарядах. В итоге всех дней соревнования команда Советского Союза набрала в сумме олимпийского двенадцатиборья 574,40 балла и заняла общее первое место. Второе место занял коллектив гимнастов Швейцарии, на третьем Финляндия. Звание абсолютного чемпиона по гимнастике у мужчин завоевал известный львовский спортсмен воспитанник Львовского института физической культуры Виктор Чукарин. Второе место занял Грант Шагинян. На третьем месте остался известный гимнаст Штальдер (Швейцария). Четвертое место завоевал советский гимнаст Муратов. В первую десятку вошли шесть советских гимнастов.

Хорошо показали себя советские борцы. Дадашев в $1\frac{1}{2}$ минуты уложил египтянина Эссави, и это стало предметом оживленных разговоров. Ялтырян тушировал финна Талосела, Мекокишвили победил Вальтера (Западная Германия). Цимакуридзе смело вел борьбу с американцем Ходжем и на шестой минуте бросил его на лопатки.

На олимпийском стадионе Ю. Литуев пришел вторым в сложном состязании по бегу на 400 метров с барьерами. Ему присуждена серебряная медаль.

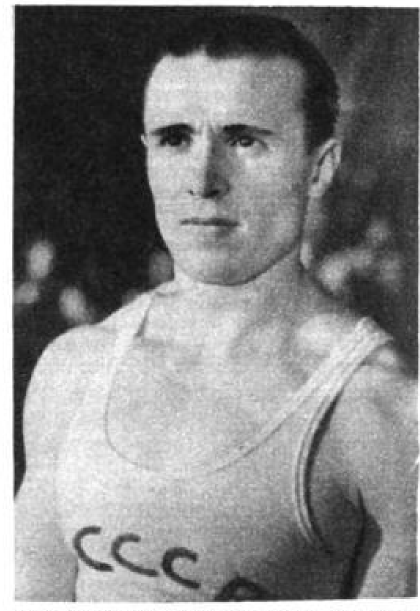
Наибольшее число участников привлек бег на 100 метров. Около ста спортсменов выступило в многочисленных забегах. В финальный забег попал советский спринтер В. Сухарев. Он закончил дистанцию за 10,5 секунды. Первое место занял Ремижино (США). Его результат — 10,4. Остальные три бегуна также показали результат 10,4. В толкании ядра Григалка (СССР) занял четвертое место.

Очень интересно протекал бег на 10 тысяч метров. Первые два километра вел советский спортсмен А. Ануфриев. Затем его обошел рекордсмен мира на эту дистанцию Эмиль Затопек (Чехословакия). Он стал лидером. Просвет между Затопеком и другими постепенно увеличивался. Видно было, что никто его догнать не может. Он хорошо прошел последний круг и последнюю прямую и первым пересек линию финиша.

Его результат, 29 минут 17 секунд,— новый олимпийский рекорд. Затопеку вручена золотая медаль.

А. Ануфриев пришел третьим. Он также побил старый рекорд.

С большим успехом выступали наши дискоболки. После предварительных метаний в финал вышли советские спортсменки, причем Нина Ромашкова метнула диск на 51 метр 42 сантиметра и установила новый олимпийский рекорд.

Абсолютный олимпийский чемпион по гимнастике Виктор Чукарин.

В финальных соревнованиях Ромашкова заняла первое место. Ей вручена золотая медаль. Серебряную медаль завоевала Е. Багрянцева и бронзовую — Н. Думбадзе. Оркестр играл Гимн Советского Союза, и три красных знамени взвились на флагштоках.

В итоге первых двух дней олимпийских игр на первом месте идет коллектив спортсменов Советского Союза. Он завоевал 14 золотых, 6 серебряных и 3 бронзовых медали и набрал 115 очков. На втором месте команда США. У нее 57 очков, 5 золотых, 3 серебряных и одна бронзовая медаль.

* * *

Сборная футбольная команда Советского Союза встретилась на стадионе г. Тампере с командой Югославии. Первая встреча не дала преимущества ни одной из команд. Счет 5 : 5. 22 июля состязание было переиграно. Победителями оказались югославские футболисты. Счет 3 : 1.

Заслуженный мастер спорта
Н. ОЗЕРОВ

Победительница соревнований по метанию диска, олимпийская чемпионка и рекордсменка Нина Ромашкова.

Вокзал города-героя

В середине июля комфортабельные автобусы, как и всегда, доставили из одесских здравниц к поездам сотни курортников, закончивших лечение в санаториях. В этот день машины впервые остановились у гранитных ступеней нового вокзала.

Вокзал называют обычно воротами города. Вокзал в Одессе — это южные ворота нашей страны. Морские и железнодорожные пути идут в город-герой из дружественных нам демократических республик. Не раз встречала Одесса виноградарей Болгарии, нефтяников Румынии, албанских крестьян. Отсюда направлялись они дальше в Киев и Москву, в Ленинград и Баку — на заводы и в колхозы, туда, где советские люди передают им опыт строительства новой жизни.

Автор проекта архитектор Л. М. Чуприн и коллектив Одесского строительно-восстановительного управления, осуществивший замысел архитектора, создали чудесный вокзал-дворец, достойный города-героя.

Здание Одесского вокзала.

Один из пассажирских залов.

Фото И. Кригеля

Над центральной аркой главного входа — вырубленная на камне надпись: «Городу-герою — слава!» Скульптурная группа символизирует мужественную борьбу трудящихся города за свободу и мирный труд.

Здание венчается высоким куполом с серебристым шпилем и гербом Советского Союза.

По удобствам, которые предусмотрены в новом здании, Одесский вокзал — один из лучших в стране. Здесь созданы все условия для культурного обслуживания пассажиров. Удачное расположение помещений исключает возможность встречных потоков. Для пригородных пассажиров выделен специальный зал с отдельным выходом прямо к поездам. В цокольном этаже находятся камеры хранения. Багаж по тоннелям транспортируется автотележками прямо к поездам, не загромождая пассажирских платформ.

Главный вестибюль перекрыт светящимся куполом с ажурной металлической решеткой. Купол опирается на шестнадцать стройных колонн из розового мрамора. Во всех залах лепные украшения, полотна советских художников, удобная, красивая мебель.

Особенно хороши помещения для маленьких пассажиров. Здесь отдельные комнаты отдыха, спальни и столовые со специальной мебелью и посудой. Стены детских комнат украшены рисунками на темы народных сказок. Родители имеют возможность выкупать детей, сменить им белье, сварить пищу, вскипятить молоко.

В правом крыле нового вокзала разместились ресторан и гостиница для транзитных пассажиров. Огромная прогулочная трасса опоясывает весь корпус на уровне второго этажа.

На новом вокзале к услугам пассажиров душевые и ванные комнаты, различные мастерские, парикмахерские.

Те, кто уезжает теперь из Одессы, увозят воспоминания о замечательном сооружении, каким является новый вокзал.

И. КАРЕВ

Передвижной кинотеатр

В селе Ново-Калинове остановилась автомашина, нагруженная большими щитами, железными столбами и складными скамьями. Три человека быстро выгрузили все это и за короткое время соорудили на площади кинотеатр. Когда спустились сумерки, в зрительном зале, рассчитанном на 150 мест, колхозники смотрели кинофильм «Незабываемый 1919 год».

Летний передвижной кинотеатр сконструирован начальником Управления кинофикации Сталинской области М. А. Шматко. Незначительный вес — около двух тонн — дает возможность перевозить все оборудование, включая электростанцию, на одной машине.

В течение лета театр побывает во многих населенных пунктах Сталинской области.

А. СЕРАФИМОВ

Село Беренвайлер говорит: «Нет!»

Кадр из фильма «Непрошенные гости». Сцена ареста полицейскими ГайнцаВаймана.

На экране — лупа. Она медленно скользит над картой Западной Германии. Мелькают, вырастая на миг в увеличительном стекле, названия населенных пунктов, и среди них село Беренвайлер. Ничем не примечательно это село. По утрам здесь, так же как и в соседних деревнях, разъезжает почтальон. Тут знают всё друг о друге. Как и всюду, к числу известных лиц общины принадлежат бургомистр, учитель, священник.

Но главное, что роднит Беренвайлер с сотнями других немецких сел,— это горе и страдания, которые принесла вторая мировая война.

Случайно, наугад выхвачен на карте Беренвайлер — таковы первые кадры фильма «Непрошенные гости» [1]. Эти кадры позволяют авторам подчеркнуть основную идею своего произведения: судьба этого села типична для Западной Германии. Еще не залечены раны войны, еще развалины напоминают о недавно пережитых бедствиях, но американские империалисты уже готовы ввергнуть немецкий народ в новую, еще более ужасную военную катастрофу. Над Беренвайлером нависла смертельная угроза: жители должны покинуть свои дома: село обречено на уничтожение. На его месте будет создан новый военный аэродром.

Так решили янки. Но это решение принято без хозяина — немецкого народа. И крестьяне Беренвайлера вступают на путь борьбы против американских поработителей, за право мирно жить и трудиться на своей земле, на земле отцов и дедов.

Не сразу выбирают они этот путь. Сама жизнь диктует крестьянам Беренвайлера отказ от пассивного сопротивления под лозунгом «Война без нас» и переход к активному участию в демонстрации, направленной против марионеточного боннского правительства. Они не одиноки в своей борьбе: их поддерживают жители окрестных деревень, рабочие города. На их стороне все, кому дороги мир и независимость страны. Эпизоды, посвященные братской солидарности различных слоев немецкого населения, — безусловная удача фильма; они наглядно показывают, какой могучей, непобедимой силой является единство простых людей.

Глубокое понимание психологии немецкого крестьянина, тонкая наблюдательность, проявляемая в обрисовке их образов, выразительность кинематографических деталей, характеризующих их привычки, быт, уклад, позволили авторам — режиссеру и сценаристам — и актерам создать глубоко волнующее, реалистическое кинопроизведение, выросшее до большого общественно-политического обобщения.

Талантлива игра артистов Г. Симона (Гайнц Вайман), Л. Крузнус (матушка Вайман), А. Гарбе (бургомистр), Г. Гёринг (Кете Фольмер). Запоминается образ вдовы Рюлинг (артистка Э. Легаль). Особенно удачен в фильме образ сельского священника, созданный артистом Э. Винтерштейном, которого советский зритель хорошо знает по фильму «История одной семьи». Глубокого трагизма и подлинного пафоса достигает его игра в сцене визита к архиепископу. Утрата священником долголетних иллюзий сочетается в этом эпизоде с разоблачением предательской роли высших церковных кругов.

Среди исполнителей в фильме нет резкого деления на основные и второстепенные роли, и именно эта сыгранность актерского ансамбля убеждает зрителя, что главный герой фильма — народ.

Фильм «Непрошенные гости» — новая удача прогрессивной немецкой кинематографии. Посвященный самым насущным, острым вопросам современности, он является ценным вкладом в дело борьбы немецкого народа против так называемого общего договора, за мир, за единую, демократическую, миролюбивую Германию.

Л. БЕЛОКУРОВ

[1] «Непрошенные гости». Сценарий К. и Ж. Штерн. Режиссер — М. Гельберг. Операторы — К. Плинтцнер, И. Газлер. Композитор — Э. Ротерс. Производство киностудии «Дефа». 1952 год.

Д. МЕЛЬНИКОВ, Л. ЧЕРНАЯ

У теперешних заправил западногерманского марионеточного государства пестрые и не во всем схожие биографии. Но в захолустный городишко Бонн, ныне превращенный американцами в главный штаб агрессивных сил Европы, каждого из них привела извилистая тропка политических авантюр, предательства, продажности. И некогда — в не столь отдаленные времена — все эти тропки и дорожки обязательно сходились вместе. Это «некогда» — канун прихода к власти гитлеровцев.

Аденауэр, боннский канцлер, занимал в ту пору пост председателя прусского государственного совета и сыграл весьма заметную роль при воцарении в Пруссии фашистского вице-фюрера Геринга.

Теодор Хейс — нынешний боннский президент — заседал в 1933 году в рейхстаге и вместе с другими лидерами буржуазных партий голосовал за предоставление Гитлеру чрезвычайных полномочий, «освятив» тем самым фашистский переворот.

Лер — министр внутренних дел Бонна — был полицей-президентом в Дюссельдорфе и прославил себя организацией «исторической» встречи Гитлера с крупными финансовыми тузами Германии, членами «клуба господ».

Боннских правителей роднит одна общая черта: все они «люди начала тридцатых годов». Всех их германская буржуазия поставила в свое время у власти для того, чтобы они расчищали дорогу гитлеризму...

В наши дни «люди тридцатых годов» вновь стали ходовым товаром. Сейчас они нужны американским империалистам и немецким королям стали, пушек и взрывчатых веществ. Нужны как специалисты по устройству фашистских погромов «дома» в целях подготовки к агрессии вовне.

Вот почему на боннском политическом небосклоне то и дело появляются новые фашистские «светила».

За последнее время в Бонне в моде две организации, прикрывающие свою фашистскую сущность туманными словосочетаниями: «социалистическая имперская партия» и «партия экономического восстановления». Эти две фашистские банды существуют на щедрые субсидии новых членов старого «клуба господ». Не обходят их также своей благосклонностью Макклой, Киркпатрик и Франсуа Понсэ — бывшие «верховные комиссары» США, Англии и Франции в боннском государстве, теперь «послы»...

Фигуры двух главарей этих наиболее крупных фашистских организаций в Западной Германии довольно колоритны. Их краткое жизнеописание поможет увидеть, какие «кадры» сейчас требуются американским и аденауэровским поджигателям войны.

Карьера Лорица

Альфред Лориц явно имитирует Гитлера. Так же, как и Гитлер, он беснуется и закатывает истерики на митингах и собраниях. Так же, как и Гитлер, он в начале карьеры избрал своей штаб-квартирой Мюнхен. Подражая всемерно своему прототипу, Лориц уверяет газетных репортеров, что он, дескать, вина не пьет, табака не потребляет, мяса не ест и не предается прочим излишествам.

Отец Лорица был регирунгс-президентом Верхней Баварии. Ярый монархист и католик, он всю жизнь придерживался формулы: «Бог и кайзер во главе Германии. Германия во главе мира». Сам Лориц до 1933 года пребывал в рядах реакционной «хозяйственной партии», примыкая к правому ее крылу. В двадцатых годах он, подобно Рему, Штрассеру, Штрейхеру, Гитлеру и другим атаманам различных фашиствующих группок, метил на должность главного фаворита германских монополистов. Однако Гитлер и его клика оттеснили Лорица.

Тогда Лориц стал искать другого хозяина. Он запасся подложными паспортами и под именами «д-ра Людвига» и «Ледерера» поступил на службу к американо-английским реакционерам, создававшим в то время свою разведовательную сеть в гитлеровском райхе. По свидетельству американской печати, Лориц «играл во время войны важную роль в шпионской сети союзников» и «накопил за войну большие средства за счет поступлений от американской и английской разведок в благодарность за работу».

Естественно, что карьера Лорица по-настоящему расцвела после окончания войны. В 1945 году американцы назначили его министром... по делам денацификации Баварии. Одновременно с этим американская пропаганда преподнесла немцам вымышленную биографию Альфреда Лорица. Как и следовало ожидать, биография эта не имела ничего общего с действительностью, зато смахивала на средней руки детектив. Герой этого американского детектива Лориц, как полагается, прошел через удивительные приключения в духе Голливуда, гоняясь... за Гитлером, которого он, как истый «демократ» и «молодец», жаждал якобы уничтожить. Выстрелы, взрывы, бешено мчащиеся автомобили, крупным планом лицо «патриота» Лорица, который нажимает на курок пистолета, направленного на Гитлера... Вся эта дешевая чушь понадобилась американцам для того, чтобы провозгласить Лорица «великим мстителем» за дело «демократии» и тем оправдать назначение матерого фашиста и шпиона «очистителем» Баварии от гитлеровской скверны!..

В первое время все шло, как по маслу. Вопреки возмущению честных немцев Лориц крепко держался на министерском посту. Он сразу усвоил и усердно проводил в жизнь антипотсдамский курс своих американских хозяев. Лориц, разумеется, преследовал всех истинных антифашистов, издевался над бывшими узниками концлагерей и выгораживал, спасал, укрывал от возмездия гитлеровских преступников.

В дальнейшем, однако, американцы несколько разочаровались в Лорице. Оказалось, что дружба со стопроцентными янки не прошла даром для «великого мстителя». «Мститель» научился у них искусству делать доллары. Занимая высокий пост в разоренной Баварии, он быстро приумножил на черном рынке капиталец, нажитый на шпионской службе. Все это было бы в порядке вещей, если бы спекулянты, действовавшие под началом Лорица, не вздумали конкурировать со спекулянтским аппаратом американцев, делающих в Германии свой собственный бизнес. И вот между баварским «министром» Лорицем и американским военным губернатором в Баварии генералом Мюллером происходит бурное объяснение по поводу дележа добычи. Лориц называет Мюллера «лжецом». Генерал Клей, тогдашний губернатор всей Западной Германии, встает на сторону Мюллера, своего подчиненного и компаньона.

Курт Мейснер, один из ближайших помощников Лорица, решает срочно переметнуться на сторону американцев. Он выходит из партии «экономического восстановления», созданной Лорицем, и передает в руки американских военных властей многочисленные уголовные материалы, изобличающие его шефа. Лориц арестован... Начинается пресловутое «дело Лорица», которое, даже по оценке английской буржуазной печати, явилось «одной из самых фантастических комедий нашей эпохи». «Заключенный» Лориц преспокойно надевает пальто и шляпу и уходит из частной лечебницы, в которой содержался под стражей. Немедленно он развивает бурную деятельность: наводняет печать письмами и манифестами, разгуливает по главным улицам Мюнхена, вербует сторонников, организует митинги. А следующие за ним по пятам американские сыщики заявляют, что поймать «неуловимого Альфреда», дескать, абсолютно невозможно...

Было очевидно, что американские и западногерманские власти желают замять «дело Лорица», не вынося сор из избы. Но вскоре стало столь же ясно, что немецкие бароны угля и стали не прочь извлечь из этого чисто уголовного дела крупную политическую выгоду. И Альфреду Лорицу сочиняют новую биографию. На этот раз авторами ее были уже западногерманские реваншисты. Биография была составлена в классическом духе «великогерманского национализма». Лорица объявили мучеником не за «демократию», а за фашистские идеи. Ссора спекулянта Лорица

ПРЕДВЫБОРНАЯ ОБРАБОТКА ОППОЗИЦИИ

...Охота на депутатов в Пусане и его окрестностях продолжалась всю ночь. К утру до кворума недоставало еще четырех депутатов. Наконец, привезли из тюрьмы несколько арестованных депутатов...

(Из газет)

ЛИ СЫН МАН: — Четверых оставьте для кворума, остальных списать в расход.

Рисунок Е. Ведерникова

со спекулянтом Мюллером была подана как единоборство германского «викинга» с иноземным пришельцем. Неонацистскую партию Лорица начали усиленно субсидировать рурские промышленники и банкиры. Сам Лориц и одиннадцать его сподручных оказались депутатами бундестага...

Фашист Лориц и весь его сброд наглеют с каждым днем. В своих истерических речах Лориц выражает в наиболее открытой форме притязания германских империалистов на руководящую роль в Западной Европе. То, что западногерманским официальным политикам еще пока говорить «не дозволено», вполне дозволяется Лорицу. Сам Лориц хорошо знает, что в мутных волнах реваншизма ему удастся половить рыбку. Он прекрасно понимает, что в период подготовки к агрессивной войне спрос на фашистских демагогов будет все больше возрастать...

Фрид Дорльс и его «партия»

Из всех политических проходимцев, удобно устроившихся сейчас в Западной Германии, Фрид Дорльс, пожалуй, один из самых ловких. Смекнув, что германским реваншистам, прусскому офицерью и беглым гитлеровцам, окопавшимся на западе, рано или поздно понадобятся своя «политическая база» и свой обер-демагог, Фрид Дорльс предоставил им и то и другое: во-первых, сколоченную им так называемую «имперскую партию», во-вторых, бывшего фашистского генерал-майора Эрнста Ремера.

Партия Дорльса — точный слепок с нацистской партии Гитлера. У «имперской партии» есть свои штурмовики — банды хулиганов в черных рубашках, своя молодежная организация «рейхсюгенд», наподобие «гитлерюгенд», наконец, своя эмблема — свастика, правда, с выпрямленными концами, напоминающая черный крест, красовавшийся на крыльях фашистских самолетов. Громадные флаги с этими крестами развеваются теперь в Бонне на домах, где происходят сборища молодчиков из «имперской партии». Из окон этих домов также доносится военный марш «Баденвейлер», который весьма жаловал Гитлер...

Одним словом, обознаться невозможно. Фашиствующие германские дельцы, прусские юнкера и бывшие эсэсовцы и гестаповцы, мечтающие о новой мировой бойне, могут безошибочно обращаться по адресу: «Имперская партия, Фрид Дорльс». Партию Дорльса в следующих словах охарактеризовал его же ставленник, Ремер: «Имперская партия и национал-социалисты принадлежат к одной группе крови».

Партия Дорльса орудует сейчас преимущественно в земле Нижняя Саксония. Этот район с его громадными помещичьими угодьями издавна был цитаделью реакционных элементов Германии. После первой мировой войны здесь действовали многочисленные союзы милитаристов. Благодаря стараниям английских оккупационных властей крупнейшие поместья нижнесаксонских землевладельцев полностью сохранены за ними. Они стали прибежищем для всякого милитаристского сброда. Именно в Нижней Саксонии создано крупное объединение агрессивной военщины под названием «свободный корпус Германии». Самые названия «отрядов», входящих в этот «корпус», показывают политическую окраску этой организации. Один из отрядов называется «Дениц» — по имени гросс-адмирала Деница, которого Гитлер назначил своим преемником. Два других именуются «Ландсберг» и «Верль» — по названию тюрем, отведенных для военных преступников, которые были осуждены нюрнбергским трибуналом. Кроме того в Нижней Саксонии действует террористическая банда «Консул», построенная по образцу нацистской банды «Оргеш», созданной германскими милитаристами после первой мировой войны.

Таким образом, Нижняя Саксония — вполне подходящее поле деятельности для фашиста Дорльса. Недаром он сам провозгласил нижнесаксонских юнкеров «пруссаками двадцатого века», миссия которых заключается в возрождении четвертого фашистского райха.

Собрав вокруг себя несколько тысяч авантюристов, Дорльс, как уже сказано выше, выдвигает в фюреры Эрнста Ремера. Отставного генерал-майора Дорльс подобрал в тот момент, когда Ремер прозябал в полном ничтожестве. Пробыв два года в англо-американских лагерях для интернированных нацистов, которые, по признаниям западногерманской печати, больше походили на санатории, Ремер был отпущен на все четыре стороны. Реакционеры в США и Англии не видели в нем в то время особого прока. И тут-то как раз подвернулся Дорльс. Мотивируя свой выбор, Дорльс, как писал американский журналист Ричард Хэнсер, заявил: «Ну кто придет на наше собрание, если мы вывесим плакат «Сегодня выступает д-р Дорльс»? Никто. А когда мы вывешиваем плакаты, которые гласят: «Выступает герой 20 июля»,— приходят все». Ремер именуется так в рекламах Дорльса потому, что в 1944 году он в этот день дважды предал своих хозяев: сначала он выдал Геббельса и К°, которых охранял, генералам-заговорщикам, а потом, передумав, проделал обратную операцию — помог Геббельсу и К° уничтожить генералов-заговорщиков.

На сборищах «имперской партии» председательствует Ремер. Он появляется в костюме, заботливо придуманном для него все тем же Дорльсом. На «фюрере» зеленая шляпа с пером, грубошерстный плащ традиционного юнкерского типа, в петлице огромный значок с изображением «германского орла».

Дорльс сочинил специально для Ремера и соответствующую «платформу», которая пришлась по вкусу ярым германским реваншистам, мечтающим о новых завоевательных походах. Фрид Дорльс недаром сам был фашистом уже в 1929 году и читал лекции по всяким нацистским «теориям». По указаниям Дорльса, Ремер, этот «истинный германец» в грубошерстной накидке, выступает против всех и вся: он поносит Аденауэра и его правительство, называя их «коллаборационистами» и «трусливыми крысами»; он издевается над американцами, «жевателями резинки»; он предает анафеме гитлеровских генералов, которые работают совместно с милитаристами США и Англии; он уверяет, что «распишет всех так, что ни одна собака в Германии не возьмет от них кость».

Вся эта составленная Дорльсом шпаргалка, которую Ремер выкрикивает своим визгливым голосом на фашистских сборищах, не более, как грубый обман. На самом деле Дорльс давно сумел заручиться и поддержкой аденауэровской клики, и ассигнованиями промышленных королей Рура, и негласной помощью американской и английской разведок. И те, и другие, и третьи заинтересованы в разжигании самых темных шовинистических инстинктов среди отсталой части немцев — пусть даже за счет того, что временами их самих будут поливать грязью...

Американская печать как-то сообщила вскользь, что «министры Аденауэра ищут сближения с Ремером» и что переговоры с «имперской партией» ведет боннский министр Зеебом. Известно также, что один из помощников Дорльса, граф фон Вестарп, тесно связан с Ялмаром Шахтом, главным советником аденауэровского правительства. Шахт, между прочим, составил для Дорльса другую шпаргалку, под названием «экономический план», которую Ремер так же аккуратно отбарабанивает в своих речах. Через Шахта, который, как известно, является одновременно негласным финансовым советником американо-английских агрессоров, «имперская партия» Дорльса поддерживает сношения и с «послами» США и Англии в Бонне.

Между главарями «имперской партии», правителями боннского «государства» и американо-английскими покровителями германских милитаристов идет вовсю такая же бесчестная игра, какая происходила в свое время между гитлеровскими громилами, правителями веймарской Германии и англо-американскими мюнхенцами двадцатых и начала тридцатых годов.

Нынешние мюнхенцы не случайно поддерживают фашистскую партию Дорльса. Они рассчитывают, что штурмовые отряды «имперской партии» потопят в крови растущее демократическое движение масс, борющихся за мир, за единую Германию, за демократию.

* * *

Как известно, правящие эксплуататорские классы прибегают к фашизму тогда, когда исчерпаны другие методы властвования и остался лишь один путь — открытого террора. По этому пути идут сейчас боннские правители. Они судорожно пытаются воскресить скомпрометированный, битый и разбитый на полях сражений германский фашизм. Заметное оживление деятельности неонацистских партий и их главарей во всем боннском рейхе — свидетельство того, что западногерманские промышленники и банкиры делают ставку на фашистскую диктатуру как средство подготовки агрессивной войны.

Но эти расчеты построены на песке. Немецкий народ не желает вновь терпеть фашистскую тиранию, приведшую Германию к национальной катастрофе. Немецкие демократы исполнены решимости преградить дорогу фашизму и войне. Все более мощным и непреодолимым становится движение немецкого народа за заключение мирного договора с Германией, за единство страны, за мир.

МИТИНГ В БЫВШЕМ ЛАГЕРЕ СМЕРТИ

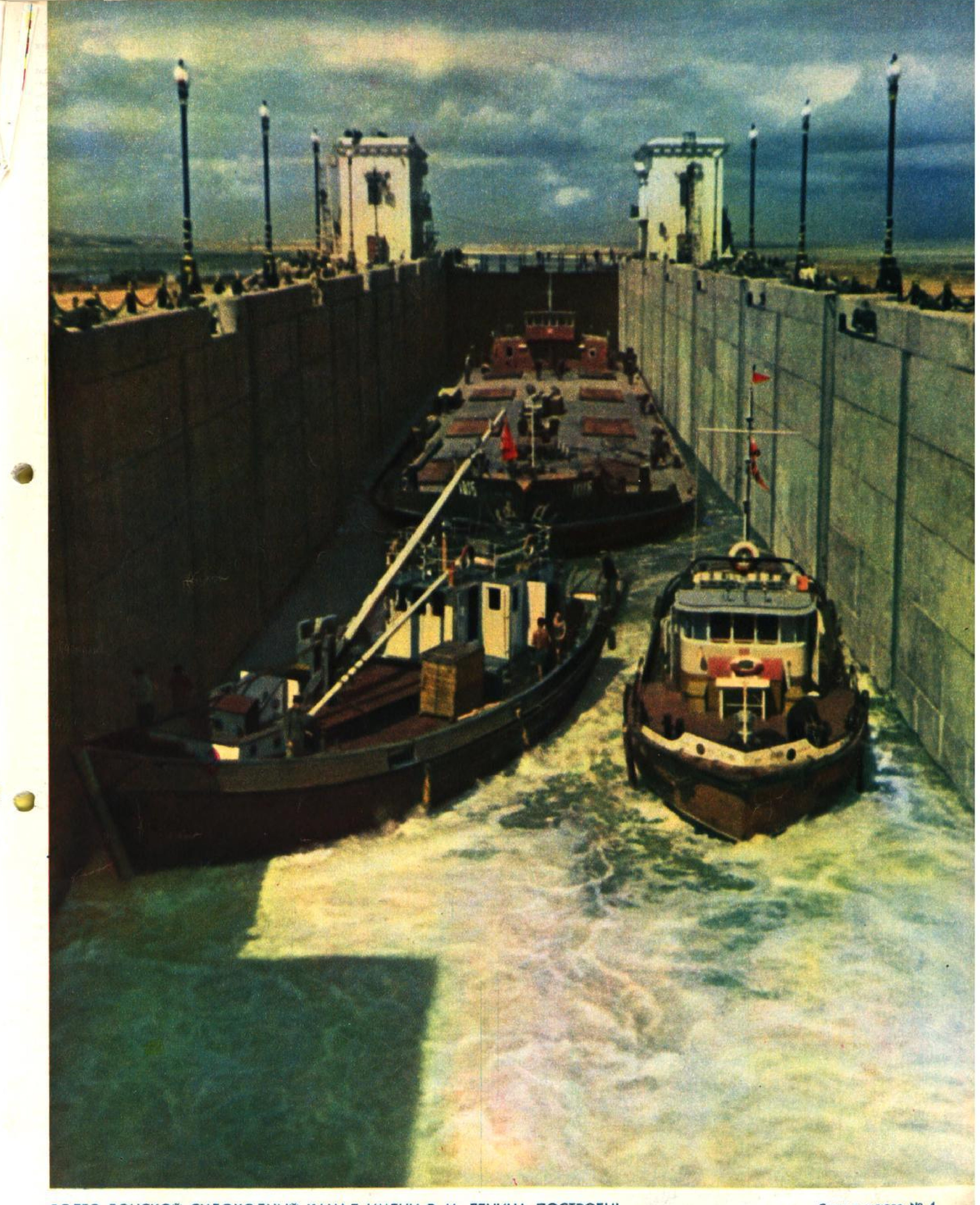
Эта фотография прислана из маленького немецкого города Веймара. Здесь недавно состоялась международная встреча-конференция бывших заключенных в гитлеровском лагере смерти Бухенвальд, близ Веймара.

У братских могил пятидесяти шести тысяч замученных антифашистов собрались делегаты Советского Союза, Франции, Чехословакии, Польши, Бельгии и многих других стран. На могилы жертв фашистского террора были возложены венки.

Делегаты разных стран, выступавшие здесь у могил своих братьев-антифашистов, поклялись отдать все силы борьбе против возрождения в Западной Германии фашизма, против войны, против преступных планов американо-английских империалистов, стремящихся закабалить Западную Германию с помощью сепаратного боннского договора.

На снимке: участники митинга осматривают бывший фашистский лагерь смерти Бухенвальд, где 18 августа 1944 года вместе с другими жертвами фашизма был замучен вождь немецкого народа Эрнст Тельман.

Фото А. Крылова

ВОЛГО-ДОНСКОЙ СУДОХОДНЫЙ КАНАЛ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ПОСТРОЕН!

Суда в шлюзе № 4.

Фото Дм. Бальтерманца

Один из участков канала в Мариновском районе.

Шлюз № 9.

У девятого шлюза.

У шлюза № 13.

Шлюз № 10.

УТРО В РАЙКОМЕ

Глава из романа

Рисунки П. Караченцова

Семен БАБАЕВСКИЙ

Роман «Знамя жизни» завершает трилогию о Сергее Тутаринове и его друзьях. В новом романе Сергей Тутаринов — секретарь Журавского райкома партии на Ставропольщине. О первых днях жизни Сергея Тутаринова в Журавке, о его знакомстве с председателями колхозов и районными работниками рассказывается в публикуемой главе.

Перед Сергеем стояло трое. Крайний слева — Лысаков Никита Михайлович. На вид ему было лет тридцать пять, не больше. Волосы русые, лицо гордое и суровое, а может быть, оно только казалось и гордым и суровым оттого, что на лбу и на левой щеке сухим, морщинистым следом лежали осколочные отметины войны. Взгляд серых глаз был внимателен и строг. Одет Лысаков по-военному: суконные защитного цвета бриджи, такого же сукна гимнастерка, поношенная и не раз бывшая в стирке, с портупеей и с медалью «Золотая Звезда», — плечо, на котором много лет сряду лежал этот ремень, было засалено до лоска. «В каждом районе, оказывается, есть свой Герой с Золотой Звездой»,— подумал Сергей, приветливо глядя на Лысакова.

Рядом с Лысаковым — Яресько Митрофан Ильич, мужчина невысокий и уже в том возрасте, когда как-то само по себе отращивается брюшко, округляются плечи и тяжелеют ноги, а мясистое лицо с редкой пепельной щетиной и с белесыми, почти невидимыми бровями делается излишне мягким и добродушным.

Соседом у Яреськи был Андрей Андреевич Гнедой, тот самый председатель колхоза «Красная звезда», о котором говорил Михайличенко: «А характером — птица гордая, самолюбивая». Он был тоже немолодой, но его еще не тянуло, как Яреську, к земле: сухой, костистый, он словно и сейчас еще рос да рос, ибо могучие его плечи заметно сутулились,— казалось, нарочно он стал возле Яреськи, чтобы наглядно показать, какие они разные люди. Лицо у Андрея было скуластое и от природы такое черное, точно слегка испачкано ваксой; особенно черными были глаза, и в них непотухающие блестели огоньки.

Все трое смотрели на Сергея тем изучающим, пристальным взглядом, который говорил, что они никак еще не могут решить: нравится ли им новый секретарь райкома или не нравится. Лысаков смотрел на Сергея и думал: «Герой, как и я, со Звездой, а только и герои всякие бывают...» «...Можно ли с ним поговорить запросто, по душам, — размышлял Гнедой, задумчиво глядя в окно, — а главное, можно ли ему довериться мыслями?..» «А глаза у него светлые, — подумал Яресько, — парень хотя еще и молодой, а по всему видать, вдумчивый, только как ему объяснить...»

Они и здоровались как-то несмело, неуверенно, как часто здороваются с человеком значительным, но незнакомым. Лысаков выпрямился, ударил каблуками, цепко схватил руку Сергея и сказал, чеканя каждое слово:

— Герой Советского Союза Лысаков!

— Вижу, вижу, — сдержанно улыбаясь, проговорил Сергей и подумал: «Плохо, брат, плохо, когда герой всюду старается напомнить людям, кто он и что он...»

Митрофан Ильич Яресько протянул короткую, с мягкими, точно опухшими пальцами руку и сказал негромко:

— Яресько... из Суркулей!.. Есть у нас еще один Яресько, так тот из Вросколески.

— Буду знать. — Сергей еще раз посмотрел на безбородое, небритое лицо Яресько. «Видно, тихий и добрый этот Яресько из Суркулей», — подумал он.

Андрей Андреевич Гнедой решительно взял руку Сергея своими сильными, жилистыми руками, сделав это с такой проворностью, с какой ловят неожиданно выпорхнувшего голубя. Ладони у него были жесткие, шершавые, и он, усердно сжимая руку Сергея и с трудом удерживая смех, сказал:

— Гнедой, то есть красновато-рыжий, а по урождению, как назло, чернявый.

— Это бывает, — в тон ему ответил Сергей. — Ну, садитесь, товарищи председатели.

Сели и начали говорить кто о чем: о погоде, о посевах риса, о ценах на базаре, о ярмарке в Ставрополе. Разговор не клеился: было видно, что председателей волновала не погода и не цены, а нечто более значительное и важное, оттого-то и разговор у них был вялый, неинтересный. В эту минуту собеседники напоминали музыкантов, которые готовились исполнить ответственную симфонию и настраивали, пробовали инструменты. Лысаков не упустил случая и похвастался тем, что все в его колхозе делается и быстрее и лучше, нежели у соседей, где председателем Марина Николаевна Самойлова.

— Моей соседке с героем трудно тягаться, — гордо заявил Лысаков, сжимая в руке портупею.

«Нехорошо, очень нехорошо, — думал Сергей, — козырять своим былым геройством...»

— Ты, Никита, не очень выхваляйся, — посоветовал Гнедой, прищурив черные глаза. — Она у нас тоже не просто Марина Николаевна, а и Героиня Труда, и даже лауреатка, да к тому же имеет зоотехническое образование.

— Я не против образования,— сказал Лысаков, — но я не на словах, а на деле свое доказую...

— Не доказую, а доказываю,— поправил Сергей.

— А я без тонкостев.

— Очень плохо, — и Сергей строго взглянул на Лысакова.

— Эх, Никита Михайлович, обогнать бы нам не Самойлову, а Ивана Книгу! — с чуть заметной усмешкой сказал Яресько, ласковыми и покорными глазами глядя на Сергея. — Веришь, Сергей Тимофеевич, читаем, читаем мы эту «книгу», а конца этому чтению и не видно.

— Что ж плохого сделал вам Книга? — спросил Сергей.

— Говори, говори, Митрофан Ильич, — посоветовал Куцеволов, все время молча стоявший у окна.— Сергей Тимофеевич должен знать правду...

«Так вот она и главная причина прихода гостей во главе с Куцеволовым, — подумал Сергей. — Ну, что ж, послушаем».

— С виду плохого будто ничего и не имеется, — продолжал Яресько, мигая влажными глазками, — а только нам, председателям, нету от него спокойной жизни.

— Всем?

— Зачем же всем? — ответил за Яреську Лысаков. — Не всем, конечно. Самойловой возле него живется вольготно... Она же скоро будет его тещей...

— Никита, ты тут личного вопроса не касайся, — сказал Гнедой. — Мы все люди, а у Самойловой дочь на выданье... Одним словом, Сергей Тимофеевич, тут надо сказать правду: Книга сует нам палки в колеса — и все!

— Он нас подменяет!

— Он нами командывает!

— Во-во! Именно командует! — Гнедой встал, высокий и сухой. — Сергей Тимофеевич, мы же на своих должностях не новички. Сказать, Митрофан Ильич Яресько председательствует уже более десяти лет. Ну, и мы почти в том же стаже... А Книга этого не понимает и на всяком деле роняет наш авторитет, вмешивается, и куда бы вы думали? В нашу внутреннюю жизнь! Вот что обидно!

— Урожай его беспокоит!

— Мало ему хлопот с машинами!

— Вчера созвал совещание и давай всех гонять!

— Кричит: машинами урожай надо подымать!

— А люди? Что ж люди будут делать?

— Своего места не знает!

— Вот-вот! — И Гнедой развел руками.— Как будто мы и не хлеборобы, будто мы интересуемся не урожаем, а танцами в клубе... Вот что обидно!

— А скажи про заливные угодья.

— Да что там говорить — все приберет к рукам: и рис и огороды. — Костлявая фигура Гнедого согнулась, сухой его палец прикоснулся к плечу Сергея. — Сергей Тимофеевич, на практике у этого Книги получается так, что он, Иван Книга, над всеми нами председатель. А мы кто же? Зачем же нас люди избирали?

— Как я себе мыслю, — заговорил Лысаков, выпрямившись и бросив короткий, доверительный взгляд на Куцеволова,— фукцию директора машинно-тракторной станции: обеспечь нас машинами, во-время вспаши, во-время посей, скоси — и квиты. Так что фукция короткая...

— Не фукция, а функция,— поправил Сергей. — Слово не русское, и его легко заменить словами, скажем, роль, значение.

— Все одно понятно, — краснея, ответил Лысаков. — Само слово машинно-тракторная станция...

— Теперь еще добавляется и «электро», — вставил Яресько.

— Все едино и с добавкой,— заговорил Гнедой. — В самом том слове лежит главная идея. Не называем же мы: урожайная станция или там еще как, а говорим точно: машинно-тракторная, и ее задача — давать нам всякую технику и во внутренние дела нос не совать... Если бы я, Андрей Гнедой, допустим, явился в кабинет Книги и стал там наводить свои порядки... это хорошо было бы? Хорошо, Сергей Тимофеевич?

— Разумеется, нехорошо.

— А зачем же он лезет в наши порядки?

— Мы все терпим, и некому нам пожаловаться! — сказал Яресько, вытирая согнутым пальцем заслезившиеся глаза.

— Так вы пришли жаловаться на Книгу? — спросил Сергей.

— И жаловаться и просить...

— Оградите нас от Книги.

— Пусть о машинах печалится.

— А за урожай мы и сами постоим.

— Не первый год.

Сергей снял три или четыре листика настольного календаря и что-то записал. Затем отошел от стола и сказал:

— Обещаю вам на этих же днях разобраться в вашем споре с Сухо-Буйвалинской МТС. После этого райком решит, кто из вас прав, а кто виноват... Есть еще какие-либо жалобы или просьбы?

— Пока все.

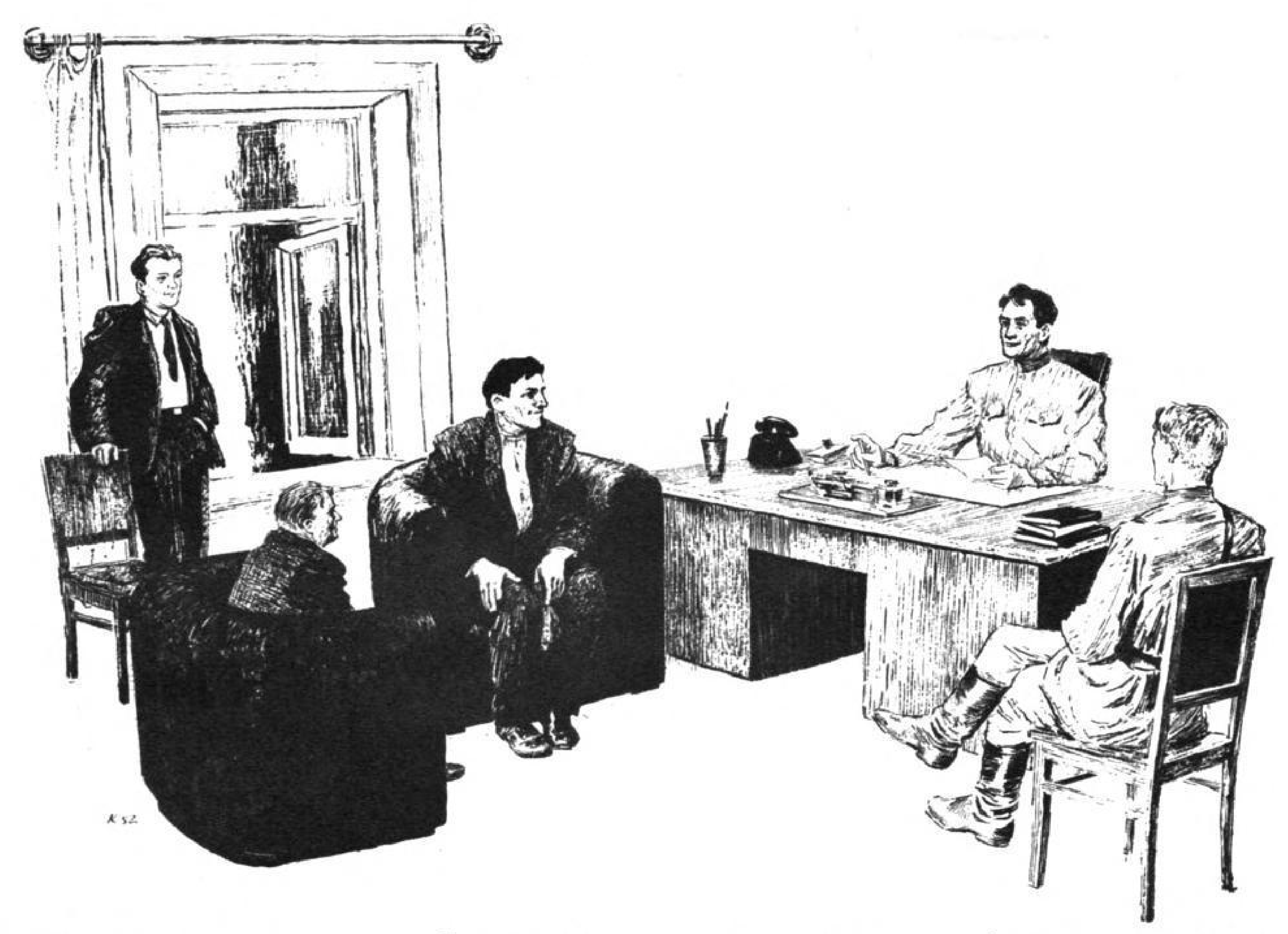
— Хозяйственные дела у нас идут исправно.

— По хлебу завсегда первые.

— И по севу.

— Ну, пожелаю вам новых успехов.

Когда председатели, по всему видно, не совсем довольные беседой с новым секретарем райкома, распрощались и вышли, Сергей с минуту молча смотрел на Куцеволова, смотрел так пристально, точно хотел этим взглядом без слов сказать все, что думал. Но Куцеволов не поднял голову, внимательно рассматривая свои пальцы.

— Алексей Иванович, вы привели?
— Я.
— Ходоки с петицией?
— Нет, руководители с законной жалобой.
— Да ты-то вникал в смысл этой жалобы?
— Вот когда на «ты» — это уже другой разговор, — сказал Куцеволов, подойдя к столу.— Сергей Тимофеевич, я не только вникал в суть дела, но мне уже самому осточертел этот Книга.
— И тебе не дает спокойно жить?
— Ты не смейся... Это же не директор, а диктатор над колхозами. Поживешь, сам все узнаешь...
— Конечно, поживу и узнаю,— Сергей задумался и тихо постучал карандашом о стекло на столе. — А не кажется ли тебе, что это не жалоба, а кляуза и что звучит в ней очень вредная нотка?
— Какая?
— Желание умалить роль машинно-тракторной станции, а тем более теперь, когда она стала еще и электротракторной.
— Никаких ноток я не слышу... Надо знать этого карьериста Книгу.
— Хорошо, Книгу я постараюсь узнать побыстрее. — Сергей снова посмотрел на Куцеволова так, что тот отвернулся и кончики его ушей покраснели. — Узнаю, и тогда, слышишь, Алексей Иванович, разговор у нас будет серьезный.
— Согласен, хотя при чем же тут я?..— Куцеволов подсел к столу. — Давай поговорим о чабанах. У меня родилась важная идея. Если внимательно присмотреться, то чабаны в наших ставропольских условиях по своему хозяйственному и политическому значению стоят куда выше, скажем, комбайнеров или других каких механизаторов. Комбайнер поработал лето, а всю зиму живет, как свободный художник. А чабан и зиму и лето... Вот я и думаю...
Сергей облокотился о стол, слушал, старался вникнуть в смысл того, о чем ему говорил Куцеволов, а из головы не выходил Иван Книга.
— Алексей Иванович, все же тебе надо сегодня выехать на Черные Земли... А идеи твои ты мне изложишь потом, когда вернешься.
— Хорошо, я еду.
Куцеволов вяло пожал руку Сергея и вышел.
«Странный человек», — подумал о нем Сергей и сел дописывать письмо Ирине.

Тихо отворилась тяжелая дверь, и вошел Кирилл Михайлович Дедюхин, легко, без шороха ступая мягкими, слишком набеленными мелом туфлями. На нем был просторный из тонкого серого полотна костюм; расстегнутый ворот кремовой косоворотки открывал загорелую шею. Он остановился у порога и подождал, пока Сергей вложил в конверт письмо, которое надо было передать с шофером, едущим в Рощенскую, и в котором были наскоро написаны советы и указания Ирине, как лучше сложить и перевезти вещи, в особенности библиотеку.
— Сергей Тимофеевич, — сказал Дедюхин, тихо подойдя к столу и доверительно улыбаясь,— позволь мне поехать за твоей семьей.
— Зачем же тебе ехать? У тебя и так много дел. — Сергей осторожно провел кисточкой по краям конверта. — Я думаю, что шофер и один управится. Вещей у меня немного, еще не успел нажить...
— Все это так, но доверить одному шоферу... — Дедюхин развел руками, и его молодое, веселое лицо на какую-то минуту сделалось грустным. — В дороге, Сергей Тимофеевич, всякое может...
— Нет, нет, пусть едет один шофер,— решительно перебил Сергей, отдавая Дедюхину письмо. — Шофер дорогу знает. Передай ему этот конверт, и пусть выезжает.
Дедюхин тяжело вздохнул, как бы говоря этим вздохом: ну, что же, я подчиняюсь, но доверить семью одному шоферу... Затем вышел, передал письмо Саше и сейчас же вернулся. Сел в мягкое кресло возле стола, закурил и, улыбаясь, протянул коробку «Казбека» Сергею.
«Посмотрим, как ты поправишь дела в Журавке... Журавка — это не Рощенская, — думал Дедюхин, вертя в руке дымящуюся папиросу. — Мне район не доверили; видите ли, Дедюхин еще молодой, не потянет, а прислали «старика» — даже на год моложе меня... Со Звездой, и есть своя рука в крайкоме... Кондратьев — вот кто всему виной...»
— О чем так задумался? — спросил Сергей, зажигая спичку.
— Вернишь, Сергей Тимофеевич, я очень рад, что именно ты, а не кто другой, приехал к нам, — сказал Дедюхин, и его светлые глаза затуманились.
— А я предполагал, что ты задумался о деле...
— Скромность, это чувство и мне хорошо знакомо. — Дедюхин рассмеялся, ласково глядя на хмурое лицо Сергея. — И о деле тоже думаю... Ты, кажется, едешь в Сухую Буйвалу?
— Хочу повидаться с Самойловой. Ночью звонил Кондратьев — Самойловой предстоит поездка за границу... Да и вообще необходимо с ней поговорить.
— Вызвал бы в райком.
— Зачем же? Лучше сам поеду.
— А как же бюро?
— Я вернусь.
«Так-так: «Я вернусь» — а мне доверить боится», — думал Дедюхин, приглаживая волосы.
— В Сухой Буйвале, — сказал он, внимательно рассматривая сизую ниточку табачного дыма, — повидай бригадира Подставкина... Исключенный из партии. На очередном бюро слушается это сложное дело... Пьянка, бытовое разложение, жену бьет...
— Разберемся и в трудном деле.
— Да, это верно, — Дедюхин сбил пальцем пепел на папиросе. — Сергей Тимофеевич, надо бы нам разрешить кое-какие наболевшие вопросы... Прежде всего о Куцеволове. Полгода временно исполняет обязанности председателя райисполкома. — Дедюхин сладко улыбнулся. — Надо созвать сессию и покончить с этой затянувшейся времянкой...
Сергей посмотрел в окно. Та машина-полуторка, которую посылали в Рощенскую, выехала со двора и направилась к мосту. Мысленно представив себе, как эта машина вернется и как он возьмет на руки детей, Сергей еще с минуту смотрел в окно ласковыми глазами. «Значит, со мной согласен», — думал Дедюхин.
— С Куцеволовым спешить не будем, — сказал Сергей, продолжая смотреть в окно.
— Почему?
— Мне думается, что эта работа не по нем.
«Вот оно, куда гнешь, — думал Дедюхин, сбивая ногтем пепел. — Если Куцеволов не годится, то многие тоже...»
— Что там у тебя еще?
— Вот проект памятки уполномоченным на осенне-зимний период. — Дедюхин вынул из кармана вчетверо сложенные листы и развернул их на столе. — Здесь все, до мелочей, учтено.
— Кто сочинял? — Сергей взял листы в руку, смотрел на них, но не читал.

— Я привлек специалистов сельхозотдела и уполминзага...

— Ни к чему эта затея. — Сергей бросил листы в ящик стола и резко встал. — Сколько еще у нас уполномоченных кочует в колхозах?

— Мало. Человек восемь.

— Отозвать. Пошли телефонограмму...

— Да как же?

— Будем работать без толкачей... Еще что?

Дедюхин тоже встал, вытер платком молодое раскрасневшееся лицо, еще шире расстегнул ворот рубашки.

— Получена разверстка в краевую партийную школу на два человека.

— Надо подобрать кандидатов.

— По-моему, можно послать Макагонова и Ершова.

— Кто такие?

— Старые члены партии... И сейчас как раз без дела, а состоят в номенклатуре райкома.

— Почему же они без дела?

— Мы их недавно освободили... Один по партийной линии получил на вид, а другой обошелся без взысканий.

— Значит, плохой товар сбыть с рук?

— А куда ж их? — Дедюхин повел плечами. — Ну, пусть перебросят в другой район.

— Нет, Кирилл Михайлович, ни Макагонова, ни Ершова на учебу не пошлем, им еще следует заслужить эту честь... — Сергей прошелся по кабинету, приоткрыл дверь, спросил у Саши, готова ли машина. — Тут одно из двух: либо мы их исправим и сделаем хорошими работниками, либо скажем, что мы этого сделать не смогли, ума не хватило... — Он облокотился на спинку кресла, которое стояло против Дедюхина, и спросил: — Кирилл Михайлович, а какого ты мнения о Книге?

— Его в партийную школу?! — удивился Дедюхин и, видя улыбающееся лицо Сергея, понял, что Книгу посылать в школу нет нужды. — Что о нем сказать? Человек веселого нрава, чистейший ставрополец, коренной житель. Даже какой-то родственник того знаменитого конника, генерала Книги... Шутник, непоседа, балагур, а главное, начинен идеями — они из него так и брызжут. Влюблен в дочку Самойловой, а та боится его... Молодая!

— А идеи, которые так и брызжут, заслуживают внимания?

— Много шума — вот беда! Иван Афанасьевич — любитель пошуметь, чтобы весь район только о нем и говорил.

— Черта нехорошая, — задумчиво проговорил Сергей; помолчал, изучающим взглядом посматривая на Дедюхина. — Кирилл Михайлович, ты в районе не новичок, не то, что я... Скажи, что, по-твоему, сейчас для нас самое важное и самое главное?

— Понимаю, — поспешно ответил Дедюхин и подумал: «Испытуешь? Ну, что ж, пожалуйста, я готов...»

— Сергей Тимофеевич, — продолжал он, поднявшись, — ты же сам хорошо знаешь, какое звено в общей цепи важное и какое главное. Тебя к нам прислали не случайно, крайком рекомендовал, и, надо полагать, там верили, надеялись, да и мы все верим...

— Я хочу знать твое мнение: ты же моя правая рука.

— Могу, хотя, если говорить откровенно...— Дедюхин нарочно растягивал слова, как бы подыскивая нужные фразы. — Если говорить положа руку на сердце, то главная наша задача, Сергей Тимофеевич, — снять с района ярлык.

— Какой еще ярлык?

— Поясню примером... Пошла о человеке худая слава, о нем говорят, что он и пьяница, и лодырь, и бездарность, и развратник страшный. Человек же тот давным-давно не пьет, даже в рот не берет это зелье, трудится честно, ведет самый скромный образ жизни, любит свою жену, детей, а ярлык как прилип к нему, так и висит... Нечто подобное случилось и с нашим районом. Как обычно о нас говорят? «А, это Журавский, где Борискина сняли? Это же самый отстающий». И тому подобное в этом роде. И хотя Борискина давно нет, а есть Дедюхин, а теперь Тутаринов, а ярлык висит, и снимать его никто не собирается.

— О людях обычно судят по их делам.

— К сожалению, не всегда.

— А мы не будем брать исключения.

Вошел, как всегда неслышно, Саша и сказал, что машина стоит у подъезда.

— Ну, Кирилл Михайлович, будь здоров, мне пора — еду! — И уже на пороге: — Не забудь послать телефонограмму уполномоченным...

— Счастливого пути!

Кирилл Михайлович Дедюхин подошел к окну не то чтобы вялой, а усталой походкой, безразлично-скучным взглядом проводил «Победу», на которой уехал Сергей Тутаринов, и, сжимая в кулаке кусок шторы, задумался... Вследствие ли этих раздумий или тому были какие-то иные причины, только Дедюхин сразу же переменился в лице: оно увяло, как увядает сорванный и оставленный на солнце цветок; глаза потускнели, сделались неприветливыми. В эту минуту он выглядел намного старше своих тридцати лет. Взгляд затуманился. Дедюхин смотрел на улицу, но не видел ни бежавших наперегонки ребятишек, ни скирдами проплывших подвод с сеном, заслонивших собой окна, ни даже шумно взлетевшую стаю гусей.

Перед ним стояла молочно-сизая дымка, и в ней колыхались какие-то лица; то он видел сладкую, во весь рот, улыбку Алексея Ивановича Куцеволова, то суровые, шириной в палец брови Сергея, то ласковые, все понимающие глаза жены и слышал голоса: «Мы, Кирилл Михайлович, за тебя всей душой...», «Только тебе, Кирилл Михайлович, и никому другому, и можно доверить район, и если Борискин свихнулся...»

Особенно его тревожила одна мысль: почему все произошло не так, как думал он и как говорили ему близкие его друзья? Дедюхин хотел и не мог понять, почему, вследствие какой такой необходимости нужно было брать Сергея Тутаринова и, помимо его желания, из Рощенской посылать в Журавку, тогда как в Журавке, это всякий знает, можно было найти человека на пост первого секретаря райкома. Это точно так, думалось ему, как если бы из одного лесного массива начать перевозить деловую древесину в соседний лесной массив или если бы из одного элеватора перевозить отборное зерно в другой элеватор... И теперь, когда все уже случилось и когда изменить что-либо невозможно, Дедюхин попрежнему был уверен, что так же, как в соседнем лесном массиве имеется отличная деловая древесина, а в соседнем элеваторе хранится отборное зерно, так и в Журавке есть такой человек, который смог бы работать если не лучше, то, конечно, не хуже Сергея Тутаринова... Да, такой человек действительно есть, и он здесь, в том же кабинете, в каком ему и полагалось быть, и странно опять-таки, как этого не видит и не понимает такой опытный партийный работник, как Кондратьев... Дедюхин сознавал, что самому о себе говорить неудобно, — не мог же он приехать к Кондратьеву и сказать: так, мол, и так, не следует присылать в Журавку Сергея Тутаринова, обойдемся и без присланных... И он молчал, а говорили его друзья, и больше других — Куцеволов. Так почему же они молчали тогда, когда проходил пленум и секретарем райкома избирался Сергей Тутаринов? Почему не сказали о Дедюхине хотя бы одного слова, и не только не сказали, но единогласно (даже Куцеволов) проголосовали за избрание Тутаринова? И на эти, как и на многие другие, вопросы Дедюхин не мог найти ответа, и его лицо сделалось еще мрачнее, а под глазами и на щеках выступили темные пятна.

Дедюхин собрался было выйти из кабинета и пойти домой завтракать, но раздумал и уселся за стол. Хотел написать текст телефонограммы, уже взял ручку и лист бумаги, но голова почему-то сама откинулась на высокую спинку стула, а глаза устало закрылись, и во всем теле ощутился знакомый сладостный покой. Ему нравилось такое душевное состояние, и он не мог понять, что это сладкое чувство как раз и есть тот яд, имя которому тщеславие...

Оно пришло к нему не вдруг, а крадучись, по-воровски, так тихо и так незримо, что он и не заметил. Возможно, это случилось потому, что Дедюхину легко жилось на свете, что он и быстро и без каких-либо усилий стал видным партийным работником. Он кончил учительский институт, но работать в школе ему не пришлось: как активного комсомольского вожака, его избрали секретарем райкома комсомола. В том же году он вступил в члены партии. Вскоре началась Отечественная война. В первый же месяц Дедюхин был призван в армию и на пути к фронту был ранен в обе ноги осколками бомбы во время налета вражеской авиации. Из госпиталя, еще прихрамывавшего и ходившего с палочкой, его послали на партийную работу в запасный полк, который стоял в горном грузинском селе Цагвери. Дедюхин просился в Действующую армию, но командование Закавказского фронта на три его рапорта ответило отказом. Демобилизовался Дедюхин весной 1946 года и был направлен инструктором в Журавский райком партии. Через год он уже был вторым секретарем и приложил немало усилий к разоблачению Борискина, где-то в глубоких тайниках сердца храня надежду самому занять его место для того, чтобы показать, как нужно по-настоящему работать...

«Пойду позавтракаю, а тогда уже займусь делами», — подумал Дедюхин, вставая и шумно потягиваясь... На улице, направляясь к своей квартире, он размышлял о том, почему у него с утра плохое настроение и почему он так часто думает о том, о чем надо бы давно забыть. Ему вспомнились слова Ивана Книги, сказанные как-то в шутку, когда они вдвоем ехали в Ставрополь:

— Кирилл, ох, ты же и тщеславный!

Памятник героям Белоруссии

Глядите, бессмертные други,
Почившие в братских курганах:
Здесь наши знамена сегодня,
Мы чтим вас, орлов и орлят!
И в мирном Отечестве нашем
О вас, храбрецах неустанных,
О вас всенародные думы,
О вас наши песни звенят!..

На высоком холме у обрывистого берега озера Нарочь читал эти строки белорусский поэт Максим Танк. Здесь в погожий воскресный день собралось около 30 тысяч жителей Молодечненской области. В торжественной обстановке состоялось открытие памятника белорусским партизанам, павшим в борьбе за освобождение своей Родины в годы Великой Отечественной войны. С волнующими речами на митинге выступали бывшие участники партизанской борьбы.

На снимке: памятник партизанам в Молодечненской области.

В. ПОНОМАРЕВ
Фото В. Лупейко

— А ты, Иван, ох, и большой же шутник! — в тон ему ответил Дедюхин, и они рассмеялись.

«А может быть, Книга был прав, возможно, и сидит во мне этот бес,— думал он, открывая дверь и входя в квартиру. — Нет, нет, никакого беса во мне не существует... Люблю справедливость — вот и все...»

— Кирюша! И где ты пропадал, все уже остыло. — Мария Филипповна говорила ласково и смотрела на мужа по-женски строго. — А ты чего такой кислый и желтый? Опять курил натощак?

— Курил.

— Ну вот, так я и знала, — с упреком сказала Мария Филипповна. — Пока не было Тутаринова, ты никогда до завтрака не брался за папиросу.

— Маша, но при чем же здесь Тутаринов?

— При том, что без причины ничего не бывает, — авторитетно заявила она, расстилая на столе скатерть и уже влюбленными глазами глядя на мужа. — Кирюша, а ты знаешь, какую штуку сегодня утром устроил наш Коленька! Я собрала его в школу, а он взял портфельчик, выпрямился передо мной так гордо, как все одно взрослый, посмотрел на меня не по-детски выразительно и говорит: «Мама, а я Николай Кириллович». И это у него получилось так натурально, что я просто удивилась...

— Баловник, — сухо проговорил Дедюхин, садясь к столу.— Мне только чаю, да покрепче... Что-то нет аппетита.

— Опять? — И Мария Филипповна испуганно развела полными руками. — Говорили тебе и я и врач — не кури до еды... Ну, съешь хоть эту рыбку. Свежая, кубанская. Оленька Куцеволова принесла, а ей жена шофера «Заготзерно» каждое утро доставляет. У нее свекор — природный рыболов, так и живет на Егорлыке. — Разговаривая, Мария Филипповна подала на стол горку поджаренной рыбы, сливочное масло, яйца, сметану в неглубокой тарелке. — Кирюша, начни с яиц, они в мешочке. Да! Кирюша, ты и не знаешь, кого этой ночью видели у нас на мосту...

— А мне все равно.

— Ну, как же! Твоего Тутаринова. И с кем бы ты думал? С Лушей Самойловой...

— Какая это сорока принесла на хвосте? — Дедюхин удивленно посмотрел на жену и рассмеялся. «Ну, кажется, пошли по селу сплетни, — подумал он, очищая яйцо. — Что тут скажешь, — провинция...»

— Не сорока, а Оленька Куцеволова... А ей сказала жена шофера. Это точно! Шофер работает на грузовике и ночью возвращался из Ставрополя. — Мария Филипповна собиралась сказать самое интересное, и лицо ее разрумянилось. — Осветил фарами мост и видит: Тутаринов целует нашу мелиораторшу!.. Я тоже не верила, но жена шофера божилась.

— Чепуху придумала эта жена шофера,— сказал Дедюхин, неохотно разламывая хорошо поджаренного усачика.

— А почему? — удивилась Мария Филипповна.— Разве Самойлова не завлечет?.. Она Книгу с ума сводит.

— И это ложь! — Дедюхин положил в рот белый кусочек рыбы.— Тутаринов не Иван Книга, это надо знать, и он не такой дурак, как кажется жене шофера. — Дедюхин взял со стола салфетку и стал вытирать пальцы.— Вот что, Маша. Ты знаешь, сплетен я не терплю и прошу тебя — никому ни слова о том, что кто-то там кого-то видел на мосту... И еще: стоял он на мосту или не стоял — не наше дело. У него есть своя голова на плечах. — Дедюхин продолжал есть рыбу и говорил: — Сегодня у меня был с ним откровенный разговор... Хотел меня испытать, так сказать, прощупать политически, но из этого ничего не вышло. На любой его вопрос я отвечал просто, точно и ясно... Потом начал советоваться. Как, говорит, по-твоему, это, а как это. Ну, я не скупился. Пошли, говорит, телефонограмму за своей подписью. Уехал в Сухую Буйвалу и сказал (это уже после нашей беседы): «Ну, Ки-

рилл Михайлович, оставайся за меня — доверяю...»

— Еще бы! — воскликнула жена, наливая чай.— Кому ж он еще доверит?.. Не слышал, семья его скоро приедет?

— Послал машину.

— Представляю себе, какая приятная новость ждет жену!

— Зачем же жене знать об этих сплетнях? Я же просил тебя...

— Значит, скрыть от законной жены? — Мария Филипповна невесело рассмеялась. — Вы, наши любезные мужья, будете вольничать, а мы, ваши покорные жены, молчать? Это несправедливо... Помнишь, в одной пьесе уже немолодой профессор увлекся своей студенткой... А вот и Оленька!

— Ну, я не буду вам мешать.

Дедюхин тяжело поднялся, взял с собой стакан в серебряном подстаканнике и прошел в свой кабинет. Остановился у высоких, до потолка, полок с книгами. Взгляд его задержался на Толковом словаре. Он взял один из томов и раскрыл на букве «Т». Уселся на диван, долго и задумчиво листал, пил чай, курил, не выпуская папиросу изо рта; дым закрывал его низко склоненную голову. «Тщеславный,— читал он, еще ниже опустив голову и дымя папиросой, — кто жадно ищет славы мирской или суетной, стремится к почету, к похвалам, требует признания мнимых достоинств своих...» Он прижал пальцем строку, как бы боясь, чтобы она не выскользнула, и задумался. «Мнимых достоинств...— размышлял он.— Тьфу, чорт знает! Какая несуразица! Какие ж у меня мнимые достоинства? Нет, это ко мне решительно не подходит, ибо к почету я не стремлюсь... А ну, что там еще?.. «делает добро не ради добра, а ради похвалы, почету и внешних знаков почестей...» Так, так... Это уже и совсем не обо мне. Смешно! Какие ж мне нужны знаки внешнего почета? Совершенно никаких. Золотую Звезду на грудь не вешаю — ее у меня нет. Ну-ка почитаем вот здесь... «Тщеславиться, чем: искать суетной или тщетной, вздорной, ложной славы, внешнего почета, блеска, почестей или хвалы; величаться, кичиться, возноситься, ревнуя вообще к наружным...» Дедюхин не дочитал, захлопнул книгу и резко встал. «Все! Я спокоен, ибо сие сказано не обо мне... Вот надо бы посмотреть слово «справедливость». Он задумался, постоял и, положив книгу на место, вышел из кабинета.

Снова лицо у Дедюхина стало свежим, молодым, а взгляд серых глаз приветлив. Снова кремовая, просторно сшитая косоворотка открыла его загорелую, сильную и красивую мужскую шею. По всему было видно, что настроение у него сделалось отличным, и это сразу заметили и жена, любовно смотревшая на мужа, и Оленька Куцеволова, которая шла ему навстречу и улыбалась своими всегда веселыми голубыми глазами.

«Глаза у жены Алексея прямо бесовские, так тебя насквозь и пронизывают,— улыбаясь, думал он и пожал руку Оленьки.— А вот то, что я сейчас прочитал, поважнее всяких бесовских глаз, ибо я твердо убедился — это сказано решительно не обо мне...»

— Кирилл Михайлович,— заговорила Оленька нараспев,— хотя бы ты пожалел моего мужа.

— А что случилось?

— Ну, как же — что? Разве не знаешь? Тутаринов не дает ему и минуты пожить дома.— Она сочувственно посмотрела на Марию Филипповну.— Эдак, чего доброго, забудешь, что такое замужняя жизнь... То три дня гонял его по району, а теперь услал к овцеводам на Черные Земли...

— Голубушка Оленька, пусть Алексей ездит, — сказал Дедюхин, а в голове чей-то голос говорил: «Пусть ездит, а я спокоен и уверен, что это сказано не обо мне».— Оленька, мне ведь тоже нелегко, да что поделаешь, новая метла, как говорится, чище метет.

— Кирюша, а ты поговорил бы с ним, — сказала Мария Филипповна. — Ведь он дорожит твоим мнением.

— Ну, хорошо, я как-нибудь поговорю... А теперь мне пора.

Он вышел из дома, тихонько насвистывая. Ему было весело, а чей-то голос твердил и твердил: «Я спокоен... Это же решительно ко мне не относится...»

ГОРОДСКОЙ МУЗЕЙ

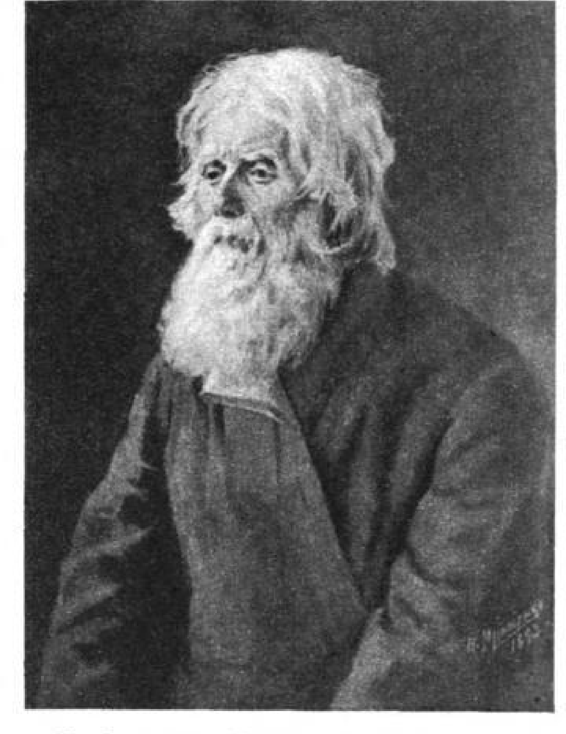
В одном из залов Астраханской картинной галереи висит небольшое полотно — уголок старого Петербурга. Кажущийся почти фантастическим, холодный свет луны заливает купола Исаакиевского собора, Адмиралтейство. Серебрится вода, чуть подернутая рябью от набежавшего ветра. Строго и четко вырисовывается на переднем плане силуэт Ростральной колонны. Ночной Петербург встает на картине, овеянный своеобразной морской романтикой, город-порт, по могучим водам реки которого могут плыть морские корабли. Это произведение принадлежит кисти художника-моряка, передвижника А. Боголюбова. Его имя вошло в историю русской художественной жизни не только как имя талантливого пейзажиста, которого Стасов называл одним из замечательнейших наших художников, но и как основоположника русских провинциальных музеев.

Внук писателя-революционера А. Н. Радищева, А. Боголюбов первый понял, какое огромное значение для общей культуры народа могут и должны иметь местные художественные музеи. Его мысль об их организации была восторженно принята Репиным, который писал Стасову по этому поводу: «Поддержать и развить искусство может только одно: народные музеи, которые следует основать во всех больших городах. Пока их не будет, не будет и настоящего искусства». В 1885 году стараниями А. Боголюбова в Саратове был открыт первый в России провинциальный художественный музей. Его открытие опередило и основание Государственного Русского музея, возникшего на десятилетие позже, и превращение частной Третьяковской галереи в Москве в общественную.

Но мечта лучших русских художников смогла осуществиться в полной мере только в наши годы. Сейчас в стране нет такого значительного по числу населения города, который не располагал бы самостоятельным собранием художественных произведений. В 1918 году была создана городская картинная галерея и в Астрахани. Фонды музея беспрерывно пополнялись; в 1941 году открылся отдел советского искусства, и теперь Астраханская картинная галерея располагает экспозицией, позволяющей показать историю развития национального искусства с конца XVII века вплоть до наших дней. Боровиковский, Рокотов, Брюллов, Федотов, передвижники, мастера идейного реализма — Репин, Суриков, Серов, В. Васнецов — многие из них представлены здесь первоклассными произведениями.

В творчестве А. Саврасова, одного из родоначальников русского реалистического пейзажа, главное место занимает широко известная картина «Грачи прилетели». «Как тут все чудесно, как зиму слышишь, ее свежее дыхание...» — отзывался о ней Стасов. Художник постоянно возвращался к этому полюбившемуся ему мотиву весеннего пробуждения природы. Поздний вариант темы «Грачей» — «Ранняя весна. Оттепель» — хранится в Астраханской галерее. Необычайно тонко и лирично передано в картине ощущение наступающих теплых дней, набухающих почек, первых проталин среди рыхлого, но еще сияющего белизной снега. Подобно Саврасову, представлены интересными вариантами своих крупнейших работ К. Савицкий — «Встреча иконы» и А. Куинджи — «Ночь на Днепре».

В том же зале, где находятся серии этюдов Поленова, Левитана, Серова, разместились работы двух ведущих мастеров-передвижников — Н. Ярошенко и В. Маковского. «Голова старика-крестьянина» относится к числу поздних произведений Ярошенко, как и очень характерная сценка «Новое время» В. Маковского — последняя и незавершенная картина живописца, начатая им уже после Октябрьской революции.

Н. Ярошенко. Голова старика-крестьянина.

М. Нестеров. За Волгой.

После пятнадцатилетней беспрерывной работы над заказными церковными росписями М. Нестеров наконец смог летом 1905 года уехать на этюды на Волгу. Покончив с тяготившими его заказами, он создает прекрасные портреты и одновременно большое эпическое полотно «За Волгой», в котором пейзаж как бы раскрывает образы людей в их связи с природой.

Портретные работы русских художников — интереснейший раздел галереи. Здесь и очень характерный красочный «Портрет дамы в зеленом» В. Тропинина и «Портрет молодой крестьянки» А. Венецианова — одно из наиболее ранних изображений человека из народа в нашей живописи. Перов, создавший большую портретную серию русских писателей, композиторов, деятелей культуры, представлен в Астрахани портретом композитора П. С. Кампиони.

Заветы Перова — художника и педагога — оживают в произведениях его ученика П. Власова, уроженца Астрахани, всю жизнь работавшего в родном городе. После учебы в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, а затем в Академии художеств Власов вернулся на родину и открыл там студию. После революции он стал руководителем Художественного техникума, ныне преобразованного в Художественное училище его имени. Учеником Власова был другой известный живописец-астраханец, Б. Кустодиев. Его картины также представлены в галерее.

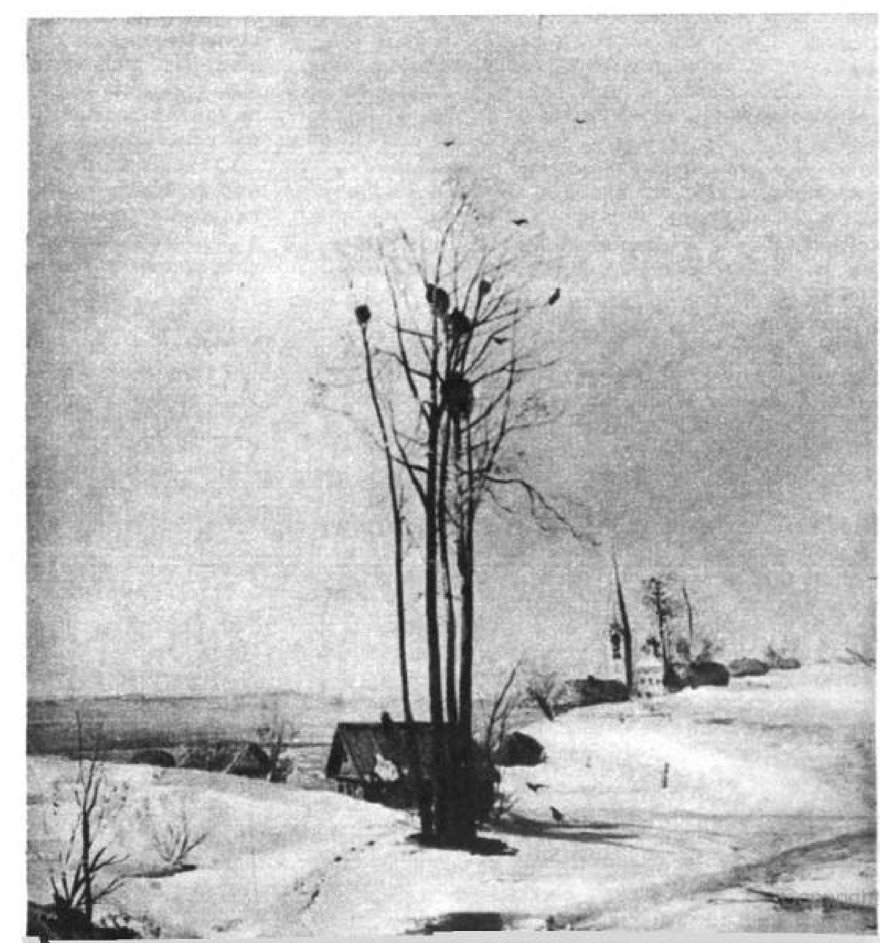
Огромное культурное и воспитательное значение изобразительного искусства, которое хорошо понимали передвижники, о котором не раз говорил Горький, наглядно раскрывается на примере Астраханской картинной галереи, рядового музея обыкновенного волжского города.

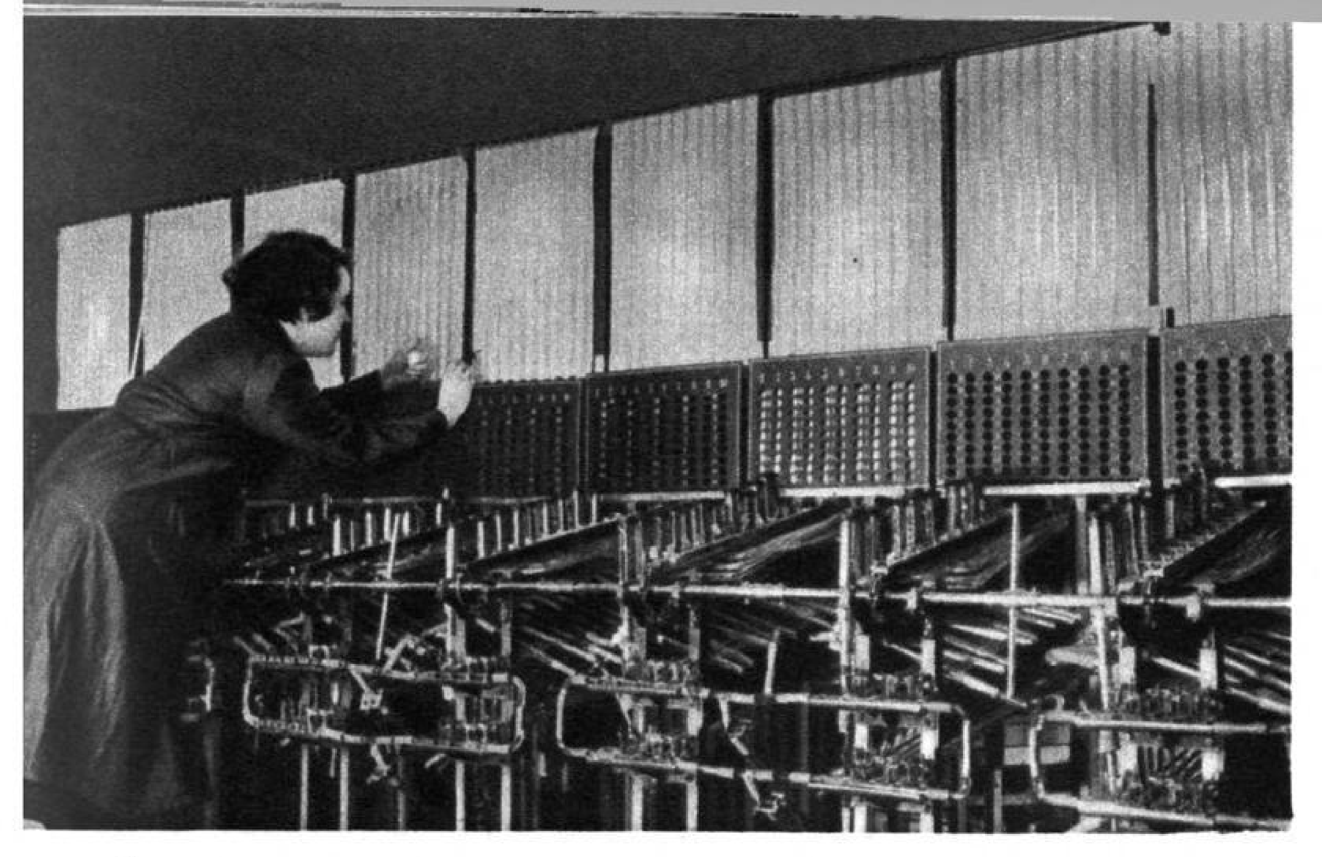
Н. МОХОВА

А. Боголюбов. Лунная ночь на Неве близ Биржи.

А. Саврасов. Ранняя весна. Оттепель.

Сложные уравнения высшей математики быстро решает гидроинтегратор. Сотрудница лаборатории А. Т. Ленченко фиксирует результаты его работы.

МАШИНА „с высшим образованием"

Инженер М. АРЛАЗОРОВ

Подобно стене, лабораторию перегораживает большой эбонитовый щит. К нему прикреплены ряды стеклянных трубок. Чуть слышно булькает вода, и тикает часовой механизм. Поднимаются и опускаются напорные баки. Отрывисто щелкают металлические пластинки затворов, перекрывающих дорогу воде.

На бумажном экране, установленном позади трубок, исследователь отмечает уровень воды в трубках. И снова стучат затворы, и снова течет вода. Переливаясь по бесчисленным трубкам «умного» прибора — гидроинтегратора,— она решает труднейшие задачи, которые не всегда по плечу математику, и делает это во много раз быстрее человека.

Приведем пример. Глубоко под землей прокладывается тоннель железнодорожной магистрали. Строителям приходится трудно: им мешают подземные воды. Эти воды надо отвести. Характер их течения крайне капризен и зависит от множества причин. Чтобы рассчитать дренажи, отводящие воду, нужно решить сложные уравнения высшей математики — дифференциальные. Раньше на это уходили месяцы, а иногда и годы, сейчас достаточно недель. Расчеты дренажа ведутся при помощи гидроинтегратора, созданного профессором В. С. Лукьяновым.

Изобретенный им прибор быстро и точно решает дифференциальные уравнения, как говорят ученые, интегрирует их. Можно без преувеличения сказать, что вода — основа прибора. Отсюда и его название.

В расчетах дренажа заинтересованы также строители мостов, домов, железнодорожного полотна, плотин. Но этим не ограничивается область применения нового изобретения. Оно позволяет увидеть, как меняется температура грунта под фундаментом будущего сооружения, как меняются температуры в остывающей отливке.

Благодаря прибору становятся зримыми, наглядными процессы, требующие большого научного воображения. Вот почему в лаборатории гидравлических аналогий Института железнодорожного строительства и проектирования часто можно встретить инженеров-практиков, желающих поскорее получить исчерпывающий ответ на разнообразные вопросы.

Аналогичный — значит похожий. Но на что похожи батареи металлических и стеклянных трубочек, из которых складываются секции гидроинтегратора? На первый взгляд ни одно из исследуемых явлений не имеет с ними ничего общего. Но разве качка корабля на волне обладает каким-либо сходством с движением небесных тел или с колебаниями вала многоцилиндрового двигателя? Как будто тоже нет, а на самом деле еще много лет назад академик А. Н. Крылов отмечал, что эти процессы записываются совершенно одинаковыми дифференциальными уравнениями.

Уже много лет подобие различных явлений практически используется наукой и техникой. Модели самолетов, кораблей, автомобилей позволяют заглядывать в будущее, ибо реальным машинам в реальных условиях работы придется столкнуться с процессами, подобными тем, которые происходят в лабораториях.

Сравнительно легко изготовить модели машин и сооружений. А как снять копию со сложного теплового процесса в разогретых листах свариваемого металла или как изобразить движение невидимых потоков грунтовой воды?

Более пятнадцати лет назад, изучая поведение бетона, твердеющего на морозе, молодой инженер Лукьянов поставил перед собой задачу — отыскать простые методы решения дифференциальных уравнений. Сначала он пошел по проторенной дорожке математических решений. Но этот путь не привел его к цели: приходилось упрощать условия расчета, зачастую заведомо искажая реальную обстановку, в которой протекал тот или иной процесс.

Инженер понял, что старый путь заказан. Как быть? Вопрос был отнюдь не праздный, ответа настойчиво требовала практика. И внезапно у него мелькнула идея: а что если изготовить тепловую модель из... воды, вернее, сделать воду основой прибора?! Простота мысли удивила. Неужели никто раньше не додумался? Этого быть не может!

А мысль действительно была очень проста. Вода течет от высокого уровня к низкому, а тепло — от горячего к холодному. Движение тепла зависит от материала, по которому оно распространяется: чем больше его тепловое сопротивление, тем медленнее идет нагрев. Течение воды в равной степени тормозится стенками труб или руслом. Ведь в узких трубах или в усеянном камнями русле течение медленнее.

Эти и другие сравнения подтвердили: да, в движении тепла и воды есть родственные черты. Одно за другим отпадали сомнения. Начались поиски конструктивных форм.

Первый вариант гидроинтегратора, построенный еще в 1935 году, ныне стал достоянием прошлого, его можно увидеть только на фотографиях. Прибор все время совершенствовался, обрастал новыми деталями и механизмами, делался более удобным в управлении.

— Посмотрите, как ведутся наши расчеты,— говорит профессор Лукьянов.

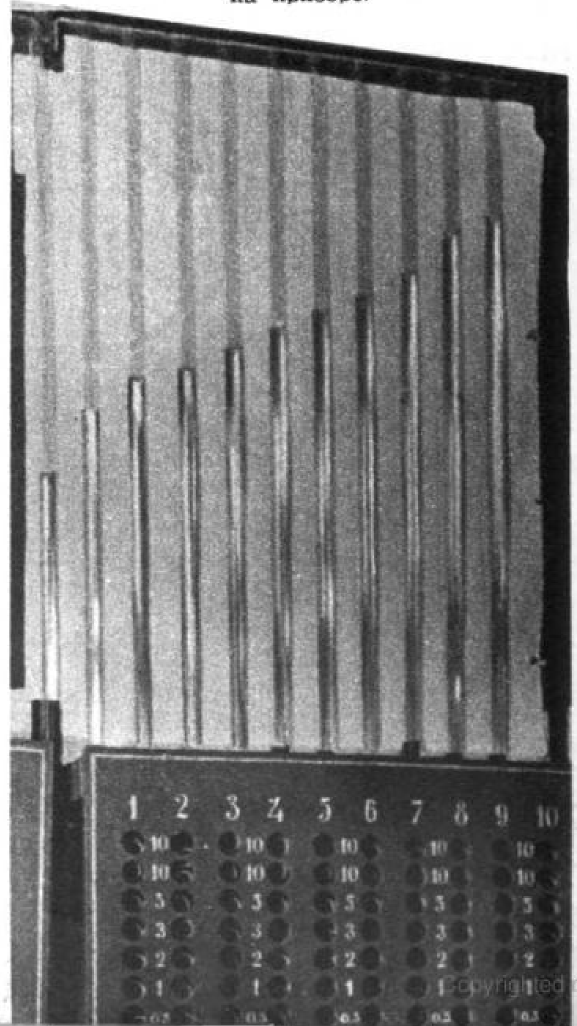
Изобретатель словно переносит нас в мир фантастики. На одной секции интегратора воссоздаются явления, которые очень скоро произойдут в песках Кара-Кумов, когда в русло Главного Туркменского канала устремится поток живительной влаги. На другой исследователь как бы погрузился под землю и наблюдает, как ведет себя нефтяной пласт. На третьей как бы изображены тепловые процессы, происходящие в стене нового дома.

Само собой разумеется, что увидеть всего этого, в прямом смысле слова, нельзя. На всех секциях глазу открываются только ряды трубок, где непрерывно меняются уровни воды. Однако люди, работающие на интеграторе, ясно представляют себе, что происходит в действительности с водой в пустыне, с нефтью в пласте, с теплом в стене.

Но как попали сюда Кара-Кумы? Как удалось погрузиться под землю? Кто разрезал стену дома? И, точно предугадывая вопросы, профессор Лукьянов начинает рассказывать о своих исследованиях. Словно перелистываются страницы книги, и перед нами возникают картины большой жизни маленькой лаборатории, тесно связанной с инженерной практикой.

Для того, чтобы узнать, как русло Туркменского канала будет поглощать влагу (а именно эта задача решалась на «кара-кумской» секции интегратора), Лукьянов ездил в Среднюю Азию. Здесь вместе с изыскателями-проектировщиками он участвовал в рекогносцировочных маршрутах. Да и не могло быть иначе: только изучив явление во всем многообразии, удается создать его точную модель.

На секции гидроинтегратора легко и просто наблюдать изменения уровня воды в трубках. Повышение и понижение уровня воспроизводят самые разнообразные явления, исследуемые на приборе.

Профессор рассказывает о необозримых возможностях, скрытых в приборе. Он приводит еще один пример. Изучается будущий дом, его стена сложной конструкции. Она напоминает слоеный пирог, внутри которого стальной каркас, со всех сторон окутанный бетоном. Снаружи бетон облицован керамическими плитками, а изнутри отделан слоем сухой штукатурки. Стена слагается из самых различных материалов, и, чтобы проверить ее тепловые свойства, необходимо познакомиться с тем, как ведет себя каждый слой при летней жаре и при зимней стуже.

Исследователям пришлось бы вставить внутрь стены специальные термометры и на протяжении года ежедневно записывать их показания либо решать десятки сложнейших дифференциальных уравнений. Математики провозились бы несколько месяцев, а в лаборатории гидравлических аналогий такая задача может быть решена буквально за несколько часов.

Профессор подошел к интегратору, выбрал несколько стеклянных и металлических трубок, приготовляя потоку воды сопротивление, подобное тепловому.

Теперь прибор превращается в своеобразную «машину времени». Включается часовой механизм, вращающий барабаны с листами графиков. Поворачивая небольшой штурвальчик, исследователь подымает и опускает напорные баки, воспроизводя таким образом необходимое изменение температуры вокруг

Профессор В. С. Лукьянов за расчетом. Он включил часовой механизм. Вращаются барабаны с листами графиков. Кривые «задают вопросы» гидроинтегратору.

стены. Полтора — два часа занимает этот процесс, который в действительности происходит за год. Через определенные промежутки времени перекрывают путь воде и фиксируют результат, тот самый, получение которого потребовало бы решить сложнейшие дифференциальные уравнения.

Изобретению профессора Лукьянова, удостоенного Сталинской премии, открыто большое будущее. Пройдет немного времени, и гидроинтеграторы станут обычными приборами многих лабораторий страны. На Ленинских горах — в новом здании Московского университета,— в Ленинграде, Киеве, Казани и в других городах тысячи исследователей будут разрешать с их помощью сложнейшие проблемы науки и техники, разгадывать тайны природы.

Не только в научно-исследовательских институтах появятся новые приборы,— перед ними широко распахнутся двери школьных физических кабинетов.

— Совсем недавно,— говорит профессор В. С. Лукьянов,— в нашу лабораторию пришли девятиклассники. Ребята отлично управлялись с прибором, а поставленные ими опыты помогли наглядно представить себе некоторые физические явления.

Сейчас изобретатель разработал упрощенную конструкцию гидроинтегратора. Ее можно с успехом использовать в школах.

Простота, наглядность, точность — вот качества, которые удачно сочетает машина «с высшим образованием».

Новый Дворец культуры в Нижнем Тагиле.

Дворец металлургов

Фото И. Тюфякова, Ю. Добронравова и Ж. Берланда

Растет и хорошеет уральский город Нижний Тагил. Недавно металлурги Новотагильского завода получили прекрасный подарок — новый Дворец культуры.

Широкая асфальтированная дорога ведет через парк к величественному зданию. Уже издали дворец, воздвигнутый по проекту архитектора В. В. Емельянова, привлекает внимание красотой фасада, украшенного пилястрами. Куполообразную крышу венчает шпиль. Портик главного фасада оформлен эмблемой, посвященной металлургам. Фронтон украшен скульптурными группами, символизирующими труд, науку, искусство. У входа возвышаются фигуры горнового и сталевара.

Стены вестибюля облицованы красным тагильским мрамором. Скульптурные панно-горельефы отражают участие тагильчан в великих стройках коммунизма. На двух огромных горельефах изображены В. И. Ленин и И. В. Сталин.

Против входа в фойе — зимний сад, связанный с парком. Он как бы вводит в круглое фойе, покрытое белым прохоробаландинским мрамором. Плафон фойе расписан художниками О. Коровиным и Б. Смирновым. Единство советского народа послужило темой для этой росписи.

Весь первый этаж дворца предназначен для массовой работы. Зрительный зал почти на тысячу человек помещается в боковой части первого этажа. Просторная сцена механизирована.

Центр второго этажа занимает читальный зал с книгохранилищем на 50 тысяч томов. Его окружают комнаты для занятий кружков самодеятельности, спортивный зал, библиотека.

На третьем этаже дом техники, конференцзал и зал для выставок, расписанный по мотивам сказов П. П. Бажова.

Нижний Тагил в строительных лесах. Вырастают четырехэтажные каменные здания, дороги и тротуары покрываются асфальтом. Скоро подымется еще одно большое сооружение — драматический театр.

О. МАРКОВА

Фойе Дворца культуры.

Зрительный зал.

Высокое призвание

Рисуя в своем романе «Доктор Власенкова» замечательный портрет великого Павлова, выступающего на XV международном конгрессе физиологов, В. Каверин пишет, что Павлов выступал, «ломая привычные представления об ученых речах на ученых собраниях».

Примерно то же можно сказать и о манере, в какой написана эта новая книга В. Каверина. «Ломая привычные представления» о начале научной работы, автор показывает нам будущего ученого-медика не в лаборатории и даже не в палате клиники, а среди широких полей совхоза-гиганта в Сальских степях, куда приезжает Таня Власенкова, чтобы работать участковым врачом.

Настойчиво, самоотверженно трудится эта девушка. Она живет интересами совхоза, участвует в особенно ожесточенной в ту эпоху (тридцатые годы) борьбе с классовыми врагами — вредителями и диверсантами. В любой час ночи спешит она к больным.

И с первого же эпизода ее врачебной практики мы замечаем в Тане ту особенную остроту и восприимчивость, то настойчивое стремление разобраться в сущности болезни, которое обязательно должно привести и приводит ее к научной деятельности.

Вот первое, еще незначительное и случайное открытие. Заподозрив у одного из работников совхоза холеру, Таня в условиях своей «полевой лаборатории» открывает и выращивает светящийся вибрион.

Детские воспоминания о чудесной плесени, о которой рассказывал старый доктор, приводят Таню в Ростов, в библиотеку. Она наталкивается на труд русского ученого Таканаева о плесневых грибках и делает следующий шаг в своей научной работе.

«Я ставила опыт снова и снова, заранее предсказывала ту или иную силу света — и не ошиблась ни разу. Мне не только удалось открыть какое-то новое явление, но я научилась управлять им — этому было почти невозможно поверить!» — говорит Таня Власенкова, и какое благородное и чистое удовлетворение ученого слышится в ее словах!

Так поэтический мотив детских воспоминаний о старом ученом Лебедеве и об исчезнувшей рукописи, которую маленькая Таня писала под его диктовку, подводит читателя к одной из главных идей книги — к идее приоритета русских ученых в важной области медицины. Чтобы продолжить свою работу, Таня Власенкова изучает труды русских ученых, исследовавших лечебное действие плесени, и приходит к одному из величайших открытий нашего времени — к открытию пенициллина.

Нелегко дается молодому ученому каждый новый успех! И когда героиня наша признается, что каждая страница ее первой статьи «была написана не чернилами, а, можно сказать... кровью», мы верим ей.

Но если в мировой литературе и в биографиях ученых можно найти описания героического и настойчивого труда такого рода, то еще нигде и никогда не показан был такой труд окруженным добрым вниманием и заботой целого общества.

Открытие молодой исследовательницы, само по себе еще незначительное, попадает в поле зрения лучших ученых страны. Те накрепко запертые двери храма науки, перед которыми в капиталистических странах гибнут тысячи способных к научной деятельности людей, легко открываются перед Таней Власенковой, потому что она родилась и живет в Советской стране.

И вот Таня Власенкова в Москве. Автор показывает нам обстановку научной работы советских ученых: высокий пафос их труда, коллективизм, стремление своими знаниями, своими открытиями служить делу созидания коммунистического общества. Помимо работы над сложными теоретическими проблемами, Татьяна Власенкова и ее товарищи помогают рыбной промышленности разрешить сложнейшую задачу сохранения зернистой икры, решают они и другую «прозаическую» проблему: придание ароматических свойств маргарину.

Характерно, что именно в этом своем стремлении выйти за рамки медицинской науки и помочь советской промышленности Таня Власенкова наталкивается на сопротивление Крамова, главы института, где она работает.

Образ Крамова является одним из удачнейших в книге. Его хамелеонская тактика, его уменье под видом помощи ловко расправиться с инакомыслящими, его уменье подобрать сообщников — все в нем, вплоть до его вкусов, его внешности и манеры поведения, прекрасно обрисовано автором. Крамов использует свое положение для создания лженаучной школки, тормозящей развитие советской науки.

Но как бы ни был ловок и коварен Крамов, всепобеждающая сила советской науки против него. Происходит дискуссия, в которой Татьяна Власенкова и ее друзья наносят Крамову поражение.

Вспомним те замечательные и плодотворнейшие дискуссии, которые прошли в различных сферах советской науки, дискуссии, которые приобрели характер всенародности и происходили под лозунгом борьбы за сталинские идеи, за сталинскую науку, дискуссии, неслыханные по размаху и глубине и возможные только в нашем обществе.

Именно такую дискуссию показывает в своем романе В. Каверин. Лучшие стороны характеров ученых, борющихся за советскую науку, самые благородные страсти их находят воплощение в этой борьбе. Здесь окончательно проявляют себя люди науки, тут определяются их судьбы и, в частности, — дальнейший путь восхождения нашей героини.

Образ Тани Власенковой потерял бы половину своей впечатляющей силы, если бы через весь роман не проходила история ее взаимоотношений с Андреем, другом детства, любимым мужем, товарищем по работе. Страницы, посвященные изображению любви Тани и Андрея, являются органической частью романа. Ведь без поездки в «Асканию-Нова», которой молодые люди начинают свою совместную жизнь, — без этой поездки мы не поняли бы ни Тани, ни Андрея.

И развивающаяся рядом линия ущербной, неудачной любви брата Андрея Мити и жены его, тщеславной и пустой красавицы Глафиры Сергеевны, как бы подчеркивает, какое огромное значение для счастья человека имеет чистая, нравственная, истинная любовь.

...В ночь, когда Чкалов отправился в трансарктический полет, Таня и Андрей не могли заснуть и «пошли неизвестно куда, все равно куда, потому что везде была эта легкая ночь с ясным полумесяцем, легко скользящим под легкими облаками, и везде была Москва, и везде говорили о Чкалове, который летел все дальше и дальше».

Скрытый пафос, насыщающий роман, здесь прорывается с особенной силой и освещает и одухотворяет картину жизни великого города в ту незабываемую эпоху, о которой пишет автор.

И когда Чкалов уже победоносно завершает свой полет, Андрей говорит Тане: «Вся страна в полете, вот почему всех так волнует эта экспедиция». В этой фразе выражено небывалое единство всей нашей летящей в будущее страны, передана бодрая, вдохновенная духовная атмосфера, в которой мы живем.

Книга кончается апофеозом научных устремлений Тани, первым и блестящим применением нового препарата на практике — спасением больного, уже приговоренного к смерти ребенка.

И то, что это великое открытие советской науки происходит накануне злодейского нападения гитлеровцев на нашу мирную страну, особенно подчеркивает благородный замысел книги. Если в лабораториях зарубежных ученых-выродков готовится бактериологическая война, то в романе советского писателя показано, что наши ученые прозорливо предвидят эту возможность и во всеоружии гуманной социалистической науки ведут борьбу за здоровье, процветание, за культурную жизнь советских людей и всего человечества. Пафосом борьбы за истинную науку, служащую жизни, а не смерти, пронизан новый роман Каверина.

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

В. Каверин. Доктор Власенкова. Роман. «Новый мир». №№ 2, 3, 4. 1952.

Коротко о книгах

«Следуя вашему примеру, мы стремимся отразить огромные преобразования в нашей стране...» — эти слова из письма прогрессивных болгарских писателей к писателям Советского Союза характеризуют основное направление современной болгарской литературы и раскрывают содержание сборника «Утро».

В него вошли рассказы и повести, написанные в 1949—1950 годах. Многие из авторов — крупнейших писателей сегодняшней Болгарии — уже знакомы советскому читателю. Это лауреаты Димитровской премии Людмил Стоянов, Георгий Караславов, Орлин Василев, Стоян Даскалов и другие.

Произведения, включенные в книгу, неодинаковы по важности тем и по художественному мастерству. Но все они подкупают верой в силу освобожденного народа, строящего социализм, кровной заинтересованностью писателей в судьбах своих героев, верностью жизненной правде. Знаменательно, что герои большинства повестей и рассказов — молодежь.

Важная проблема — переход на сторону народа старшего поколения интеллигенции — поднята в повести И. Мартинова «Завод»; о необходимости революционной бдительности напоминает своим рассказом «Пистолет и скрипка» Л. Стоянов.

В сборнике отчетливо звучит тема неразрывной дружбы возрожденного болгарского народа с великим советским народом. «Мы строим не обычные заводы,— говорят трудящиеся Болгарии,— а памятники-гиганты вечной болгаро-советской дружбы».

* * *

«...Новая румынская литература обрела темпераментного и смелого художника, сделавшего большой шаг на пути к овладению методом социалистического реализма... Петру Думитриу отзывается своим творчеством на самые острые вопросы дня...» — писал П. Павленко в своем предисловии к книге «Июньские ночи», оценивая роль писателя в развитии новой литературы народно - демократической Румынии.

В книге четыре повести, и все они рассказывают о румынской деревне. Сорок лет отделяют события, описанные в первой из них («Фамильные драгоценности»), от событий, послуживших основой для остальных повестей.

Изображая в повести «Фамильные драгоценности» крестьянское восстание в Румынии в 1907 году, жестоко подавленное реакцией, писатель осмысливает его как важный этап на пути румынского народа к своему освобождению. О борьбе крестьянства против кулаков и диверсантов, о преобразовании румынской деревни на коллективных началах писатель рассказывает в повестях «Вражда», «Охота на волков», «Июньские ночи». Последняя удостоена государственной премии Румынской Народной Республики.

* * *

Вышел сборник рассказов чехословацких писателей. В собранных в нем произведениях десяти прогрессивных писателей повествуется о сопротивлении чехословацкого народа гитлеровским оккупантам, о первых шагах народно-демократической Чехословакии, об укреплении власти трудящихся в стране.

Советские читатели знакомы с известными романами Марии Пуймановой «Люди на перепутье» и «Игра с огнем». В сборник включен отрывок из романа «Жизнь против смерти», которым писательница завершает свою трилогию. Она рассказывает в нем о последних минутах жизни чешских патриоток, которых немецкие фашисты везут на казнь.

Рассказы Иржи Марека «Февраль», Турека Сватоплука «Случай на шахте», Яна Дрда «Политик» посвящены важнейшему событию в истории послевоенной Чехословакии — ликвидации в феврале 1948 года попытки внутренней реакции свергнуть народную власть.

О первых успехах на пути к социализму рассказывают в своих произведениях Милан Яриш, Эмма Ржезач, Мария Майерова, Вашек Каня, Франтишек Зима.

А. П. Боголюбов (1824—1896). СИНОПСКОЕ СРАЖЕНИЕ.

Военно-Морской музей. Ленинград.

ПОХЛЕБКА МАМАШИ КРОВОЗОВОЙ

Рассказ

Ян ДРДА

Рисунки В. Высоцкого

Значит, вы действительно не знаете, как варят похлебку из точильного бруска?

Ну да, без шуток, из обыкновенного карборундового бруска, который можно купить в любой лавчонке, торгующей разным хозяйственным хламом. Вот если бы у меня был здесь котелок литров этак на пять и, само собой разумеется, такой брусок, я мигом бы «скухарил», как выражается Война Мрзена, эту самую похлебку. Но раз бруска в наличии не имеется, то я хоть расскажу вам все по порядку, а вы уж сами попробуйте сварить ее дома.

Надо вам сказать, что по профессии я «навозник». Официальное мое звание — агроном, но между собой мы всегда называем друг дружку «навозниками». Впрочем, навоз — вовсе уж не такая плохая штука. Наш брат готов иной раз пальчики облизать, если, скажем, у него под сахарную свеклу набирается куча навоза величиной с гору Ржип[1]! Честное слово, ведь после вырастет куча свеклы, и с поля снимут вот этакие пяти — шестикилограммовые корневища с ботвой, как павлиний хвост, центнеров восемьсот с гектара! Ах, да, как же было дело с похлебкой из бруска? Ну, так слушайте!

Перед войной я обучался агрономии в Праге. Само собой разумеется, ходила к нам на занятия и зеленая молодежь посостоятельней, были там также парни, у которых и на еду-то не хватало, будь оно неладно! Я был в их числе. Хуже всего нам приходилось во время каникул. Я с двумя приятелями — Гонзой Поливкой и Вашеком Гнилицей — решил отправиться куда-нибудь на «практику». На одном курсе с нами учился болгарин Ненчо Младенов, тоже не имевший гроша за душой. Для поездки на родину у него не было денег, и он присоединился к нам. Долго мы искали работу. Наконец кто-то посоветовал нам поехать в Червонную Льготу, в имение к некоей вдове Лизлерке: она, мол, возьмет нас хотя бы на время жатвы.

Приезжаем. Хозяйка с виду, что твой кирасир, по повадкам сущий полицейский. Сразу на нас накинулась: нам, мол, нечего воображать, будто мы тут на боку лежать будем. Для этого у нее и так адъюнкт уже есть. А если мы хотим остаться, то должны работать, как батраки, — восемь крон в день и харчи. Готовить на нас будет экономова жена.

Делать нечего, пришлось согласиться. Мы надрывались на работе, как лошади: старуха оказалась настоящим живодером. Жена эконома Винтишка, гнусная гадина, будто бы до замужества служившая кухаркой у старухи Лизлерки, теперь, повидимому, растеряла весь свой поварской талант: жратву, которую она нам готовила, нельзя было взять в рот. Я сказал бы «еду», если бы дело шло только о людях. Ее стряпню не хотели есть не только собаки и куры, но даже свиньи. Гонза Поливка уверял, что, вероятно, только муравьи будут есть такое, потому что они скромные создания. Но когда мы однажды выплеснули тарелку этих помоев в муравейник, то муравьи совсем ушли оттуда.

Мы все время испытывали волчий голод. Гонза попытался воровать яйца, но экономова жена стерегла кур, как дракон. Вашек Гнилица, склонный к меланхолии, жевал зерна пшеницы, щавель, а также пробовал выкапывать разные корешки, по большей части сладкие. Я выбрал золотую середину: пошел к Лизлерке за авансом.

Видели бы вы, как она на меня накинулась! Мы-де не какие-нибудь там поденщики, чтобы она платила нам каждый день. Мы, мол, господа студенты, практиканты, и она заплатит сразу, через месяц, когда мы себя проявим. Хоть бы хлеба она давала нам вдоволь, но и хлеб был под замком в этом стогектаровом имении!

В воскресенье Винтишкова сварила нам суп из каких-то старых костей! От него разило падалью на сто шагов. К супу мы получили по куску хлеба с разведенным водой творогом. Экономова жена будто бы собиралась испечь сладкие пирожки, да духовка задымила. Ну-с, хорошо. Уже под вечер сидим мы на крыльце, совсем изнемогая от голода. Вашек отправился с горя на кухню попить воды и вернулся от Винтишков с выпученными глазами.

— Ребята, вы только представьте себе, эта сволочь только что поставила в духовку петуха!

— Стащить! — воскликнул Гонза с таким отчаянием во взгляде, что на меня напал страх: чего доброго, убьет еще экономову жену кочергой. А Ненчо спокойно сказал:

— Погодите-ка, ребятки, я эту чертовку все-таки перехитрю!

Вскоре экономова жена появилась на пороге. Ненчо отвесил поклон и немедленно обратился к ней с вежливой просьбой одолжить какой-нибудь горшок побольше: он хочет сварить для товарищей болгарскую похлебку. Экономова жена сразу навострила уши. А из чего, собственно, собирается он варить эту похлебку? Может быть, мы все-таки в конце концов стянули у нее что-нибудь?

— О, это совсем особенная похлебка! — говорит Ненчо. — Она варится из бруска!

— Из чего? — не поняла экономова жена.

— Ну, из обыкновенного карборундового бруска, на котором правят косы!

Господи, как это было для нее важно! В этом деле, при всей своей скаредности, она не имела опыта. Винтишкова вдруг заговорила медовым голосом и даже пригласила нас в кухню. Ненчо схватил котелок побольше и сунул его прямо на середку горячей плиты, бросил в воду брусок и стал ждать, когда закипит. Наконец под крышкой забурлило, и Ненчо тотчас же взял шумовку и отведал, какова похлебка на вкус. Экономова жена пялила глаза. Мы, разумеется, тоже.

— Ну, — пробормотал Ненчо, — начинает пускать сок, наваристая будет похлебка. Однако не мешало бы для цвета положить штучки три — четыре красной свеклы да капусты кочешок для густоты!

Мы думали, что экономова жена обругает Ненчо на чем свет стоит, но — подумайте только! — чего не сделает женщина из любопытства! Она взяла ключ от огорода: пусть, мол, Вашек идет с ней, там можно будет нарвать всего, что нужно. Едва дверь за ними захлопнулась, как Ненчо прямо к духовке, вытащил сковородку, схватил петуха за ногу и бух в наш котелок.

— Теперь предстоит битва за время! — говорит Ненчо Гонзе. — Стань у окна и глаз с них не спускай! Когда они будут запирать огород, беги к экономовой жене, скажи, что я прошу дать еще две — три штучки сельдерея, петрушки и моркови. А если найдется спелый помидор, так ты его сорви незаметно и принеси тоже!

Мы с Гонзой заняли наблюдательный пост у окна, а Ненчо кинулся, как безумный, к плите и стал совать дрова, чтобы поддержать кипение. Я смотрел на свои карманные часы. Ровно через семь минут тридцать секунд экономова жена с Вашеком покинули огород. Я тотчас подал знак Ненчо.

— Мало! — крикнул он Гонзе. — Нам нужно еще минут десять, не меньше!

Гонза сорвался с места, как паровоз, и задержал экономову жену на середине двора. Теперь шел бой за секунды. Я наблюдал, вытаращив глаза, как Гонза увивается вокруг экономовой жены. Если он не уговорит ее, через полминуты эта ведьма будет здесь и у Ненчо не хватит даже времени отправить петуха обратно на сковородку.

Да будет благословен Гонза!

Клянусь, он уговорил ее и вот уже возвращается с ней на огород, а тем временем на исходе девятая минута. Словом, через семнадцать минут основательной варки Ненчо вынул петуха из котелка, сунул его на сковородку, закрыл раскаленную печь, и, прежде чем экономова жена вошла в кухню, петух успел

[1] Гора в Чехословакии; ржипа — по-чешски свекла.

даже красиво зарумяниться. Экономова жена опрометью бросилась к духовке. С испуга она даже забыла о нас и, лишь облив жаркое соусом, она смутилась и начала врать:

— Это для ее милости, нашей барыни... У них в господской кухне плохая тяга...

Мы в ответ ей ни гу-гу, уставились, словно немые, все четверо на наш котелок. Братцы, какой запах пошел через некоторое время после того, как Ненчо бросил туда все овощи! У нас потекли слюнки. У экономовой жены тоже! Она глотала слюну так, что за ушами у нее даже пищало, и облизывалась, как кошка на сметану. Гонза подсунул Ненчо еще шесть помидоров, принесенных им по собственной инициативе, и при этом шепнул:

— Можешь высказать свои пожелания, старуха для нас все сделает! Я пообещал, что мы научим ее скрещивать томат с картофелем, чтобы урожай был и на земле и под землей!

Ненчо и в самом деле возмечтал:

— Эх, хорошо бы еще маслом заправить! Брусок для навара, капуста для густоты, свекла для цвета, сельдерей с морковкой для вкуса, а для нежности нужна еще заправка!

И, знаете, эта ведьма-лакомка только из алчности дала нам масла. Ненчо подождал, пока похлебка хорошенько уварится, попробовал, посолил, поперчил, натер чесноку, добавил красного перцу и затем с благоговением вынул, вытер носовым платком и протянул экономовой жене еще тепленький брусок:

— Госпожа Винтишкова, это вам на память за вашу доброту!

Мы так наелись, что чуть не лопнули; экономова жена не отставала от нас. Эта бесстыжая тварь попросила даже вторую тарелку. Нам не следовало больше наливать ей похлебки, это была роковая ошибка. Как только экономова жена зачерпнула поглубже, она вдруг увидела в ложке... петушье сердце!

Ненчо не учел, что Винтишкова положила сердце и печень внутрь петуха. Она посмотрела на ложку, для пущей уверенности откусила кусочек сердца и вдруг вскочила, как ужаленная:

— Ах вы, шваль, воры!

Так мы наше брусковое чудо и не доели до конца. Брусок эта ведьма швырнула нам вслед на двор,— удивительно, как не прошибла голову Вашеку. Но даже и после одной полной тарелки супа мы прониклись такой самоуверенностью и таким жизненным оптимизмом, что в тот же вечер со скандалом взяли расчет у Лизлерки.

Стихи о Каховке

Виктор БЕРШАДСКИЙ

НОВОСЕЛЫ

Молодые каменщики ловки,—
по часам растут здесь этажи.
И молва
о подвиге Каховки
вновь перешагнула рубежи.

Публикуют очерки газеты
о великой стройке наших дней.
Песни посвящают ей поэты,
в министерствах
думают о ней.

По мосткам
старательно
ступая,
сходят утром на́ берег реки
комсомольцы Горного Алтая —
в заячьих ушанках пареньки:
каждый хочет жить
на Днипробуде...

И опять подумал я о том:
в города
сперва приходят люди,
слава
поселяется потом.

ТАТЬЯНА

На трассе тех завтрашних улиц,
где нынче песок да лоза,
мне снова сквозь дым
улыбнулись
ее голубые глаза.

Мне платьице Тани знакомо,—
горошины мелко рябят.
На кладке кирпичного дома
она обгоняет ребят.

Такие в рядах комсомола
шагали
с винтовкой в ладу.
Их помнит Триполье и Шпола,
Каховка в двадцатом году.

...Она не в армейской одежде,—
давно уже смолк пулемет.
Но девушка наша,
как прежде,
горячей Каховкой идет.

О Родина!
В девушке этой
сегодня я вновь узнаю
и облик твой, в песне воспетый,
и вечную юность твою.

Это была первая история. Вы смеетесь над тем, что мне повезло с похлебкой. Я расскажу вам еще одну историю, теперь уже без бруска и без всякого чародейства. Вот эту вторую похлебку я не забуду до конца жизни.

Во время войны я угодил на принудительные работы в Германию и там с одним приятелем, некиим Михалем из Больших Карловиц, сговорился улизнуть домой. Нам здорово повезло, и после одной бомбардировки мы сбежали. Но куда же было деваться? Михаль мне говорит:

— К себе домой в Дашицы ты лучше не езди, там тебе можно спрятаться разве что в вербах на Лабе, а в Пардубицах гестаповцы хуже собак. Поедем-ка ко мне в Бескиды, в горах никакой дьявол нас не разыщет.

Сказано — сделано. Некоторое время мы болтались без дела, скрываясь у родственников Михаля, однако в конце концов нам стало стыдно. Два молодых здоровых парня, которые могли бы камни ворочать, у каждого ума палата, а для борьбы с фашистами, собственно говоря, палец о палец не ударили, если не считать мелкого саботажа в прошлом, во время работы на фабрике. А в горах не нужно было искать подходящего случая. В буковых зарослях, где даже в солнечный полдень стоит полумрак, в еловой чаще на горных склонах, в ущельях, куда боятся забегать и олени,— всюду курились маленькие партизанские костры, и в глухих горных деревушках передавали из уст в уста, как партизаны в темные ночи спускаются в долины, как рушатся мосты, взлетают на воздух поезда и горят склады и фабрики. Михаль не дал мне долго томиться в бездействии, мучиться от стыда и сожаления. Однажды после обеда, когда мы были на Гутисках у Рожнова, он мне говорит:

— Послушай, возьми-ка еще вот этот мой свитер, сегодня вечером нас ждут!

Он повел меня в густом осеннем тумане на Чартак. Там мы некоторое время посидели в старинной разбойничьей корчме, пока за нами не пришел связной. Выпив за успех дела по стаканчику какой-то ужасающей отравы, мы в темноте отправились в путь.

Так в октябре 1944 года я стал членом смешанного партизанского отряда «Смерть фашизму!». И там, в Бескидах, когда я партизанил, произошел один случай, о котором мне и хочется вам рассказать.

Дело было в январе 1945 года, в те дни, когда Красная Армия освободила Варшаву. Наш радист Гриша сообщил об этом событии перед землянкой, как раз, когда мы уходили на операцию. Вы представляете себе наш энтузиазм! Задача была довольно сложная: взорвать мост и поезд с боеприпасами,— но в общем мы выполнили ее удачно. Мина разорвалась под четвертым вагоном; паровоз и два вагона с балластом вздыбились на рельсах, как взбесившиеся кони; мы слышали, как трещат, ломаясь, старые ели при падении паровоза в пропасть. А другая половина поезда... ну, не пожелаю вам видеть такой фейерверк! Даже привычный человек, всей душой жаждущий, чтобы дело его удалось на славу, и тот в такую минуту прижимается к земле, содрогаясь от ужаса. Решающая роль в этот миг принадлежит разуму, воле и прекрасному, радостному ощущению, что задание выполнено и фашистам нанесен очередной удар.

Но сейчас же после диверсии, когда мы, оглушенные и ослепленные взрывом, еще не пришли в себя, на нас нежданно-негаданно напал притаившийся в лесу сильный отряд эсэсовцев, и, отходя, мы угодили под пулеметный огонь. Гитлеровцы значительно превосходили нас силами: нас было десять человек, их, может быть, двести. Но в самый последний момент, когда круг врагов вот-вот должен был замкнуться, мы все-таки сумели вырваться из окружения. Подумать только! У этих негодяев была с собой свора овчарок, настоящих волкодавов. В конечном счете при отходе нам помогла страшная бескидская вьюга. Наши ребята из боевого охранения были на лыжах. А мы трое, проползшие под мост, чтобы заминировать его, — Сергей, Костя и я — вынуждены были уходить в горы по глубокому снегу без лыж, не успев надеть их.

Мы проваливались в сугробы по пояс, иногда ползли на четвереньках, падали лицом в обледеневший снег, обдираясь до крови,— словом, скажу я вам, дело было нешуточное. Только часа через два, убедившись, что овчарки потеряли наш след, мы присели на минутку перевести дух, и Сергей, мастер на все руки, у которого карманы всегда были полны всяких проволочек, ремешков и веревочек, в темноте смастерил нам из еловых ветвей своеобразные лыжи — «снегоступы». Он взял

еловые ветви, согнул каждую из них, связал концы вместе, переплел проволочками и ремешками, а затем прикрепил проволокой к сапогам. Тяжесть была неимоверная, к тому же пришлось идти, расставив ноги, как ходят малолетки с пеленкой в штанишках, но «снегоступы» Сергея спасли нам жизнь.

И вообще, будь я там один, я наверняка бы погиб. Пройдя четыре часа по снегу, волчьими тропами, ведущими все выше и выше в горы, я задыхался, еле волочил ноги, а глаза закрывались сами собой. Мне все время казалось, что я проваливаюсь не в сугробы, а в какую-то ватную, сладкую дремоту, только бы упасть и заснуть.

Но Сергей с Костей оказались моими ангелами-хранителями: я не то совсем засыпал, не то уже умирал, а товарищи волокли меня под руки, и в мою смертельную дремоту то и дело врывался тихий, но настойчивый голос Кости:

— *Ну, давай, Война... давай, голубчик... шагай вперед... давай!* [1].

Наконец меня дотащили до перевала.

Тут я немного пришел в себя и при спуске в долину, по ту сторону горного хребта, был уже в состоянии двигаться самостоятельно. Метель не прекращалась, но вдоль опушки старого елового леса оказалась узенькая полоска, где ветер хлестал не так яростно. Мы починили кое-как свои «лыжи» и потащились дальше. Направление было потеряно: вместо звезд над нами висели низкие снеговые облака. Только Костя ориентировался каким-то сверхъестественным чутьем старого разведчика и изредка шептал:

— *Туда! Влево... туда, нет, туда!..*

Вдруг мы наткнулись на одинокую хижину. Я и Костя притаились с автоматами наготове, а Сережа отправился на разведку. В окошечке, величиной с ладонь, конечно, было темно. Но, даже несмотря на сильный ветер, мы чувствовали явственный запах горящих смолистых сосновых дров.

— *Стой!* — раздалось вдруг в темноте возле Сережи. От такого «Стой!» в ночную пору, товарищи, стынет кровь в жилах. Но для нас оно прозвучало, как самое лучшее приветствие: ведь это было восклицание на родном русском языке! Через две секунды мы услыхали Сережу:

— *Давай, ребята! Свои!*

Оказалось, что мы вышли к хате Мартина Кровозы. Я никогда не бывал здесь раньше, но кое-кому из партизан она была известна еще с прошлой зимы. Мартина в январе этого года забрало гестапо за то, что он показывал дорогу бежавшим военнопленным. С тех пор наш отряд не посещал этого места, чтобы не повредить жене Кровозы.

Когда мы забрались в хату, на нас пахнуло теплом человеческого жилья и ударило в нос резким, кислым запахом хлева. В одном углу на деревянной кровати спало трое детей, в другом за перегородкой блеяли три испуганные овцы. Хозяйка, сидя на корточках, подкладывала в очаг пахучие сосновые сучья, быстро дающие жар. Около нее, тоже на корточках, примостились трое наших: Иожка Валигура, коммунист с Всетинского военного завода, Михаль, с которым я бежал из Германии, и Вася Недайбог, красивый, черноволосый богатырь, один из наших самых отважных разведчиков. Снаружи хату охранял четвертый, Иван. Все они пришли сюда незадолго до нас, пройдя на лыжах почти по тому же пути, по которому тащились и мы. Возможно, что они пролетели на лыжах совсем рядом с нами в то время, когда мы заново переплетали свои «снегоступы», возможно, что проскользнули в нескольких метрах от нас при спуске в долину: за снежной стеной метелицы мы не видали друг друга.

От котелка, стоявшего на огне, сильно запахло кислой капустой. Вонь овчарни и запах дыма от сучьев перестали чувствоваться.

У меня закружилась голова, и все внутренности свела голодная судорога. Мы уже целую неделю питались всухомятку: сухарями, черным хлебом и «чайком», который заваривали из зеленых брусничных листьев. Кровозова, повидимому, варила похлебку для наших ребят, пришедших первыми.

Когда мы тоже пристроились на корточках возле огня, хозяйка взглянула на нас большими глазами, и в них мелькнула растерянность. Но затем, ни слова не говоря, женщина долила в котелок воды и опрокинула на землю сплетенную из прутьев корзину. Оттуда выкатилось пять последних жалких, карликовых картофелин, с таким трудом выращенных в горах на каменистой, бесплодной почве. Женщина очистила и положила картофель в котелок. Откуда-то из шкафа в темном углу она вынула тонюсенький кусок свиного сала, — собственно, одну только прокопченную кожу, с которой был снят весь жир, — разрезала на две части и бóльшую добавила к капусте. Костя вскочил и хотел удержать ее за руку:

— *Не надо, хозяйка, не надо, мы сыты!*

— Пусти, парень, — решительно вырвалась она. — Я по глазам вижу, как вы сыты!

Может быть, действительно наш полукруг у огня походил на волчий: в полутьме наши глаза светились страшным голодным блеском. Но когда она разрезала кусок этой голой кожи, наверняка последний в доме, мы почувствовали, что она полоснула ножом прямо по нашим сердцам. Для семи голодных мужчин этого, конечно, было мало. Но все величие такой жертвы способны оценить только бедняки.

Едва вода в котелке закипела вторично, мы услыхали под окном новое «Стой!». Мы все разом схватились за автоматы. Но это тоже были партизаны из нашей группы: Попадяк, Скрыя и Василий Великий, — которые прошли следом за нами тем же самым путем. Мы бросились друг другу на шею, — ведь это было невероятное дело: несмотря на убийственный огонь эсэсовцев, отряд не имел потерь, и только Скрыя был ранен навылет в мякоть руки над локтем. Товарищи перемерзли. Скрыя по дороге от потери крови два раза падал в обморок и проваливался в глубокие сугробы. Попадяку и Василию пришлось ползать на четвереньках и нащупывать Скрыю буквально руками.

Но сейчас мы были все вместе и чувствовали себя так, как будто только что родились. Представляете себе, какую возню подняли на радостях девять человек! Когда мы принялись обниматься, целоваться и хлопать друг друга по спине, овцы заблеяли и стали прыгать на загородку. Дети в испуге проснулись и с ужасом в глазах следили за нашей дикой пляской, а потом громко расплакались. В гнезде у очага громко закудахтала переполошившаяся курица.

— Тише! — зашипел Костя, показав на детей.

Тут же трое или четверо партизан бросились их утешать, а Васька Недайбог, сам напоминавший большого ребенка, вытащил растрескавшееся зеркальце в жестяной оправе — единственный подарок, который мы могли предложить ребятишкам.

В этой суматохе мы едва заметили, как Кровозова снова подлила воды в котелок с капустой. И когда мы уже успокоились и рассаживались у огня, вдруг ни с того, ни с сего закричала испуганная курица, а в руках Кровозовой при свете очага блеснул нож.

— *Нельзя!* — закричал Костя.

Но куриная голова уже повисла на тонкой кожице, и в кастрюльку с бульканьем полилась куриная кровь.

Костя наклонился к хозяйке, схватил ее своими сильными руками за плечи и плачущим голосом с упреком повторял только:

— *Что же ты сделала? Что же ты сделала?*

Вам следовало бы ближе познакомиться с богатырской душой советских людей, которые умеют в высоком душевном порыве раздать все до последнего кусочка, пожертвовать всем до последней капли крови, но сами принимают подарок очень смущенно; надо вам понять, что было в голосе Кости и что было написано в ту минуту на лицах остальных — Васи, Сережи, Василия Великого... Сколько раз мне хотелось быть художником, чтобы запечатлеть этот миг на полотне!..

Хотя вполне возможно, что сегодня эта картина показалась бы смешной: худая, оборванная горянка держит в руке ощипанную курицу с перерезанной шеей, а перед ней пять мужских, обросших, потных и грязных лиц. Но в том свете, который горел в их глазах и в глазах мамаши Кровозовой, было что-то такое, что превращало обыкновеннейшую историю с курицей в героическую драму.

Ну, извините, я немного разволновался. Наконец мы, дети и хозяйка уничтожили похлебку из последней курицы. И возможно, что, не будь этой похлебки, на следующий день мы бы замерзли и погибли, потому что нам предстояло пройти еще километров тридцать по горам во время снежного бурана. Когда мы прощались с Кровозовой, Костя, наш начальник, долго жал ее костлявую руку, а потом вдруг сказал очень-очень тихо, почти про себя:

— *Мамаша... знаешь что... твои щи... мы никогда не забудем!..*

И поцеловал ее в обе щеки.

Перевела с чешского
В. ЧЕШИХИНА

[1] Написано по-русски в оригинале: далее курсивом везде набран русский текст оригинала.

Бессмертная САТИРА

Гарпагон и Хлестаков давно уже перестали быть только героями литературных произведений. Они вошли в жизнь, как ставшее привычным воплощение скупца и обманщика. Румынскому народу известен еще один подобный персонаж — он называется Кацавенку. Нередко в наши дни, читая о каком-либо демагогическом и лицемерном выступлении того или иного заокеанского государственного деятеля, наши люди восклицают: «Кацавенку!»

Первоначально имя это принадлежало только герою пьесы «Потерянное письмо» Ионы Луки Караджале. Созданный им тип стал впоследствии олицетворением продажного политиканства и карьеризма, подлости, угодливости и бесчестности. Все эти пороки буржуазия скрывает под мишурой пустых и громких слов, лицемерных заявлений.

Шедевр драматургии Караджале —«Потерянное письмо»— написан им в полном расцвете творческих сил, как сатира на продажное политиканство «двух банд» — политических партий, которые хотя по виду казались противниками, фактически же в добром согласии эксплуатировали и угнетали народ.

Фарфуриди, представляющий в пьесе партию консерваторов, бьет себя кулаком в грудь, ратуя за конституцию. Но когда речь идет об ее пересмотре или о предоставлении демократических прав, он высказывает следующую точку зрения: «Либо надо ее пересмотреть — согласен! — но тогда чтобы ничего не менять...» Либеральный лидер Кацавенку, «озабоченный» будущим своей страны, патетически восклицает: «Все страны имеют своих банкротов. Только у нас нет своих, отечественных банкротов!» Обоих приводит в движение одно и то же побуждение: желание нажиться за счет эксплуатируемого народа.

Пьеса «Потерянное письмо» — острая сатира на буржуазный государственный аппарат — была встречена широкими массами с большим энтузиазмом. Но власть имущие объявили ей бойкот. Писателя яростно преследовали. Его пьесы освистывали, книги скрывали в подвалах продажных издателей. Только свободный народ Румынии отдал настоящую дань творчеству Караджале — вершине реалистической румынской литературы. Пьесы его, в течение долгих лет предававшиеся забвению, составляют ныне гордость народа. На сцене Бухарестского национального театра только за два сезона пьесы Караджале были поставлены много больше, чем за весь период с 1884 года — года появления его драматургии. Они ставятся на сценах различных театров страны, переводятся на языки других национальностей. «Потерянное письмо» идет на сценах театров в странах народной демократии и теперь на сценах лучшего театра мира — советского театра.

АУРЕЛ БАРАНГА

Бухарест.

НА ЛЕНИНГРАДСКОЙ СЦЕНЕ

Ленинградский театр комедии осуществил постановку пьесы Караджале в ознаменование столетия со дня рождения писателя. В спектакле, поставленном заслуженными артистами РСФСР Ю. Юрским и Г. Флоринским, создана богатая галерея сатирических образов представителей буржуазной Румынии.

Сцена из спектакля «Потерянное письмо» Караджале в постановке Ленинградского театра комедии. Префект Типатеску (А. Подгур) и адвокат Кацавенку (заслуженный артист Таджикской ССР И. Ханзель).

Сюжет комедии построен на водевильно-фарсовом приеме. Письмом префекта Типатеску — консерватора — к любовнице Зое завладевает его политический противник, лидер либералов адвокат Кацавенку. Он намеревается опубликовать этот компрометирующий документ в издаваемой им газете «Карпатский вопль». Неминуем скандал: ведь Зоя — жена Захария Траханаке, влиятельнейшей персоны в уездном масштабе, лидера местных консерваторов. Правда, и у консерваторов имеется козырь против Кацавенку: в их руках подделанный им вексель...

В самый разгар предвыборной борьбы за место депутата между Кацавенку и адвокатом Фарфуриди — ставленником консерваторов — из столицы приходит предписание избрать в депутаты некоего Агамемнона Данданаке. Тот оказался избранным благодаря шантажу: он тоже нашел любовное письмо высокопоставленной особы и прибег к угрозе его опубликования...

Столичная «штучка» Данданаке, еще более подлый, нежели его уездные соперники, обрисован артистом А. Бениаминовым мазками резкими и острыми.

Спектакль Театра комедии, интересный и острый, идет в быстром, живом темпе. Словно в калейдоскопе, сменяются события, одна грязная махинация следует за другой.

В роли Траханаке, хитрого, корыстолюбивого, расчетливого дельца, привыкшего держать в руках нити всех интриг, артист Л. Кровицкий выглядит, на первый взгляд, добродушным и благообразным. Как возмущается он обвинением в предательстве! «Меня еще никто никогда не подозревал в предательстве, ни в одной из партий, в которых я состоял с младенческих лет. А был я, к вашему сведению, от приготовишки до гимназиста — анархистом; от гимназиста до студента — социалистом; от студента до чиновника — либералом; от чиновника до помещика — консерватором, каковым имею честь состоять по настоящее время!» Эта уничтожающая характеристика умело и кстати введена в спектакль из фельетона Караджале «О свистунах».

В финале спектакля, когда депутатом избран другой, примирившиеся «политические противники» снова в объятиях друг друга.

Спектакль Театра комедии воспринимается зрителями как реалистическая пародия на парламентские выборы в любой буржуазной стране, кичащейся своей «демократией».

Т. Кулаковская

В МОСКОВСКОМ ТЕАТРЕ

Комедия Караджале с ее ярко выписанными характерами смотрится в Московском театре сатиры легко и с неослабевающим интересом.

В этом заслуга не только автора, но и режиссеров Н. Петрова и В. Плучек и всего коллектива талантливых актеров. Актерам удалось создать типические, обобщенные образы, добиться того, что спектакль, поставленный как памфлет, бичует лицемерие правящих кругов буржуазного общества, его торгашеские нравы, грязные интриги в политике. Вот председатель уездного комитета и многочисленных прочих комитетов, комиссий, обществ Захарий Траханаке (артист П. Поль). Он много видел на своем веку и усвоил себе основное правило — не торопиться. «Имей капельку терпенья» — его любимая фраза. Он не глуп и все отлично видит и понимает, но, преследуя корыстные интересы, всегда поступает сообразно своей выгоде. Но не все так умны и дальновидны, как господин Траханаке.

Вот один из кандидатов в депутаты — адвокат Фарфуриди. Артист В. Лепко играет эту роль остро, с подлинным комедийным блеском. Каждое слово, каждую ремарку автора использует он для разоблачения своего незадачливого персонажа — труса, пустого и ничтожного болтуна и позера. Фарфуриди мечтает о депутатском мандате и панически боится, как бы не выбрали другого. Он насторожен, зная своих «единомышленников», все время ждет предательства. Появляясь в доме префекта со своим другом и тенью, адвокатом Брынзовенеску (артист Г. Тусузов), он приглядывается и прислушивается, труслио озираясь. Всю жалкую натуру своего героя умело раскрывает артист. «Будь храбр, как я,— говорит он, полный собственного достоинства, о письме в столицу,— пошлем анонимно!»

А вот и другой кандидат, либерал Кацавенку (артист Г. Доре), пустозвон, демагог и шантажист. Незабываема сцена, когда Кацавенку требует у префекта в обмен на найденное любовное его письмо депутатский мандат.

Не удивительно, что, всматриваясь в этих кандидатов и тех, кто стоит за их спиной, «подвыпивший гражданин», которого очень выразительно играет В. Хенкин, в течение всего спектакля повторяет: «Меня мутит!» В финале спектакля, когда по повелению свыше избран в депутаты Данданаке, подвыпивший избиратель, мгновенно протрезвев, кричит в отчаянии: «За кого я голосовал!..»

Глубоко проникнув в социальный смысл нарисованных Караджале событий и образов, театр создал не только занимательный, веселый рассказ о выборах в маленьком городке современной драматургу Румынии, но с настоящей обличительной силой высмеял лживость и лицемерие буржуазных государственных порядков в наши дни.

И. Семенова

Сцена из спектакля «Потерянное письмо» Караджале в Московском театре сатиры. Кацавенку (Г. Доре), «подвыпивший гражданин» (народный артист РСФСР В. Хенкин — в центре) и Зоя Траханаке (В. Жуковская).

Фото А. Гладштейна

Дистанция в двадцать пять километров требует особой выносливости коней и мастерства всадников. На снимке: кони идут десятый, предпоследний круг.

День национальных игр

Фото И. Туниеля

В областном городе Пржевальске вдруг стало тесно. В течение трех дней изо всех районов Иссык-Кульской области съезжались сюда колхозники. И все верхом на низкорослых киргизских лошадях. Ехали молодые джигиты, ехали старики, которым уж не участвовать ни в каких играх, но посмотреть да вспомнить свою молодость непременно надо. Некоторые из них сажали впереди себя внучат: пусть учатся. Им, когда подрастут, тоже придется соревноваться в силе и ловкости. Впрочем, здесь речь идет только о самых маленьких, ибо уже десятилетние юнцы ехали самостоятельно, а пятнадцатилетний Коямбай Джумагулов взял первое место в скачках на 25 километров, далеко опередив более взрослых соперников.

Киргизский колхозник без лошади ни шагу. С малых лет привыкает он к седлу. Поэтому боль-

Только бы покрепче ухватить за пояс своего противника! На снимке: момент пешей борьбы, называемой «куреш».

Людно было на ипподроме в городе Пржевальске в день национальных игр. →

Опоздавшие облепили глинобитный дувал, окружающий ипподром. Ничего! Отсюда видно не хуже, чем с трибуны.

шинство национальных игр у киргизов связано с лошадьми. Много конников съехалось в день национальных игр в Пржевальск. Прибывшие располагались поближе к ипподрому, садились в круг, занимались медленным, прочувствованным чаепитием. Были и отступления от общего правила. Так, не на коне, а на собственной «Победе» приехал с семьей председатель колхоза «Джаны-Джулдыз» Океш Тюлебердыев. Он въехал на самый ипподром и лихо развернул машину у самой трибуны.

Между тем собирались зрители, и скоро были заполнены все места. Опоздавшие смотрели игры, сидя верхом на лошадях, а иные облепили глинобитный дувал, окружающий ипподром. Ничего! Отсюда видно не хуже, чем с трибуны.

И на московском стадионе «Динамо» не увидишь такого живого участия зрителей в том, что происходит на поле. Любой из них способен делать то, что делают участники состязаний. Это-то и придает спортивным праздникам особенно шумный, особеннс живой характер.

Вот выезжают на поле два джигита. Каждого из них обматывают цветастыми поясами. Джигиты горячат коней, красуясь, скачут вдоль трибун, затем начинается схватка. Задача заключается в том, чтобы вытащить противника из седла.

Это не так-то просто сделать. Прочно сидят всадники в седлах, точно вросли. Часто успех такой схватки решают темперамент и сила лошади. Игра эта называется «оодарыш».

А «куреш» — борьба пешая, но также на поясах. Разрешается делать «подножку», подбивать пятку противника, лишь бы положить его на обе лопатки.

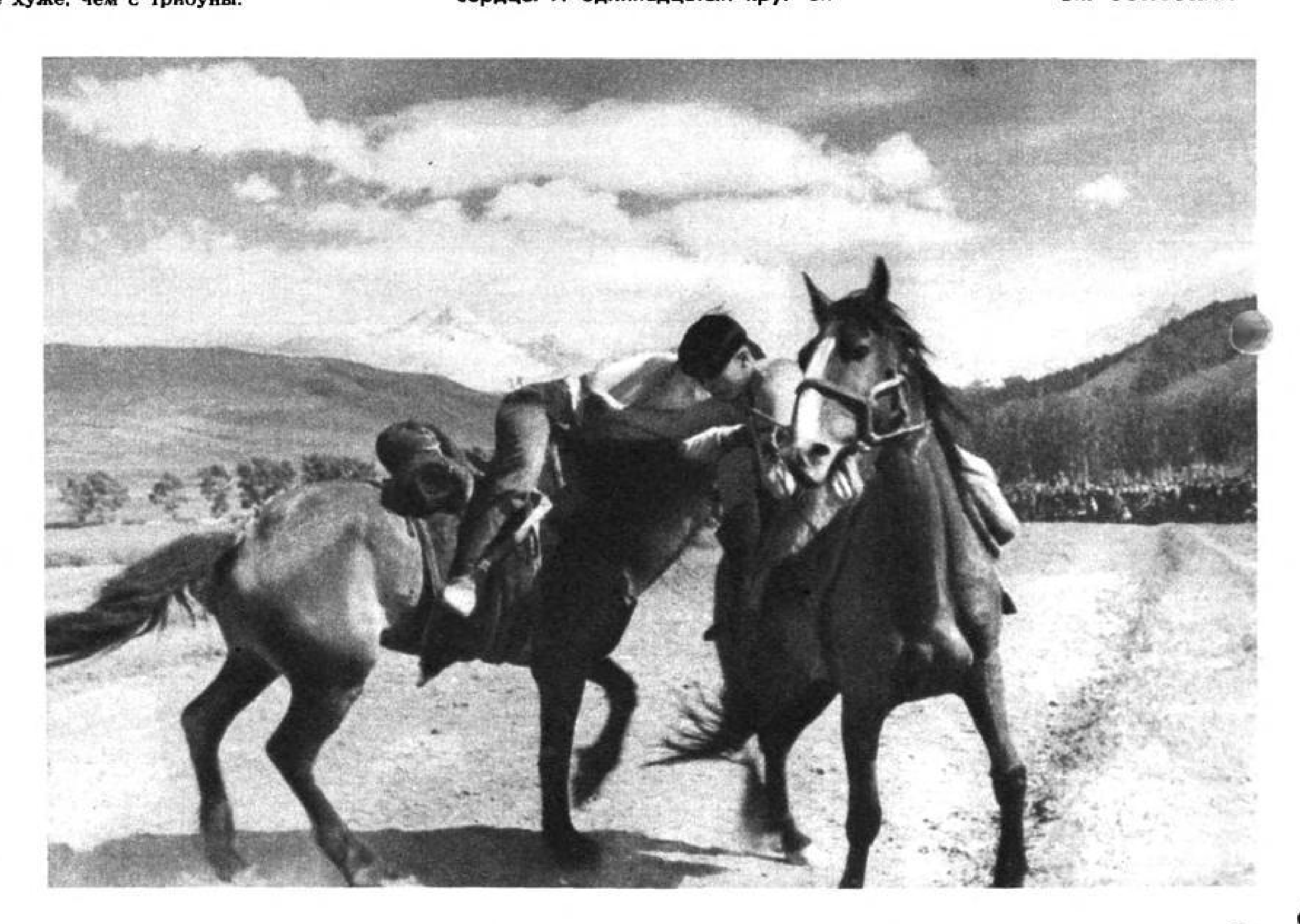
Большой интерес вызвали «джорго-салыш» (состязания иноходцев) и «ат-чабыш» (скачки на 25 километров).

Уже говорилось, что в последнем состязании первым пришел пятнадцатилетний Коямбай Джумагулов на Сером. Этот Серый таков, что и смотреть-то не на что, да, видно, железное у него сердце. И одиннадцатый круг он прошел так же резво, как второй или третий.

До позднего вечера продолжались игры и состязания. Люди и кони, показавшие наибольшую силу и ловкость, заслужили право участвовать в республиканской спартакиаде.

И когда солнце скрылось за снеговыми вершинами Терской Алатау и когда уже кончилась программа игр, все еще не хотели расходиться возбужденные зрители. Одни доказывали, что такой-то проиграл случайно, что такая-то лошадь сошла потому, что повредила ногу, а другие хвастались победителями из своего колхоза или района.

Вл. СОЛОУХИН

Не так-то просто вытащить джигита из седла!

КАНОЭ

А. СВЕТОВ

На водный простор выплывают лодки. Подгоняемые сильными, размеренными взмахами весел, они скользят, рассекая волны. Здесь и невысокие, словно распластавшиеся на воде байдарки, и узкие, длинные скифы. Среди них обращает на себя внимание небольшая серебристая лодочка. Плавные линии ее корпуса переходят в загнутые кверху, почти неотличимые друг от друга киль и корму.

Юноша, упираясь одним коленом в брезентовую подушечку, лежащую на дне лодки, быстро и энергично гребет коротким веслом. Весло одновременно служит ему и рулем. Завершая гребок неуловимым для глаза поворотом весла, спортсмен лавирует, направляя лодочку туда, куда ему нужно.

Если мы раскроем энциклопедию на букву «К», то узнаем, что словом «каноэ», или «кэну», называется легкая, плоскодонная, управляемая веслом лодка из древесной коры, натянутой на остов из деревянных планок. На таких лодках охотники-эвенки в Сибири и воины индейских племен бесстрашно устремлялись по стремительным, бурным рекам, преодолевали пороги и перекаты.

В 1838 году на таких же лодках, обтянутых шкурами морских зверей, совершил со своими спутниками путешествие вдоль полярного побережья Аляски бесстрашный русский исследователь Александр Кашеваров. Смелые путешественники боролись со свирепыми штормами, преодолевали многие трудности на пути.

По реке мчится лодка каноэ.

Фото А. Бочинина

Несколько десятилетий назад лодки каноэ нашли широкое применение в спорте и туризме. Спортивные каноэ значительно отличаются от своих предков — охотничьих лодок эвенков или пирог индейцев. Вместо древесной коры или звериных шкур корпус каноэ обтягивается парусиной. Вдоль плоского дна устроены от одной до пяти килевых плоскостей. Они придают лодке большую устойчивость в воде и предохраняют ее от сильной качки.

У нас применяются каноэ самых различных типов — от легкой, не превышающей весом 25 килограммов, гоночной одиночки до многоместной туристской лодки, на которой можно установить паруса.

Неоднократный чемпион страны по академической гребле, заслуженный мастер спорта Ипполит Рогачев вспоминает, как, еще будучи студентом, он впервые начал заниматься гребным спортом на каноэ.

— Во время каникул, — рассказывает Рогачев, — мы совершали на каноэ интересные путешествия по Москве-реке. Для туристов-водников эти лодки незаменимы. А сколько радости доставляет каноэ спортсменам! Гонки каноэ — очень красивое зрелище, особенно когда в них участвуют «двойки».

Четверть века назад, в 1927 году, Ипполит Рогачев завоевал звание чемпиона страны по каноэ. Сейчас он передает свой опыт молодым гребцам.

Юноше, впервые взявшему в руки весло каноэ, приходится много тренироваться для того, чтобы освоить технику гребли и управления лодкой. Трудно привыкнуть грести, стоя на одном колене. После нескольких минут тренировки начинающий гребец чувствует утомление, но через неделю — две он уже без труда сумеет проплыть на каноэ десяток километров.

Хорэс К. Болл — кандидат в губернаторы

Делон **АНДЕРСОН**

Рисунки В. Алимпиева

Однажды в начале августа миссис Лола Бендер, у которой мы с Клоди работали в это лето, послала Клоди в форт Стоктон починить уздечку и купить кое-что из бакалейных товаров. Клоди, который может думать только о чем-нибудь одном, починил уздечку, но потерял список бакалейных товаров. Он купил все, что мог припомнить, после чего мы отправились в городской парк, где Клоди мог спокойно посидеть и восстановить в памяти то, чего не купил. Но прежде чем это ему удалось, раздался громкий голос: «Спешите, господа!» В центре парка мы увидели эстраду, вокруг нее собиралась толпа, а рядом с эстрадой стояла машина. Над ее кабиной возвышались четыре больших репродуктора, из которых непрерывно сыпались приглашения подойти ближе. На борту машины висел плакат: «Хорэс К. Болл — кандидат в губернаторы». Мы поспешили к эстраде. На ней появился высокий господин с длинными бакенбардами; он также приглашал гуляющих подойти поближе. Я спросил у стоявшего рядом со мной джентльмена, не был ли господин с бакенбардами на эстраде Хорэсом К. Боллом, кандидатом в губернаторы.

— Нет. Это фокусник, собирающий толпу. Хорэс К. Болл говорит только после представления.

На лице Клоди, который иногда туговато соображает, появилось недоумевающее выражение, так что мне пришлось спросить:

— Какого представления?

— Этот фокусник собирается показать кое-что из своих трюков. Речами не очень-то соберешь народ, если сначала нет хорошего зрелища.

Как только Великий Ван (господин с бакенбардами) начал проделывать свои трюки, стало ясно, что он хорош в своем роде, то есть хорош, как всякий провинциальный фокусник. Он вытащил из уха своей ассистентки Флосси живых кроликов, карты, шелковые платки и, наконец, большой инкрустированный пистолет. Затем Великий Ван распилил Флосси пополам, причем Клоди почти поверил этому. Зрители аплодировали.

Хорэс К. Болл поднялся на эстраду и быстрыми шагами подошел к микрофону. Это был

небольшой господин лет сорока, с сияющей плешивой головой, квадратным лицом и большим ртом, полным неровных зубов.

Хорэс К. Болл отодвинул микрофон в сторону, заявив, что не нуждается во всех этих технических новинках для того, чтобы говорить со своими старыми друзьями. Его голос прорезал воздух, как гудок лесопильного завода. Он сообщил собравшимся, что его приезд в форт Стоктон все равно, что возвращение на родину, не потому, что он когда-нибудь жил здесь, а потому, что ему всегда хотелось жить в Стоктоне. Он рассказал, что родился в очень бедной семье в Восточном Техасе, но что любит западных техасцев так, как будто бы имел счастье всю свою жизнь прожить среди них.

Хорэс К. Болл утверждал, что видит в толпе самые приятные лица, какие ему когда-либо приходилось видеть.

Далее он перешел к изложению своей программы.

Он за хорошие дороги, как государственные, так и местные; за большие кюветы по обеим сторонам каждой дороги, чтобы вода могла свободно стекать во время дождя. Он за повышение цен на скот и другие сельскохозяйственные продукты и за понижение цен на плуги, бороны и т. д.

— Почему,— воскликнул он,— вы, мои дорогие сограждане, лишены всех этих благ, которых вы вполне заслужили? Я скажу вам, почему. В Остине[1] царит взяточничество и расточительность! Вот почему! Этому будет положен конец, дорогие техасцы, если вы 27 августа пойдете к избирательным урнам и выберете своим губернатором Хорэса К. Болла.

Далее он пояснил нам, против чего он борется, и, судя по тому, как он сделал это, никто в Техасе не был его противником в этом отношении, кроме Торнадо Тимпсона.

— Кто такой Торнадо Тимпсон? — прошептал мой товарищ.

— Это другой кандидат в губернаторы,— отвечал я, в то время как Хорэс К. Болл продолжал перечислять то, против чего он борется.

Он против Уолл-стрита, против спиртных напитков и азартных игр, против кражи скота и против ящура, он против монополий (здесь его голос превратился в рев священного быка)... Он ненавидит монополии больше, чем дьявол ненавидит святую воду, пояснил он. Избиратели разразились громкими аплодисментами, а некоторые даже кричали:

— Браво, Болл, так их!!!

Ярость кандидата в губернаторы, казалось, достигла своего предела, когда очередь дошла до трестов. Фактически, как пояснил он, его ненависть к трестам больше, чем к монополиям, и он был весь в мыле, когда говорил о тех и других.

Далее Хорэс К. Болл перешел к вопросу о Торнадо Тимпсоне. Он заявил, что ненавидит вносить в предвыборную борьбу, которую пытался вести честно, личные оскорбления, но вынужден это сделать ввиду вероломной тактики своего достойного соперника.

— Это неправда,— заявил он, положив правую руку на левую сторону груди, а левую воздев к небу,— что меня поддерживают тресты и монополии. Они поддерживают эту змею в овечьей шкуре, Торнадо Тимпсона, и он знает это! Спросите его об этом, когда он завтра будет выступать здесь! Он не признается, но пусть он попробует отрицать!

— Как жаль, Клоди, что мы не сможем быть здесь завтра и не услышим, как Тимпсон будет оправдываться!

На следующее утро оказалось, что Клоди забыл купить больше товаров, чем купил, так что нам пришлось вернуться в форт Стоктон, и, прослонявшись целый день по магазинам, мы к вечеру направились в парк. Когда мы пришли туда, предвыборное собрание уже началось. Сначала ковбои с гитарами и девушки с мандолинами песнями и танцами в течение часа собирали избирателей. Потом Торнадо Тимпсон произнес речь. Он говорил высоким голосом, и, когда дошел до трестов и монополий, он был жестоким; в действительности казалось, что он начал с того, на чем остановился Хорэс К. Болл. Стоя на возвышении, он посылал в их адрес кровавые угрозы, а пот ручьями струился по его лицу.

Через несколько дней я встретил Великого Вана в г. Пекос. Хорэс К. Болл и Флосси вот-вот должны были прибыть на собрание. Я сказал Великому Вану, что у него прекрасная ассистентка.

— Она, конечно, хороша в своем роде, но не увеличивает привлекательности моих номеров. Мы собираем слишком мало избирателей,— жаловался он.

— Зачем же тогда держать ее?

— Она стенографистка Хорэса К. Болла, и он использовал все свое влияние на трест «Браниган и Шварц», чтобы добиться для нее этой работы,— ответил Ван.

— Какое отношение имеет ко всему этому трест «Бранигэн и Шварц»?

— Это крупный дорожностроительный трест. Он финансирует избирательную кампанию Хорэса К. Болла.

— А кто оплачивает Торнадо Тимпсона?

— Трест «Бранигэн и Шварц»,— последовал ответ.

Из американского журнала «Атлантик».

Сокращенный перевод

Б. ЧЕРВЯКОВА

[1] Остин — резиденция губернатора штата Техас.

Остров ли Гренландия?

Величайший остров земного шара — Гренландия — покрыт вечными льдами, которые занимают большую часть его территории. Лишь узкие, не превышающие по ширине 200—300 километров, прибрежные полосы в южной части острова изредка оживляются летом в местах, защищенных от ветров, луговинками, покрытыми яркими цветами.

«Зеленой страной» назвал Гренландию, рассказывая о ней всякие небылицы, Эйрик Рыжий, желая увлечь за собой из Исландии поселенцев на открытую им землю.

Долгое время путешественникам не удавалось проникнуть в глубь Гренландии. Впервые пересек ее с востока на запад Фритьоф Нансен в восьмидесятых годах прошлого века.

Тысячелетиями накапливался на острове снег, не оттаивающий в течение короткого лета. Спрессовываясь под давлением собственной тяжести, этот снег превратился в конце концов в толщи льда, достигающие в среднем 1 600, а в некоторых районах и 2 500—2 700 метров.

В центре ледяного покрова Гренландии средняя годовая температура равна 30—32 градусам ниже нуля. Здесь обычны свирепые снежные штормы, при которых сила ветра настолько велика, что человека, падающего навстречу ветру, он поддерживает на весу в наклонном положении.

Такова грозная природа этого острова.

Но миллионы лет назад она была совсем иной. В Гренландии господствовал теплый, субтропический климат, и здесь росли магнолии и лавры. Многие районы острова были местами сильных вулканических извержений.

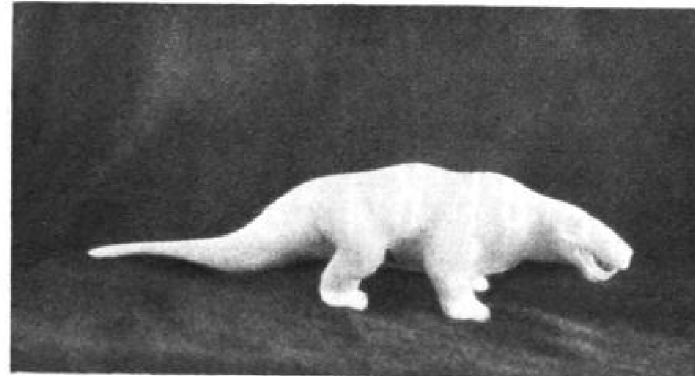
В последние десятилетия в полярных районах наблюдается потепление климата. Почему не предположить, что еще через миллионы лет Гренландия превратится в прежнюю теплую страну? Растают ее вечные снега, и исчезнет ледяной щит.

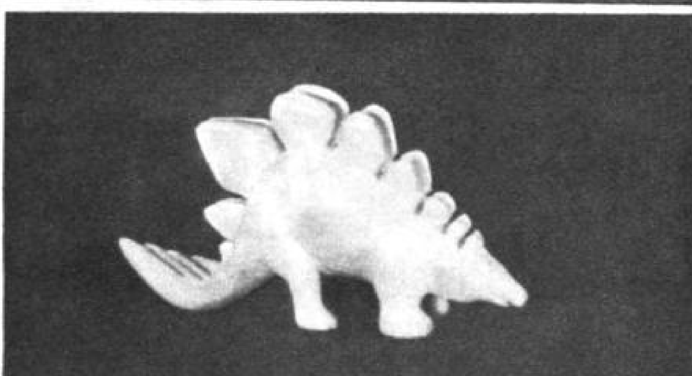
Что же увидят наши потомки после этого? Некоторые ученые предполагают, что Гренландия не сплошная суша колоссального острова, а архипелаг.

Шапка мощного льда покрывает этот архипелаг. Лед уничтожает все неровности рельефа, скрадывает горы и заполняет ущелья и водные пространства между отдельными островами.

И только когда исчезнет ледяная покрышка, выявится настоящий облик Гренландии — не острова, как мы до сих пор привыкли думать, а, возможно, группы островов, разбросанных по океану.

Доктор биологических наук
Н. СУШКИНА

ИСКУССТВО КОСТОРЕЗА

Якутский краеведческий музей приобрел коллекцию интересных изделий из кости костореза-самоучки, знатного охотника Ляховского наслега П. И. Пестерева.

Простыми инструментами — пилой и ножом — Пестерев искусно вырезал из мамонтовой кости фигурки животных, живших на земле миллионы лет назад: иностранцевии, стегозавра, трицератопса и других.

Говорящий грач

На Истре, в дачном саду, Н. Л. Скворцова подобрала грачонка. Он уже оперился, но летать еще не мог и сквозь редкую траву беспомощно озирал неведомый мир.

Самостоятельно есть грачонок не умел, кормили его с ложки; он с аппетитом глотал молоко, суп, кашу; рос и привязывался к людям. Назвали его Малыш. К осени он стал совсем ручным, научился летать, но не делал попыток присоединиться к оравшим на старых липах грачам. Когда Скворцовы с дачи переезжали в Москву, Малыша захватили с собой.

Зиму он проводил в Москве, скучал в клетке на кухне, а весной его вывозили на дачу, где Малыш получал полную свободу.

Он оказался очень общительной, веселой и озорной птицей: гонялся по саду за мячом, в комнатах, разгуливая по столу, раскидывал бабушкины пасьянсы, старательно собирал на дворе всякий мусор и сносил в облюбованное место, был неравнодушен к цветам яркой окраски, срывал их с клумбы и безжалостно щипал, превращая в самые крошечные лоскутки. Как большинство птиц, Малыш боялся кошек, но тех, которые жили в доме и к которым он привык, бесцеремонно таскал за хвост, а с одной кошкой, такой же проказливой, как он сам, занимался веселой игрой. Игра состояла в том, что, затаившись в разных углах комнаты, они вдруг наскакивали друг на друга, и грач прыгал через кошку или кошка перепрыгивала через грача.

На втором году жизни Малыша неожиданно выяснилось, что он умеет говорить, хотя никто его этому не учил. Его словарь состоял примерно из десятка постоянно произносимых слов, не считая тех, которые появлялись в его лексиконе случайно и больше не повторялись. На людях Малыш обычно молчал; он начинал разговаривать сам с собой, когда оставался один и, повидимому, скучал без привычного окружения и человеческой речи.

Его разговоры в запертых дачниками и, казалось бы, пустых комнатах однажды испугали владелицу дачи. Сидя в одиночестве, Малыш говорил:

«Малыш, малый! Ать, два, два! Ать, два, два!» Затем он начинал звать мужа своей хозяйки: «Володь! Володь!..» — И снова командовал: «Ать, два, два! Ать, два, два!..» Говорил он, опуская клюв книзу. Не всегда можно было установить, где Малыш слышал некоторые слова. Так, среди окружавших его людей не было ни одного Павла, и это имя не произносилось, но Малыш время от времени звал: «Павлик, Павлик! Павле...»

Вскоре выяснилось, что [illegible] и смеяться умеет, подражая сдержанному и добродушному человеческому смеху.

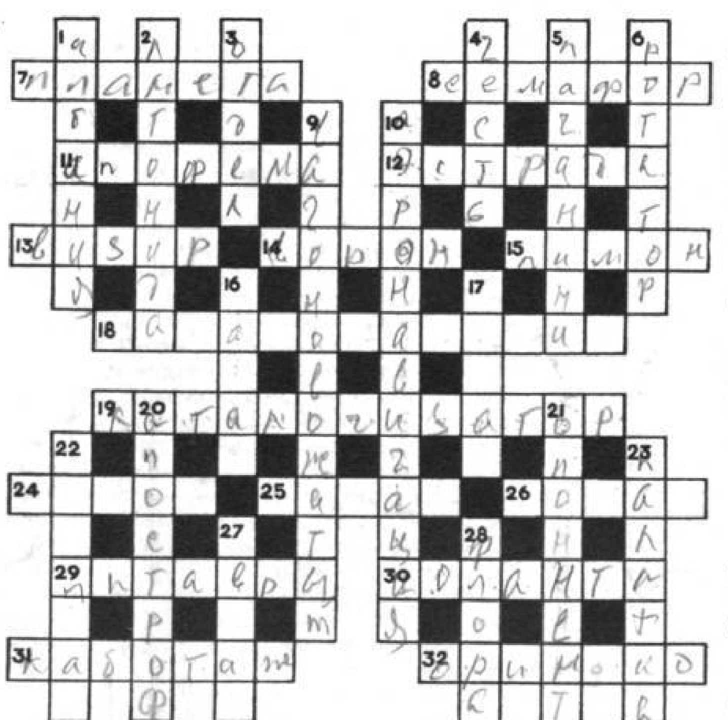
К своей хозяйке и воспитательнице Н. Л. Скворцовой Малыш был чрезвычайно привязан, издалека узнавал ее по шагам, любил с ней играть, сидеть у нее на плече, осторожно расчесывать клювом ее ресницы.

На ее зов: «Малыш, Малыш!» — он откликался протяжным «А-а...» Она научила грача на приказ «постучи» стучать клювом и подавать лапу.

Малыш прожил у Н. Л. Скворцовой шесть лет, никогда не делая попыток улететь, хотя имел для этого полную возможность.

Б. АЛЕКСЕЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Небесное тело. 8. Сигнальное устройство. 11. Длина перпендикуляра, опущенного из центра правильного многоугольника на любую из его сторон. 12. Вид музыкально-драматического искусства. 13. Видоискатель в фотографическом аппарате. 14. Птица. 15. Цитрус. 18. Отрасль пищевой промышленности. 19. Составитель перечня книг библиотеки. 24. Узорная плетеная тесьма. 25. Приток Витима. 26. Спортивный термин для обозначения резкого усиления хода. 29. Ударный музыкальный инструмент. 30. Опера П. И. Чайковского. 31. Прибрежное судоходство. 32. Река в Южной Америке.

По вертикали:

1. Народная республика. 2. Персонаж оперы Глинки «Иван Сусанин». 3. Часть учреждения или предприятия. 4. Высоко ценимое общественно-моральное состояние. 5. Итальянский композитор, скрипач. 6. Аппарат для получения копий. 9. Водитель одного из видов городского транспорта. 10. Авиационная наука. 16. Плод тропического растения. 17. Болотный газ. 20. Надстрочный знак. 21. Лицо, возражающее докладчику или диссертанту. 22. Персонаж «Бориса Годунова» А. С. Пушкина. 23. Торг. 27. Большая рытвина. 28. Растительный мир.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали:

4. Спартакиада. 6. Мотивировка. 7. Соль. 9. Банк. 12. Плоскость. 13. Окись. 14. Грань. 15. Додеканес. 19. Дефиле. 20. Массив. 21. Шмель. 22. Качели. 23. Стакан. 24. Баскетбол. 27. Вирта. 28. Минус. 29. Диспансер. 31. Трос. 33. Сажа. 34. Транспарант. 35. Учительница.

По вертикали:

1. Гастелло. 2. Натиск. 3. Развитие. 4. Семь. 5. Араб. 7. Секретариат. 8. Лесничество. 10. Аэростатика. 11. Кандидатура 15. Делиб. 16. «Ермак». 17. Атлет. 18. Смысл. 25. Агитация 26. Операция. 30. Ампула. 32. Струя. 33. Страз.

В этом номере помещены репродукции картин И. К. Айвазовского «Ревельский рейд», А. П. Боголюбова «Синопское сражение» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 04443. Подп. к печ. 22/VII 1952 г. Формат бум. 70 X 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. 581. Зак. № 1687. Рукописи не возвращаются

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

В свободный час с любимцем команды.

Фото Н. Веринчука

ЦЕНА 3 РУБ.